

А. К. КАМАЛОВ

ДРЕВНИЕ
УЙГУРЫ
VIII-IX вв.

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И
НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМ. Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВА
ЦЕНТР УЙГУРОВЕДЕНИЯ**

**КАЗАХСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ**

А.К.КАМАЛОВ

**Д Р Е В Н И Е У Й Г У Р Ы
VIII - IX ВВ.**

**Алматы
Издательский дом «Наш Мир»
2001**

ББК 63.3 (2 Уйг)

К 18

Ответственный редактор:

доктор исторических наук, профессор С.Г. Кляшторный

Рецензенты:

член-корреспондент АН РК,

доктор исторических наук Б.Е. Кумеков

кандидат исторических наук Р.У. Каримова

Редактор Алишер Халилов

Камалов А. К.

К-18 Древние уйгуры. VIII - IX вв. Алматы:

“Наш Мир”, 2001, 216с.

ISBN 9965-01-884-7

Монография посвящена политической истории раннесредневекового государства уйгуров – Уйгурского каганата (744-840). На основе письменных источников, прежде всего древнетюркских (древнеуйгурских) и китайских, реконструируются основные этапы исторической жизни древних уйгуров Центральной Азии, взаимоотношения уйгуров с Тарским Китаем и другими соседними государствами и народами, характеризуется структура власти в каганате, определяются роль и место Восточного Туркестана в политике уйгурских правителей.

Книга предназначена для историков, источниковедов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории тюркских народов. Книга может быть использована в качестве учебного пособия в высших учебных заведениях.

Рекомендована к печати Ученым Советом Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Министерства образования и науки Республики Казахстан и Ученым Советом факультета международных отношений КазГУ им. Аль-Фараби.

0503020000-01

ББК 63.3(2 Уйг)

К 00(05)-01 — Без объявл. 2001

ISBN 9965-01-884-7

© Камалов А.К., 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	5
Предисловие.....	7
<i>Глава I. Изучение истории кочевых уйгуров.....</i>	<i>10</i>
<i>Глава II. Письменные источники по истории Уйгурского каганата.....</i>	<i>27</i>
1. Китайские источники.....	27
2. Древнеуйгурские, арабские и персидские источники.....	46
<i>Глава III. Становление и расцвет Уйгурского каганата.....</i>	<i>58</i>
1. Уйгурские племена до образования Уйгурского каганата.....	58
2. Крушение Второго Восточно-тюркского каганата. Образование Уйгурского государства.....	68
3. Внутренние войны в Уйгурском каганате в правление Элетмиш Бильге-кагана (747-759)...	75
4. Уйгуры и Китай в период восстания Ань Лушаня-Ши Чаои (755-762).....	96
5. Походы уйгуров в Центральный Китай.....	107
6. Пограничная политика Танской династии и мятеж Пугу Хуайэня (764-765).....	117
<i>Глава IV. Уйгурский каганат и Восточный Туркестан.....</i>	<i>126</i>
1. Структура власти в Уйгурском каганате при Элетмиш Бильге-кагане и Бёгю-кагане.....	126
2. Политика Бёгю-кагана (759-779) в отношении Восточного Туркестана и Танской империи...	137
3. Переворот Тон бага-таркана в 779 г. и участие уйгуров в восстании хэбэйских губернаторов в Китае	148

4. Уйгуро-тибетская война в Восточном Туркестане (790-792 гг.).....	160
<i>Глава V. Уйгуро-кыргызские войны и падение Уйгурского каганата.....</i>	<i>179</i>
Заключение.....	188
Приложение № 1. Карабалгасунская надпись.	
Китайская версия.....	194
Приложение № 2. Уйгурские правители.....	198
Список сокращений.....	199
Библиография.....	200

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории одной из могущественных кочевых империй Центральной Азии – Уйгурского каганата. Просуществовав немногим менее ста лет (744-840), это древнетюркское государство тем не менее оставило яркий след в истории Центральной Азии. Значимость периода существования Уйгурского каганата заключается в том, что это был период наивысшего военно-политического могущества древних уйгуров, когда их государство встало в один ряд с такими азиатскими империями как Танский Китай и Тибет. Вместе с тем этот период ознаменовал собой изменения в развитии хозяйственной и социальной жизни уйгурского общества, связанные с переходом уйгурских племен от кочевнической жизни к оседло-земледельческой. В современной уйгурской историографии период каганата приобрел также концептуальное и политическое значение при определении исторических корней уйгуров Восточного Туркестана и установлении их автохтонного происхождения.

Будучи практически первым систематическим изложением истории Уйгурского каганата, монография содержит главные для историографического осмысления разделы, освещающие события военно-политической истории каганата в их взаимосвязи и взаимообусловленности, сложившуюся структуру власти внутри империи, взаимодействие внутренних и внешних факторов, определявших судьбу уйгурского государства.

Комплексно исследуя и сопоставляя китайские и древнеуйгурские (древнетюркские) источники, автор предлагает новое понимание истории Уйгурского каганата, особенно в ранний период его существования. Вместе с тем история каганата рассматривается в исследовании в тесной связи с историей всей Центральной Азии и Танского Китая и предлагает обширный материал для решения проблем, связанных с более общими

историческими темами.

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить всех, кто словом и делом помогал ему в его научной деятельности и способствовал выходу в свет настоящей книги - прежде всего Санкт-Петербургских востоковедов: своего учителя профессора - Сергея Григорьевича Кляшторного, учителя в синологических штудиях, профессора Льва Николаевича Меньшикова, а также профессоров Евгения Ивановича Кычанова, Турсуна Икрамовича Султанова. Особую признательность за поддержку автор хотел бы выразить сотрудникам бывшего Института уйгуроведения Академии наук РК им.Г.С.Садвакасова (ныне Центра уйгуроведения Института востоковедения МОН РК), в первую очередь своему наставнику Гегелю Маджитовичу Исхакову.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древние уйгуры - один из крупнейших средневековых этносов, сыгравших значительную роль в этнополитической истории народов Центральной Азии. История древних уйгуров на основе сведений письменных источников прослеживается на протяжении почти тысячелетнего периода: начиная со времени появления на международной арене племенного объединения "гаочэ"- "тегрэг" (высокотележники) в IV веке, до XIII-XV вв., когда древние уйгуры окончательно влились в состав новоуйгурского или современного уйгурского этноса Восточного Туркестана и желтых уйгуров Ганьсу. Историческая жизнь протоуйгурских племен в эпоху, предшествовавшую этому временному отрезку, т.е. ранее IV в., не поддается реконструкции, однако, известно, что она непосредственно связана с гуннским племенным союзом. В истории собственно древнеуйгурских племен выделяются три основных периода: 1. Период государственных образований в Монголии и Джунгарии (союзы кочевых племен IV-VI веков). 2. Период раннегосударственных коевнических образований - каганатов - в Центральной Азии (Первый Уйгурский каганат, 647-689 годы; Второй Уйгурский каганат, 744-840 годы). 3. Период возникновения и длительной исторической жизни оседлых государств в Восточном Туркестане и Ганьсу, IX-XIII вв. Исторические сведения о союзах племен, предшествовавших образованию двух Уйгурских каганатов, весьма отрывочны и не позволяют составить целостного представления об истории уйгуров того времени. Более полными являются сведения, относящиеся к последующим двум периодам истории уйгуров, их государственности в Монголии, Восточном Туркестане и Ганьсу.

↳ Особое место среди уйгурских политических образований

средневековья занимает Второй Уйгурский каганат (744-840 гг.), могущественное государство, созданное уйгурами на руинах Восточно-тюркского каганата. Просуществовав всего около ста лет, Второй Уйгурский каганат оставил блестящий след в истории Центральной Азии. Каганат ознаменовал собой период наивысшего политического подъема древних уйгуров. Уйгурское государство наряду с Китаем и Тибетом вошло в число трех крупнейших империй того времени, определявших ход событий на обширных просторах Внутренней Азии. В период существования Уйгурского каганата произошли окончательная солидация уйгурских племен и распространение этнонима "уйгур" на весь племенной союз токуз-огузов, возглавляемый уйгурами. Высокое развитие в уйгурскую эпоху получает письменная культура уйгуров. Созданные ими камнеписные памятники руническим письмом вошли в золотой фонд древнетюркской письменной культуры. Крупнейшим событием в Уйгурской империи стало принятие уйгурами манихейства и объявление его государственной религией. Это - единственный уникальный случай в мировой истории, когда манихейство получило статус государственной религии. Уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и достигло большого развития в Уйгурском Турфанском идыкутстве в Восточном Туркестане, в IX-XIII вв.

✓ В эпоху существования Второго Уйгурского каганата (744-840 гг.) начался процесс перехода уйгуров от кочевнических форм хозяйства и культуры к формам, свойственным оседлым цивилизациям, включая элементы городской культуры, которые начали формироваться в уйгурском обществе под влиянием среднеазиатской (иранской) цивилизации. Эти тенденции получили свое полное развитие после падения Второго Уйгурского каганата (840 г.) и перемещения центра уйгурской государственности из Монголии в Восточный Туркестан. В меньшей мере они были свойственны Ганьчжоускому Уйгурскому каганату, созданному уйгурами в Ганьсу.

Трансформация центрально-азиатской кочевнической со-

циальной, политической и экономической структуры в совершенно иную по своим параметрам модель, выработанную и порожденную оседло-земледельческой и городской цивилизацией в Восточном Туркестане и Средней Азии, представляет интерес как в общетеоретическом, так и в конкретно-историческом аспектах. В этой связи несомненный интерес вызывает история Второго Уйгурского каганата, занимающего промежуточный этап в развитии экономической и социальной жизни уйгурского общества и его политической организации. Между тем существующие на эту тему работы являются либо сводками извлечений из источников, либо весьма узкими исследованиями, по большей части касающимися принятия уйгурами манихейства (762 г.) или последних лет существования уйгурского каганата, его падения и дальнейшей судьбы уйгурских племен. Именно это обстоятельство побудило автора настоящего исследования обратиться к малоизученным или вовсе неизученным проблемам военно-политической истории древних уйгуров в период существования Второго Уйгурского каганата и на основе сопоставительного анализа сведений уйгурских (тюркских), китайских и др. письменных источников восстановить политическую историю каганата, прежде всего в период его становления и расцвета. Основными проблемами, рассматриваемыми в работе, являются взаимоотношения уйгуров с тюрками, уйгуро-китайские отношения, политическая структура уйгурского общества в эпоху каганата, западная политика уйгурских каганов, степень вовлеченности Восточного Туркестана в политическую и экономическую жизнь орхонских уйгуров.

Эти проблемы и связанные с их решением материалы рассматриваются в предлагаемом исследовании во взаимосвязи, а предложенные решения являются результатом комплексного изучения главным образом китайских и древнетюркских (древнеуйгурских) источников. Последнее обстоятельство определило и структуру исследования, в которой значительное место отводится источниковедческому анализу письменных источников.

ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КОЧЕВЫХ УЙГУРОВ

Начальный этап изучения древних уйгуров совпал с изучением китайских источников, повествующих о древних народах, обитавших в Центральной Азии. Китайские сведения об уйгурах-“хуэйхэ” были впервые введены в научный оборот в XVIII в. французскими синологами Ж.Дегинем, Гобилем, Ж. де Майя, К. де Висделу [Deguines 1756, 11-25; Visdelou 1799, 128-152]. Несмотря на то, что труды этих исследователей носили общий характер и китайские известия помещались в них не в точном переводе, а в виде пересказа, несмотря на довольно скромное место, которое отводилось в них “хуэйхэ” по сравнению с другими народами, все же на этом этапе изучения истории уйгуров были получены определенные результаты: установлены ближайшие предки “хуэйхэ” (племена “гаочэ»), обрисована в общих контурах политическая история “хуэйхэ”, выявлены миграции “хуэйхэ” после падения их могущества в Монголии. Вместе с тем синологи не усмотрели связи между исследуемыми в их трудах “хуэйхэ” танской эпохи (VII-X вв.) и уйгурами (кит. вэйвуэр), населявшими Турфанский оазис в последующую эпоху.

Идентичность “хуэйхэ” и уйгуров была установлена в XIX в. в ходе научной дискуссии по уйгурскому вопросу. Дискуссия была начата учеными тюркологами и, возможно, поэтому поначалу почти никто из ее участников не обратился к китайским сведениям о “хуэйхэ” танской эпохи. Французский синолог А.Ремюза, единственный, кто привлек эти сведения, тем не менее не допускал возможности, что “хуэйхэ” и были уйгурами [Remusat 1820]. Мысль о последнем впервые была выдвинута русским китаеведом Н.Я.Бичуриным (Иакинфом) в опубликованных в 1828 г. “Записках о Монголии” [Бичурин 1928, 136]. Однако Н.Я.Бичурин, являясь убежденным сторонником тео-

рии монгольского происхождения древних обитателей современной Монголии, ошибочно относил к монголам и уйгуров.

По сравнению с историческими воззрениями Н.Я.Бичурина, более ценным был его вклад в изучение китайских текстов о народах, живших по соседству с Китаем в древности и средневековье. Крупным событием стал выход в свет его книги “Собрание сведений о народах, обитавших в древности в Средней Азии” (1851) [Бичурин 1950-1953]. Впервые в этой книге китайские известия об иноземцах предстали не в виде пересказа, а в переводе, в чем уже заключалась большая заслуга китаеведа. Н.Я.Бичурин поместил в книге переводы китайских сведений о древних народах, извлеченных из раздела “Биографии” династийных историй и сочинения Сыма Цяня “Исторические записки”, в том числе повествования об уйгурах из “Синь Таншу” (“Новой истории династии Тан”). При этом в качестве справочного материала, поясняющего основной текст, были использованы сведения из сочинения Чжу Си “Цзычжи тунцзянь ганму”.

По словам А.Н.Бернштама, непреходящая ценность труда Бичурина состояла “в том, что он дал исследователям тексты во всей полноте и многообразии” [Бернштам 1950-1953, XXVI]. Переводы Н.Я.Бичурина сыграли большую роль в изучении истории Центральной Азии. На них опирались в своих изысканиях известные русские и советские востоковеды. Они и сейчас продолжают служить источником информации для многих ученых [Думан 1977, 13-14]. В связи с этим необходимо обратить внимание не только на достоинства, но и на недостатки книги Н.Я.Бичурина. Некоторые из них отмечались еще современниками ученого, которые, в частности, указывали на излишнее его доверие к показаниям китайских историографов и отсутствие критического подхода к ним.

Кроме Н.Я.Бичурина публикацией китайских текстов о древних народах Центральной Азии занимались французский синолог С.Жюльен и врач Российского посольства в Пекине

Э.В.Бретшнейдер. С.Жюльен опубликовал ряд текстов по истории тюрков [Julien 1864]. В связи с историей уйгуров заслуживает внимания его перевод путевых заметок китайского посланника Ван Яньдэ, посетившего турфанских уйгуров в 981-983 гг. [Julien 1847, 50-66]. Основу монографии Э.В.Бретшнейдера составили источники XIII-XIV вв., но в них имеются краткие рассказы об уйгурах Танской эпохи [Bretschneider 1876, 115-119; 1910, 236-263].

Накопленный к концу XIX в. материал по истории уйгуров эпохи Тан требовал систематизации и обобщения. Эту задачу попытались решить русские востоковеды В.В.Радлов и Д.Позднеев. В сочинении "К вопросу об уйгурах" В.В.Радлов собрал из различных источников известные в то время сведения об уйгурах. В отдельный раздел он выделил легендарные известия об уйгурах, затем разобрал исторические сведения, на основе которых дал обзор древней истории уйгуров [Радлов 1893; 1890].

В отличие от В.В.Радлова, Д.Позднеев при написании своей книги "Очерк истории уйгуров (по китайским источникам)" ставил перед собой более узкую задачу - создать связную политическую историю уйгуров исключительно на китайских материалах. Свою цель он определял так: "Дать ответы на мелкие частные вопросы и выяснить еще оставшиеся темными стороны дела, указывая при этом на недочеты прежних исследователей" [Позднеев 1899, XI]. Д.Позднеев схематично, в хронологической последовательности изложил основные сведения китайских источников об уйгурах и их предках, разбив их по правлениям той или иной династии в Китае. Ему принадлежит заслуга в исправлении некоторых неточностей в переводах и интерпретациях Н.Я.Бичуриным сведений о телеских племенах из истории династии Суй (583-618), которые "при всей их краткости проливают много нового света на этнографию хуэйхэских племен и устанавливают прочную связь между показаниями Вэйских и Танских летописей" [Позднеев 1899, XXIX]. Ис-

правление ошибочной трактовки Н.Я.Бичуриным китайского термина “бэйхай” (букв. “северное море”) позволило Д.Позднееву дать более точную локализацию древнеуйгурских племен. Д.Позднеевым были также восполнены отдельные пропуски в переводах Н.Я.Бичурина. В частности, он поместил в книге перевод доклада Танского министра Ли Цзяна, содержащего сведения об уйгурах (814 г.). Следует заметить, что совершенно понятное решение автора ограничить область своих изысканий только китайскими материалами привело к однобокости повествования. Это повествование, впрочем, было неполным даже в рамках использованных китайских источников. Заслуживает критики сам подбор источников, на которые опирался Д.Позднеев. В основном в своей работе он использовал энциклопедию Цинской эпохи (XVIII в.) “Гуцзинь тушу цзи-чэн” (“Полное описание древних и современных книг”). Правда, в числе использованных источников называются также и династийные истории и несколько сочинений энциклопедического жанра более ранней эпохи, однако, использование этих источников замечается лишь в редких случаях. В целом же, чувствуется зависимость автора от компилятивных сочинений, само обращение к которым в то время, когда наука располагала переводами непосредственных первоисточников, представляло шаг назад. Это стало одной из причин появления в книге Д.Позднеева многочисленных фактических ошибок, которые позже перекечевали на страницы некоторых современных исследований [см.: Тихонов 1966, 27; Гумилев 1967, 408].

Открытие в конце XIX в. ключа к древнетюркской рунической письменности дало исследователям новый круг источников по истории древних тюрков и потребовало от синологов публикаций более точных и надежных переводов текстов о тюрках. Среди таких публикаций интерес представляют труды Э.Шаванна, которые содержат переводы извлечений из повествований Танских исторических сочинений об уйгурах, сеяньто и шато [Chavannes 1903, 87-99; 1904].

Содержание древнетюркских рунических памятников дало исследователям много материалов по истории восточных тюрков, но гораздо меньше по истории уйгуров. Из большого числа расшифрованных в то время камнеписных памятников лишь два памятника относились к уйгурской эпохе - эпитафия Элетмиш Бильге-кагана из Могон Шине Усу (Селенгинский камень) и Карабалгасунская трилингва. Надпись из Могон Шине Усу публиковалась Г.Рамстедтом на немецком языке в 1913 г. и на русском в 1914 г. [Рамстедт 1914]. Китайскую надпись на памятнике из Карабалгасуна изучали Э.Кох, Девериа, Г.Шлегель, В.П.Васильев [Васильев 1897]. Согдийская версия впервые была опубликована О.Хансеном в 1930 г. [Hansen 1930], уйгурская часть надписи почти не сохранилась [Radloff 1895, 175-460]. В обсуждении сведений Карабалгасунской надписи принимали участие Э.Шаванн и П.Пельо [Chavannes, Pelliot 1911, 499-617; 1913, 99-199, 261-394], В.Хеннинг [Henning 1948, 547-571] и многие другие известные востоковеды [Mackerras 1972, 184-187].

Изучение истории Уйгурского каганата в России проводилось и после Октябрьской революции. В первые десятилетия советской власти продолжали свои исследования такие известные ученые, как В.В.Бартольд и Г.Е.Грумм-Гржимайло [Бартольд 1963; 1968а; 1968 б]. В различных своих работах В.В.Бартольд поднимал такие проблемы уйгурской истории, как уйгуро-кыргызская война, влияние согдийцев на уйгуров и др. Большое значение имело привлечение им арабских сведений для разрешения некоторых проблем уйгурской истории. К ним относилась проблема "токуз-огузов" - термина, встречающегося в древнетюркских, арабских и персидских источниках. Трактовка этого термина, предложенная В.В.Бартольдом, не получила подтверждения в дальнейших исследованиях. Токуз-огузской проблемы касались многие ученые, в том числе Й.Маркварт, А.Ю.Якубовский [Якубовский 1947]. В настоящее время наиболее убедительным является исследование, проведенное

В.Ф.Минорским, который доказал, что арабские историки во всех случаях токуз-огузами называли уйгуров [Minorsky 1948].

Краткая история Уйгурского каганата была дана путешественником Г.Е.Грумм-Гржимайло в книге “Западная Монголия и Урянхайский край” [Грумм-Гржимайло 1926, 331-400]. При создании исторической части книги автор ставил задачу “собрать, классифицировать и вообще организовать” исторические материалы о народах, обитавших на территории Монголии в древности и средневековье. Историографическая деятельность Г.Е.Грумм-Гржимайло подверглась критике академика В.В.Бартольда, упрекавшего его в вольном обращении с фактами [Бартольд 1968, 280-282]. Действительно, отсутствие у известного путешественника востоковедной подготовки, незнание восточных языков не могли не отразиться на его интерпретации исторических событий. В его книгу оказались перенесенными многие ошибки, допущенные Д.Позднеевым и другими китаистами. Впрочем, в отдельных случаях обширная библиография, на которую опирался автор, позволяла ему не только избежать повторения ошибок предшественников, но иногда даже исправлять их. Несомненной заслугой ученого было создание относительно полной сводки историографии древней и средневековой истории Монголии, сопоставление свидетельств письменных источников с географическими реалиями и нанесение их на карту региона.

К изучению истории орхонских уйгуров имеют прямое отношение исследования известного советского ученого А.Н.Бернштама, внесшего большой вклад в реконструкцию социально-экономической истории Восточно-тюркского каганата [Бернштам, 1946]. Несколько позже события политической истории кочевых уйгуров были описаны в книге Л.Н. Гумилева “Древние тюрки” [Гумилев 1967].

Одновременно с историческими тюркологическими исследованиями в СССР продолжалась вестись работа по переводу первоисточников. Дополнить и уточнить переводы Н.Я.Бичу-

рина - такая цель была поставлена Н.В.Кюннером в книге “Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока” [Кюннер, 1961]. В нее вошли переводы сведений о чужеземных народах, извлеченные главным образом из китайских сочинений энциклопедического жанра. Среди этих переводов есть и сведения об уйгурах и других токуз-огузских племенах. Так, Н.В.Кюннером опубликовано повествование об уйгурах из энциклопедии “Тайпин хуаньюй цзи” (“Описание Вселенной, составленное в годы правления Тайпин”, X в.) [Кюннер 1961, 32-34]. К переводам Н.В.Кюннера примыкает статья Ю.А.Зуева, в которой публикуется и исследуется одна из глав “Тан хуэйяо”, посвященная тамгам лошадей иноземцев, в том числе уйгурских племен [Зуев 1960, 93-140].

При известной скудости письменных свидетельств о внутренней жизни уйгуров большую ценность имеют археологические находки, относящиеся к уйгурской эпохе. В настоящее время наиболее изучены археологические памятники уйгурского времени на территории Тувы, входившей в состав каганата. Археологический материал, обнаруженный при раскопках в Туве, позволил Л.Р.Кызласову выделить целый комплекс элементов культуры древних уйгуров, включающий в себя градостроительную архитектуру, производство гончарных изделий и оружия, металлургию и пр. [Кызласов 1969, 63]. Характеристика предметов материальной культуры древних уйгуров, данная Л.Р.Кызласовым, воспроизведена позже в статье Д.И.Тихонова [Тихонов 1978, 49-58]. Изучением уйгурских городов в Туве занимался также С.И.Вайнштейн, которому принадлежит открытие резиденции уйгурского Элетмиш Бильге-кагана на одном из небольших островков озера Тере-холь, расположенного на крайнем юго-востоке Тувы [Вайнштейн 1964, 103-114]. Наиболее полное описание уйгурских городов в Туве дал Л.Р.Кызласов, который отнес к уйгурскому периоду и некоторые катакомбные погребения [Кызласов 1959, 66-80; 1969, 11]. Однако предложенная им атрибуция катакомб не получила признания

археологов [Савинов 1984, 85-86]. Отдельные проблемы истории Уйгурского каганата затрагиваются в работах археологов И.Л.Кызласова, Ю.С.Худякова [Кызласов 1979, 280-290; Худяков 1989, 27-34; Худяков 1990, 84-89; Худяков, Цэвэндорж 1982]. Археологический материал в целом выходит за рамки настоящего исследования и потому учитывался лишь при освещении некоторых общих вопросов истории каганата.

Значительно больший интерес для исследования истории орхонских уйгуров представляют уйгурские эпиграфические памятники. В их изучение большой вклад внес российский тюрколог С.Г.Кляшторный, который ввел в научный оборот ряд источников. Ему принадлежит публикация текстов недавно открытых древнеуйгурских рунических надписей - Терхинской, Тэсинской и Сэврэйской [Кляшторный 1980, 82-95; 1987, 19-37; Кляшторный, Лившиц 1971, 106-112]. Кроме того, С.Г.Кляшторным внесены важные поправки в прочтение надписей, открытых в более раннее время, в том числе надписей из Могон Шине Усу и Суджи [Кляшторный 1980, 87-90; 1959, 162-169]. Так, ему удалось расшифровать наиболее сложную для понимания первую строку кыргызской Суджинской надписи, представляющей ценность для изучения истории Уйгурского каганата. Подробный анализ всей информации, содержащейся в надписи, позволил ему раскрыть ее историко-культурное значение.

Уйгурский каганат, как известно, ни в этнокультурном, ни в социально-экономическом отношении не отличается от тюркских каганатов и государства енисейских кыргызов. Поэтому к истории Уйгурского каганата применимы результаты исследований С.Г.Кляшторного в области социальной и культурной истории древнетюркских государств - выявлении особенностей социальной структуры древнетюркского общества, форм социальной зависимости [Кляшторный 1986, 217-228]. Некоторые вопросы орхонского периода истории древних уйгуров получили освещение в работе С.Г.Кляшторного "История тюр-

кского населения Восточного Туркестана” [Кляшторный, Колесников 1988], а также в книге “Казахстан. Летопись трех тысячелетий” [Кляшторный, Султанов 1992, 105-112].

Китайские известия о расселении уйгуров после падения их государства в середине IX в. подробно изучены А.Г.Малявкиным. Собрание комментированных переводов китайских источников об уйгурах указанного времени опубликовано им в книге “Материалы по истории уйгуров IX-XII вв.” [Малявкин 1974]. Проблемы исторической судьбы уйгурских племен после 840 г. исследуются ученым в монографии “Уйгурские государства в IX-XII в.” [1983] и ряде статей. Более ранние этапы истории древнеуйгурских племен рассмотрены А.Г.Малявкиным в таких статьях, как “Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии” [1980] и “Вожди древних уйгуров” [1984]. Специальное исследование посвящено им истории борьбы Тибета с Танским Китаем за господство в Кашгарии [1992]. Большой вклад внес А.Г.Малявкин в изучение не только китайских источников об уйгурах, но и исторической географии Центральной Азии [Малявкин 1974; 1981; 1989]. Тематически к исследованиям А.Г.Малявкина близки разработки Г.П.Супруненко по танско-кыргызским отношениям после падения Уйгурского каганата, тайваньца Цзай Вэньшэня по истории уйгуров после 840 г. и американца М.Р.Драмппа о судьбе уйгуров, подчинившихся Танской империи [Супруненко 1975, 59-64; Tsai Wenshen 1967; Drompp 1987, 1-46; Drompp 1988, 1-23].

История древних уйгуров, интенсивно изучавшаяся европейскими учеными в XVII-XIX вв., в начале XX столетия привлекла внимание исследователей Японии и Китая. Одна из первых работ по уйгурской проблематике, написанная “отцом японского уйгуроведения” (определение Такео Абэ) Ханеда Тору, была посвящена установлению содержания термина “цзю син хуэйлу” (“уйгуры девяти фамилий”) и его соотношению с понятием “токуз-огуз” [Ханеда 19576, 325-394]. Хотя Ханеда Тору

в изучении токуз-огузской проблемы были получены определенные результаты, долгое время они оставались вне поля зрения европейских ученых и стали известны лишь после опубликования статьи Э. Дж. Пуллиблэнка [Pulleyblank 1958, 35-42], которая познакомила читателей с основными выводами Ханеда Тору и наблюдениями самого автора. В другой своей работе "Уйгуры в эпоху Тан" Ханеда Тору впервые подробно изложил китайские сведения об уйгурах Танской эпохи [Ханеда 1957а, 157-324]. История уйгуров рассматривается в ней по правлениям отдельных предводителей, возглавлявших уйгуров в течение VII-X вв. При реконструкции истории Уйгурского каганата Ханеда привлек не только китайские источники, но и известные в то время памятники уйгуров - надпись из Могон Шине Усу и китайскую версию Карабалгасунской надписи, хотя уйгурская надпись использовалась им недостаточно полно. Сведения Карабалгасунской надписи позволили ему дополнить данные китайских источников об уйгурах в период правления Баои-кагана (808-821). В приложение к работе Ханеда включил свою реконструкцию китайской версии надписи из Карабалгасуна. Несмотря на тщательность разбора китайских сведений об уйгурах, все же некоторые сведения оказались вне поля зрения Ханеда Тору. К ним прежде всего относятся сведения танских династийных историй и Сыма Гуана об участии уйгуров в антитанском восстании хэбэйских губернаторов в 783-784 гг. Довольно слабое освещение получила в статье уйгурская помощь Танам во время восстания Ань Лушаня и его преемников в 50-е гг. VIII в. Вместе с тем Ханеда высказал немало интересных мыслей по конкретным вопросам уйгурской истории.

Отдельные проблемы истории Уйгурского каганата разрабатывали в разное время японские ученые Тадзака Кодо, Ямада Нобуо, Хино Кайцабуру. Изучив сведения о перевороте в Ордубалыке в 779 г., Тадзака Кодо пришел к выводу о его антима-нихейском и антисогдийском характере [Тадзака 1940, 223-232]. Ямада Нобуо рассмотрел очень важную и трудную проблему

идентификации личности “небесного кагана”, чьи деяния описываются в Карабалгасунской надписи [Ямада 1920, 90-113]. Согдийская версия этой надписи в последние годы успешно исследуется Йосида Ютака. Хино Кайцабуру принадлежит изучение сведений китайских источников об уйгурских деньгах [Кайцабуру 1956, 38-49].

Проблемы социальной организации Уйгурского каганата вскользь затрагиваются в статье китайских авторов Фэн Цзяшэна, Чэн Суло и Му Гуанвэня, опубликованной в 1956 г. [Фэн Цзяшэн и др. 1956]. Более серьезным вкладом этих ученых в изучение истории уйгуров стала их книга “Краткий свод материалов по истории уйгуров”. В ней опубликованы сведения об уйгурах, извлеченные из китайских, тюркских, арабских и персидских сочинений, а также европейских исследований и относящиеся к периоду с раннего средневековья до XVIII в. Несмотря на ограниченность привлекавшихся источников, а также отсутствие критического анализа, книга Фэн Цзяшэна и его соавторов стала полезным пособием по истории уйгуров.

Самая крупная монография о средневековых уйгурах создана японским ученым Такео Абэ [Такео Абэ 1955]. Хотя она посвящена истории турфанских уйгуров (IX-XIV вв.), в двух ее главах рассматриваются проблемы более ранней истории уйгуров. Освещая предысторию Уйгурского Турфанского княжества, Абэ затронул вопрос о политике орхонских уйгуров в Восточном Туркестане. Проанализировав сведения различных источников, прежде всего китайских и древнеуйгурских, он опроверг мнение О.Тадзака, согласно которому, в конце VIII в. в Восточном Туркестане утвердилось тибетское господство, и обосновал вывод об установлении в этом районе власти Уйгурского каганата. Т. Абэ также рассмотрел период расселения уйгуров после падения их государства в Монголии. Переселение уйгуров в Восточный Туркестан он считал закономерным и связывал его с западным проектом уйгурских каганов из династии Эдизов, правивших с конца VIII в. В книге Абэ высказывается

немало интересных гипотез, которые заслуживают внимательного изучения.

Говоря об изучении китайских сведений об уйгурах, нельзя не упомянуть “Материалы по истории тюрок” Цэнь Чжунмяня, в которые включена подборка сведений об уйгурских племенах, извлеченных из китайских исторических сочинений “Тун дзянь”, “Тайпин хуаньюй цзи” и др. [Цэнь Чжунмянь 1958а, 1-2]. Участие уйгуров в подавлении восстания Ань Лушаня-Ши Чао и танско-уйгурская торговля в кратком виде излагаются в другой книге ученого “История Суй и Тан” [Цэнь Чжунмянь 1958б].

Публикацию китайских известий об уйгурах продолжил тайваньский ученый Цзай Вэньшэнь. Его работа “Уйгуры по письмам Ли Дэюя (840-900)”, написанная на турецком языке, представляет собрание материалов об уйгурах после падения каганата. Это исследование не совсем соответствует своему наименованию, поскольку в нем меньше всего даются переводы из сочинений Танского министра Ли Дэюя, гораздо больше места в ней занимают тексты из других официальных Танских сочинений. В книгу Цзай Вэньшэнь включил также тексты об уйгурах, относящиеся к периоду с 821 по 840 гг. [Tsai Wenshen 1967; Супруненко 1975, 59-64].

В настоящее время историей уйгуров успешно занимается японский исследователь Такао Мориясу. В одной из статей он рассматривает проблему исхода уйгуро-тибетской войны в конце VIII в. и дальнейшей ситуации в Восточном Туркестане [Мориясу 1973, 60-87; Moriyasi 1981, 193-205]. На основе широкого круга независимых друг от друга письменных свидетельств Т. Мориясу удалось вслед за Т. Абэ обосновать вывод об установлении уйгурского контроля в значительной части Восточного Туркестана после окончания указанной войны. Другая статья ученого посвящена изучению сведений о переселении западной группы уйгуров в Восточный Туркестан после крушения Уйгурского каганата [Мориясу 1977, 105-130]. Мориясу при-

надлежит также интерпретация сведений тибетского документа из Дуньхуана, представляющего собой отчет пяти уйгурских посланников [Mogiya 1980, 171-184].

Исследование истории Уйгурского каганата ведется в настоящее время и в Китайской Народной Республике. Однако работы китайских авторов не содержат сколько-нибудь новой информации [Фань Баолян 1987, 63-69; Цинь Вэйсин 1987]. Заслуживает внимания лишь статья Ма Цзюнь-миня, посвященная танско-уйгурской торговле [Ма Цзюньмин 1984, 67-76]. Следует отметить, что особенностью современного этапа изучения истории уйгуров в КНР является активное подключение к исследованию своей истории уйгурских ученых из Восточного Туркестана, наиболее известными из которых являются Тургун Алмас и Курбан Вали [Алмас, 1995]. Основные сведения об истории древних уйгуров, в том числе Уйгурского каганата, включены практически во все общие истории уйгуров, изданные в Синцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Крупные обобщающие истории древних уйгуров созданы тайванскими учеными Ли Футуном и Лю Итаном.

Изучение истории уйгуров в Западной Европе после длительного затишья вновь активизировалось в середине XX столетия. Среди источниковедческих работ этого времени особо выделяются исследования Дж.Р.Гамильтона и Э.Пинкс. В книгу Дж.Р.Гамильтона вошли переводы текстов эпохи Пяти династий (907-960) об уйгурах и других тюркских племенах. На основе китайских известий Дж.Р.Гамильтон воспроизвел историю взаимоотношений уйгуров с каждой из пяти династий, существовавших в то время в Китае. Хотя тема его исследования выходит за рамки интересующей нас эпохи, все же в книге затрагивается немало проблем, относящихся к более ранней истории уйгуров, в том числе к истории Уйгурского каганата. Так, в ней подробно рассматривается период крушения каганата. Большую ценность представляют лингвистические изыскания Дж.Р.Гамильтона, прежде всего выполненная им реконструк-

ция тюркских слов, сохранившихся в китайской транскрипции. Заслуживают внимания также сведения об уйгурских каганах, помещенные в книге (имена, титулы, хронология правления и др.) [Hamilton 1955]. Впервые Дж.Р.Гамильтоном была дана филологически обоснованная реконструкция наименований токуз-огузских племен и уйгурских родов. Токуз-огузской проблеме ученым была посвящена в последующем специально статья “Токуз-огузы и он-уйгуры” [Hamilton 1962, 23-64]. Тема, исследованная в книге Дж.Р.Гамильтона, получила развитие в работе Э.Пинкс “Уйгуры Ганьчжоу в период ранней Сун (960-1028)”, изданной в 1968 г. [Pinks 1968].

Одной из важнейших проблем истории Уйгурского каганата - войне уйгуров с тибетцами в Восточном Туркестане в конце VIII в., посвятила статью венгерская исследовательница И.Эчеди [Ecsedy 1964, 83-104]. Основной вывод И.Эчеди относительно исхода войны, как уже отмечалось выше, был позже опровергнут Т.Мориясу [Moriyasu 1981]. Некоторые особенности уйгуро-танских взаимоотношений охарактеризованы в статьях Л.Мозеса, П.Циме, С.Джагчид и К.Беквит [Moses 1976, 61-89; Zieme 1973, 282-293; Jagchid 1989, 175-188; Beckwith 1991, 183-198].

Наиболее значительный вклад в изучение китайских известий об Уйгурском каганате внес австралийский синолог Колин Макеррас. В 1968 г. вышла в свет его книга “Уйгурская империя (744-840) согласно танским династийным историям”, в основу которой легли переводы на английский язык китайских сведений из “Повествования об уйгурах” двух танских династийных историй, относящихся ко времени существования Уйгурского каганата. Тексты переводов размещены в книге параллельно - на нечетных страницах дан перевод из “Цзю Таншу”, а на четных - из “Синь Таншу”. Переводам автор предпослал введение, состоящее из обзора китайских источников и краткого пересказа главных событий, происходивших в правление того или иного уйгурского кагана [Mackerras 1968]. Комментарии к

переводу и приложения составили довольно большую часть книги К.Макерраса. В приложении К.Макеррас дал список уйгурских каганов, сведения из “Цэфу юаньгуй” о трауре при танском дворе по поводу смерти нескольких последних уйгурских правителей.

Хотя в целом переводы К.Макерраса отличаются большой точностью, все же они содержат немало погрешностей. Наблюдается некоторое отступление автора от буквального перевода китайских сведений. Кроме того, К.Макеррас допускает и серьезные ошибки в переводе текстов. Так, один из фрагментов текста, в котором перечисляются лица, прибывшие в Чанъань в 821 г. в составе уйгурского посольства, переведен им следующим образом: “[каган направил] ...принцессу Цзянь, принцессу Е-ху и более 1000 даганей с верблюдами и лошадьми” [MacKerras 1968, 111]. Между тем, в источнике цифра 1000 относится не к даганям (т.е. тарканам), а к количеству скота, преподнесенного уйгурами в качестве свадебного подарка танскому императору.

Проблема дипломатических и торговых отношений между Танской династией и уйгурами была рассмотрена К.Макеррасом в статье “Китайско-уйгурские дипломатические и торговые отношения”. К.Макеррасу впервые удалось систематизировать материал, относящийся к этой теме [MacKerras 1969, 215-240]. На основе показаний источников он выделил четыре категории посольств между уйгурами и Тан, а также перечислил военные контакты уйгуров с Танской династией. При этом, однако, он не отметил поход уйгуров в Ордос в 756 г. и участие уйгуров в антитанском восстании с Хэбэ в 783-784 гг. К.Макеррас рассмотрел также династийные браки, заключавшиеся между уйгурами и Танской династией. Эти браки, по справедливому мнению ученого, служат одним из показателей состояния двусторонних отношений. Вопросы торговли раскрыты в статье достаточно подробно, но при этом автором учтены не все источники. Так, он не приводит очень ценных свидетельств

танского поэта Бо Цзюйи, хотя и упоминает его письмо уйгурскому кагану - этот пробел в некоторой мере был позже восполнен китайским автором Ма Цзюньминем. Чрезвычайно полезным является помещенная в статье таблица китайских сведений о танско-уйгурском торговом и дипломатическом обмене [см. также Ма Цзюньминь, 1984].

В 1972 г. в Канберре вышло второе издание книги К.Макерраса [MacKerras 1972]. Она сохранила структуру первой редакции, но все ее разделы дополнены и выгодно отличаются от аналогичных разделов первоначального варианта. "Введение" превращено автором в самостоятельное исследование и состоит из трех частей: источники, история уйгурской империи, китайско-уйгурские отношения. Источники описаны более подробно, чем это было сделано в первом издании, автором указаны не только официальные сочинения, но и некоторые частные сочинения, например, семейные хроники, даны также краткие сведения о некитайских источниках по истории каганата - древнеуйгурских рунических надписях, турфанских текстах, арабских сочинениях.

Вводная часть второго издания книги дополнена разделом о танско-уйгурских отношениях, в котором рассматриваются такие темы: 1) уйгурская помощь Китаю во время кризисов; 2) уйгурское насилие в главных городах Китая; 3) правление Тон бага-таркана (779-789); 4) дипломатические отношения и браки; 5) торговые контакты. Нужно отметить, что К.Макеррас впервые обратился к изучению такого интересного периода истории каганата, как правление Тон бага-таркана. Что касается основной части книги, содержащей переводы текста, то она не имеет существенных отличий от аналогичной части первого издания. Тем не менее, переводы в новой редакции книги более точны, и многие погрешности, допущенные в предыдущем издании, в ней исправлены. Впрочем, К.Макеррасу не удалось полностью избежать недочетов. Наиболее полный перечень последних приводится К.Мориясу в рецензии на его книгу [Мо-

риясу 1972, 123-134]. Существенно расширил К.Макеррас и комментарии к переводам, не все из которых, однако, могут быть приняты. Заслуживают внимания приложения, в которых автор рассмотрел две очень важные и в то же время спорные проблемы истории Уйгурского каганата: идентификация личности “небесного кагана” - уйгурского правителя, деяния которого описываются в Карабалгасунской надписи, и даты правления двух уйгурских каганов - Хуайсинь-кагана и Баои-кагана [Mackerras 1972].

Книга К.Макерраса, основную часть которой составляют переводы китайских текстов об уйгурах, представляет собой, по существу, материалы по истории Уйгурского каганата. Эти материалы, однако, не претендуют на полноту охвата источников, поскольку в них включены лишь два крупных извлечения из повествований об уйгурах танских династийных историй, но не отражена вся информация об уйгурах, имеющаяся в китайских источниках. Тем самым после выхода в свет книги К.Макерраса не потеряли актуальность ни издание более полных материалов по истории Уйгурского каганата, ни тем более исследование истории Уйгурского каганата.

Таким образом, несмотря на то, что в настоящее время имеется довольно большое число исследований, преимущественно источниковедческого характера, посвященных истории орхонских уйгуров, в них еще не ставилась задача монографического исследования основных этапов этнополитической истории Уйгурского каганата. Проведение такого исследования стало возможным только после открытия в Монголии новых эпиграфических памятников уйгурской эпохи.

ГЛАВА II. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА

1. Китайские источники

Среди китайских источников по истории Уйгурского каганата центральное место занимают две Танские династийные истории (чжэн ши): “Цзю Таншу” (“Старая история династии Тан”) и “Синь Таншу” (“Новая история династии Тан”). “Цзю Таншу” составлялась комиссией историографов во главе с Лю Сюнем в 941-945 гг. в эпоху Пяти династий (У дай). Время ее создания, характеризовавшееся раздробленностью страны и постоянными войнами, обусловило многочисленные недостатки сочинения, такие, как неполнота содержания, неоправданные пропуски информации, недостаточно систематизированное распределение материала. Эти недостатки были признаны историками в начале XI в., в период объединения Китая в централизованное государство Сун, и сунская династия приняла решение о составлении новой редакции Танской династийной истории. Работу над ней начала комиссия историографов во главе с Сун Ци в 1045 г., а в 1060 г. переработанный вариант истории “Синь Таншу” был представлен трону и, после утверждения императора, приобрел статус официальной истории династии Тан, надолго заменив “Цзю Таншу” [Флуг 1959, 228].

Отмеченные недостатки старой истории были исправлены составителями “Синь Таншу”. “Синь Таншу” отличается полнотой информации - в нее включены отсутствовавшие в первом варианте истории раздел “бяо” (таблицы) и главы об армии, экзаменах и пр. Существует мнение, что в “Синь Таншу” более подробно и надежно излагаются сведения о последних 80 годах существования Танской династии, поскольку авторы “Цзю Таншу”, жившие в эпоху Пяти династий, не располагали многими документами, относящимися к этому времени и ставшими доступными составителям “Синь Таншу” [Levy 1960].

Исправляя недостатки старой династийной истории, авторы “Синь Таншу” не избежали погрешностей в своей версии. Дополняя текст истории, они в то же время сократили анналы царствований (бэньцзи), из анналов и жизнеописаний (лечжуань) изъяли тексты указов и докладов, опустили некоторые темы (например, буддизм). Добиваясь более четкого стиля изложения материала, историографы также опускали отдельные сведения, даты многих описываемых событий, что создавало возможность неоднозначной трактовки текста и делало описание событий неконкретным. Источниковедческая ценность “Цзю Таншу”, имевшей свои преимущества перед “Синь Таншу”, всегда признавалась китайскими историографами, которые нередко в своих трудах предпочитали опираться на старый вариант Танской династийной истории. В XVIII в. “Цзю Таншу” был возвращен статус официальной истории Танской династии [Wang Gungwu 1973].

В танских династийных историях уйгурам посвящены отдельные главы в разделе “Жизнеописания” (лечжуань). Помимо этого, сведения об уйгурах встречаются и в различных главах сочинения, таких, как анналы царствований, трактаты [Gardiner 1973, 42-52]. Отмеченные выше отличительные особенности двух Танских династийных историй проявляются и в имеющихся в них сведениях об уйгурах. При сопоставлении последних прежде всего обращает на себя внимание полнота сведений “Синь Таншу”: в “Цзю Таншу” повествование об уйгурах составляет одну главу, в то время как в “Синь Таншу” аналогичная глава подразделена на две части, в первой из которой повествование доводится до 814 г., а последующий период истории освещается во второй части, причем во вторую часть авторами “Синь Таншу” включены дополнительные сведения о некоторых токуз-огузских племенах, а также о племенах, находившихся в зависимости от уйгуров в период существования каганата - басмылах, карлуках, кыргызах, шато. Дополнения, внесенные в повествование об уйгурах, особенно хорошо вид-

ны на лакунах, имеющих в текстах обоих повествований.

Первая лакуна в сведениях об Уйгурском каганате в танских династийных историях приходится на правление Элетмиш Бильге кагана. В "Цзю Таншу" она охватывает период с 744 г. до 756 г. [ЦТШ 1936, цз. 195, 3а]. В этом месте в текст "Синь Таншу" включены небольшие сведения о разгроме уйгурами тюрков в 745 г., а также о смерти основателя каганата Гули Пэйло (Кутлуг Бильге-кюль-кагана) и наследовании трона Мо-янь-чжо (Элетмишем). Следующая большая лакуна появляется в историях в правление Тон Бага-таркана (779-789). "Цзю Таншу" не приводит никаких сведений об уйгурах, относящихся к периоду после прихода Тон бага-таркана к власти (779 г.) до 787 г., когда между уйгурами и Танской династией заключается союз. В "Синь Таншу" эта лакуна меньше, в этой истории дополнительно сообщается о событиях, произошедших в 780-782 гг. В этом месте дополнения, произведенные авторами "Синь Таншу", включают также достаточно большой текст состоявшейся в 787 г. беседы танского министра Ли Би с императором Дэ-цзуном о необходимости заключения брачного союза с уйгурским двором. Источниками для этих дополнений послужили доклад танского посла о поездке к уйгурам и рапорт наместника танского пограничного воеводства Чжэнью, а также семейная хроника "Е хоу цзя чжуань" ("Повествование о семье Е-хоу"), написанная Ли Фанем, сыном Ли Би. С последними дополнениями связано появление в научной литературе неточностей при освещении событий периода правления Тон Бага-таркана. К ним относится датировка танско-уйгурского договора, заключенного в последние годы его правления. Так, Д.Позднеев в своей книге писал, что в 783 г. в Чаньань прибыло уйгурское посольство, и в тот же год император Дэ-цзун выдал дочь за уйгурского правителя [Позднеев 1899, 78-79]. В трактовке Л.Н.Гумилева договор между уйгурами и танской династией был заключен в 783 г. и "скреплен в 788 г. путем брака и союза против Тибета" [Гумилев 1967, 409]. Д.Позднеев и Л.Н.Гумилев в датировке

уйгуро-танского договора следовали за переводом Н.Я.Бичурина, который гласил: “Через два года, 783, хан отправил посланника представить местные произведения и просить о мире и родстве” [Бичурин 1950-1953, Т. 1, 326]. В оригинале это сообщение выглядит так: “Через три года [каган] прислал послов представить дань местными продуктами и просить о заключении союза, основанного на родстве” [СТШ, цз. 217а, 76]. Выражение “через три года” предполагает связь данного сообщения с предыдущей информацией текста, которая относится к Танскому посольству к уйгурам и датирована 781 г., поэтому “через три года” после 781 г. включительно дает 783 г., что и указал в своем переводе И. Бичурин. Однако все остальные источники, кроме тех компиляций, дословно повторяющих версию “Синь Таншу”, свидетельствуют о том, что уйгурское посольство вело переговоры о заключении династийного брака в 787 г., а сам брак был заключен в 788 г. [ЦТШ, цз. 195, 9а; ЦЧТЦ, 1956]. Тем самым очевидно, что выражение “через три года” в цитированном выше сообщении подразумевало не “через три года после посольства 781 г.”, а какое-то другое событие, по всей вероятности, произошедшее в 785 г. В 783 г. не мог быть заключен уйгуро-танский договор, поскольку с 782 г. отношения между двумя государствами были прерваны. Более того, именно в 783-784 гг. уйгуры оказали военную поддержку антиганскому восстанию в Хэбэ (провинция Танского государства на северо-востоке от Хуанхэ). В связи с этим заметим, что сведения об участии уйгуров в восстании в Хэбэ в династийных историях приводятся не в “Повествовании об уйгурах”, а в биографиях Чжу Тао, Чжу Цы и других повстанцев, поэтому эти сведения долгое время оставались вне поля зрения ученых. Такое размещение указанных сведений можно рассматривать как применение способа сокрытия нежелательного для упоминания, с точки зрения китайских историографов, факта, предполагавшего вынесение его в другой раздел или главу сочинения. На наш взгляд, участие уйгуров в восстании в Хэбэ было именно та-

ким фактом, так как оно не увязывалось с заключением уйгуро-танского договора в 787 г., поэтому сообщение о нем и было вынесено в биографии повстанцев и не включено в текст раздела об уйгурах [Yang Liansheng 1961, 51-52].

Еще одна большая лакуна в “Повествовании об уйгурах” “Цзю Таншу” охватывает период с 795 по 809 гг. В сообщении от 809 г. говорится о прибытии в Чанъань уйгурского посольства, просившего двор об изменении иероглифических знаков в китайском наименовании уйгуров (“хуэйхэ” на “хуэйху”). Обзор китайских сведений об этом посольстве дан И.Эчеди [Ecsedy 1964]. “Тан хуэйяо” датирует это посольство 7 месяцем 5 года Чжэнь-юань (789 г.). “Цзычжи тунцзянь” и “Е хоу цзя чжуань” - 788 г. Ошибочным является сообщение энциклопедии “Гуцзинь тушу цзичэн” о том, что посольство прибыло в правление Чжунцжэнь-кагана, в 1-й год Чжэнь-юань (785 г.), так как в это время в каганате правил не Чжунцжэнь-каган, а Тяньцинъ-каган, первый наследовал трон лишь в 789 г. В “Синь Таншу” сообщение о названном посольстве не датировано, но из контекста явствует, что оно имело место между 787 и 789 гг. Таким образом, большинство источников датирует изменение “хуэйхэ” на “хуэйху” 788 годом, а сообщение “Цзю Таншу”, датирующее его 809 годом, является ошибочным. Если это так, то рамки фактической лакуны в “Цзю Тан шу” отодвигаются до 813 г., когда появляется очередная информация об уйгурах. Пробел в параллельном тексте “Синь Таншу” охватывает период с 795 до 805 гг. В ней дополнительно приводятся сведения о смерти Кутлуг-кагана в 805 г. и назначении нового правителя уйгуров, о прибытии посольства от уйгуров в начале правления Юань-хэ (806 г.), о смерти в 808 г. уйгурского кагана и танской принцессы Сянь-ань.

Из других дополнений, внесенных авторами “Синь Таншу” в повествование об уйгурах, назовем сведения об участии Элетмиш Бильге-кагана в походе в Ордос в 756 г., о причастности внучки Пугу Хуайэня к дворцовому перевороту 790 года.

Большую ценность представляет помещенный в “Синь Таншу” текст доклада танского министра Ли Цзяна, содержащий характеристику танско-уйгурских отношений в начале IX в.

Составители новой редакции танской династийной истории не только дополнили текст “Цзю Таншу”, но и местами сократили его. Так, ими был опущен перечень шести уйгурских министров, участвовавших в 765 г. в походе в Китай. Кроме того, ими изъят текст указа Су-цзуна о награждении уйгурского Ябгу высоким титулом и должностью за помощь Танской династии в освобождении столиц от мятежников. В точности датировок событий повествование об уйгурах “Синь Таншу” намного уступает старой истории, в которой даты часто указываются вплоть до дня. Более точными в “Цзю Таншу” являются также различные цифровые обозначения. К примеру, согласно “Цзю Таншу”, уйгурское посольство, прибывшее в Чанъань в 765 г., состояло из 196 человек, в “Синь Таншу” эта цифра округлена до 200 [ЦТШ, цз. 195, 8а; СТШ, цз. 217а, 6а].

При сопоставлении сведений об уйгурах двух танских династийных историй обращает на себя внимание сравнительная беспристрастность повествования “Цзю Таншу”, которая выразилась не только в подборе конкретных фактов и подаче материала, но и в комментариях историографов. “Комментарии” (цзань юэ) - небольшие авторские тексты, завершающие одну или несколько глав в разделах “Анналы царствования” и “Жизнеописания”, содержат моральную оценку событий или деятельности отдельных лиц. От основной части повествований они отделены в танских династийных историях фразой “цзань юэ” (“хвалебная речь гласит”). По мнению Ван Гунью, комментарии танских династийных историй отражают различия в историографической мысли X и XI вв. [Wang Gungwu 1973, 57]. По его наблюдению, комментарии в “Цзю Таншу”, хотя и несовершенны с точки зрения стиля, все же носят более конкретный характер, в то время как аналогичные разделы “Синь Таншу” являются более отвлеченными и несут значительную иде-

ологическую нагрузку. В комментариях к повествованию об уйгурах танских династийных историй это различие особенно проявилось в оценке военного союза танской династии с уйгурами в период восстания Ань Лушаня-Ши Чаои. Отношение к союзу в общем выражено в терминах, соответствующих концепции универсальной мироустроительной власти китайских императоров [Мартынов 1978; 1972, 73-82]. Однако при этом наблюдается отчетливое смещение акцентов: в “Цзю Таншу” отмечается оказанная уйгурами помощь Танской династии, а составители “Синь Таншу” даже не упоминают слова “помощь”, а говорят лишь об “использовании” императором Су-цзуном уйгурских сил для усмирения внутренних смут. Для наглядности приведем извлечения из комментариев двух историй:

“Цзю Таншу”: “Су-цзун пригласил уйгуров и с их помощью овладел столицей. Дай-цзун пригласил уйгуров и с их помощью усмирил земли Хэ и Шо. О, как велик подвиг усмирения беспорядков и возрождения [династии] посередине!” [Мартынов 1981, 6].

“Синь Таншу”: “[Когда] Су-цзун использовал уйгуров, доходило до того, что [они] грабили китайцев (хуа жэнь), оскорбили наследного принца, избили до смерти приближенных, [их] требования были безосновательными. [Когда] Дэ-цзун опять использовал тибетцев, [тибетцы] грабили Пинлян, убили императорского военачальника, опустошили западные окраины. Это называется “привлекать внешнюю беду для усмирения внутренних смут»(перевод наш).

Сопоставление сведений об уйгурах двух танских династийных историй свидетельствует о том, что в каждой из версий повествования об уйгурах имеются свои достоинства и недостатки, и изучать их нужно в комплексе.

Сведения об уйгурах содержатся в сочинении “Тан хуэйяо” (“Свод важнейших событий династии Тан”), относящемся к группе “хуэйяо”. Согласно определению В.А.Вельгуса, “хуэйяо” - это “особый тип исторической компилятивной работы, кото-

рая построена по тематическому признаку. В ней в основных чертах отражено все, что относится к государственной системе управления, аппарату управления, государственным институтам” [Вельгус 1987, 239]. “Хуэйяо” составлялись специальным отделом “Хуэйяосо”, существовавшим при Департаменте императорской библиотеки (ми шу-шэн). Круг первоисточников “Сводов” включал почти те же материалы, которые использовались при составлении династийных историй, однако, намного превосходил их: лишь определенная часть материалов “Сводов” попадала в династийные истории.

“Тан хуэйяо” был составлен историком Ван Пу в 961 г. Ван Пу, который, однако, не был единственным его автором, он лишь довел до конца правления танской династии повествования двух более ранних сочинений - “Тан хуэйяо”, написанного Су Мяннем в 804 г. и посвященного периоду с начала Тан до правления императора Дэ-цзуна (778-805), и “Сюй Тан хуэйяо” (“Продолжение Тан хуэйяо”), составленного группой авторов во главе с Ян Чжаофу в 852 г.

Из ста глав “Тан хуэйяо” последние семь посвящены описанию чужеземных народов, в том числе уйгуров. Размещение информации об уйгурах в этом сочинении аналогично танским династийным историям: кроме отдельного рассказа об уйгурах, сведения о них разбросаны по некоторым другим разделам сочинения. В “Тан хуэйяо” содержится немало сведений, которые не встречаются в других источниках. К ним относятся, в частности, сведения о тамгах (знаках собственности) лошадей, поставившихся в Китай иноземцами [ТХЯ, цз. 72, 1305-1308], сведения о генеалогии уйгурских правителей. Большую ценность представляет имеющийся в “Тан хуэйяо” список токуз-огузских племен, который, как показали исследования Ханеда Тору и Э.Д.Пуллблэнка, является достоверным в отличие от списка танских династийных историй [Pulleyblank 1956, 35-42]. Вместе с тем в повествовании об уйгурах “Тан хуэйяо”, также как и в “Цзю Таншу”, имеется

немало неточностей в изложении событий последних лет существования Уйгурского каганата.

Важным источником по истории Уйгурского каганата является хроника известного сунского историка Сыма Гуана “Цзычжи тунцзянь” (“Всеобщее зеркало, помогающее управлению”). Это сочинение, по китайской классификации, относится к анналам (бянь нянь). В нем в строгой хронологической последовательности излагается история Китая с древности до сунской эпохи (до XI в.). История создания “Цзычжи тунцзянь” такова. В 1064 г. Сыма Гуан преподнес императору составленную им таблицу исторических событий под названием “Ли нянь ту” (“Изображение последовательных годов”) в пяти главах. Через два года им была завершена хроника периода Воюющих царств (Чжаньго, V-III вв. до н.э.), названная “Тун чжи”, которая легла в основу восьми глав будущего сочинения. Вслед за тем Сыма Гуан получил повеление императора составить подобные хроники и для последующих эпох истории Китая, для исполнения которых ему были даны два помощника. Первоначально Сыма Гуану помогали историографы Лю Шу и Чжао Цзюньси. Последнего позже последовательно заменяли Лю Бинь и Фу Цзуюй, который принимал активное участие в составлении хроники эпохи Тан [Флуг 1959, 232].

Составление “Цзычжи тунцзянь” осуществлялось независимо от работы Комиссии историографов. Ускорению работы над сочинением способствовал вынужденный отказ Сыма Гуана от государственной деятельности. В результате усиления позиций его политического противника, реформатора Ван Аньши, в 1070 г. он был выслан из столицы и в ссылке занимался преимущественно историографической работой. Хроника Сыма Гуана была завершена и представлена трону в 1084 г. [Pulleyblank 1961, 153-155].

Характер сведений об уйгурах, содержащихся в “Цзычжи тунцзянь”, обусловлен особенностями самого сочинения. Прежде всего следует сказать, что эти сведения даются не в темати-

ческих разделах, а в общей канве исторических событий, происходивших в Китае, что позволяет оценивать их с большей объективностью. Еще одним достоинством сведений “Цзычжи тунцзянь” является их хорошая датированность. Чрезвычайно широкий круг первоисточников, использованных при составлении “Цзычжи тунцзянь”, обусловил наличие в последнем оригинальных сведений об уйгурах, не встречающихся в других сочинениях. Работа над сведениями “Цзы тунцзянь” во многом облегчается благодаря комментариям, составленным к ним в XIII в. Ху Саньсином.

Одновременно с “Цзычжи тунцзянь” Сыма Гуаном были составлены два других сочинения, одно из которых “Цзычжи тунцзянь каои” рассматривает разночтения, имеющиеся в источниках, на примерах конкретных событий, а другой - “Цзычжи тунцзянь мулу” - представляет собой сокращенный вариант хроники в таблицах. Для исследователей истории уйгуров большую ценность имеют данные “Цзычжи тунцзянь каои” [Pulleyblank 1950, 448-473].

Создание “Цзычжи тунцзянь” вызвало появление на свет большого числа сочинений, в которых развивался и комментировался содержащийся в нем материал. К таким сочинениям относится “Цзычжи тунцзянь ганму”, написанный Чжу Си в 1190 г. Текст “Цзычжи тунцзянь” разбит в нем по абзацам, в заголовки абзацев вынесены отдельные события (ган), под которыми мелко набранным шрифтом помещаются тексты, раскрывающие содержание заголовков (му) [Флуг 1959, 236]. В связи с хроникой Сыма Гуана следует сказать несколько слов о сочинении “Цзычжи тунцзянь бэньмо”, составленном Юань Чу в 1174 г. Это сочинение положило начало целой группе исторических сочинений, именуемых “циши бэньмо” (“записки от начала до конца”). В отличие от использованного в “Цзычжи тунцзянь” принципа анналов, в них применялся принцип изложения, согласно которому отдельные исторические периоды и проблемы получали относительно полное освещение “от нача-

ла до конца” [Флуг 1959, 237].

В течение длительного времени после появления “Исторических записок” Сыма Цяня доминирующим жанром китайского историописания были династийные истории. Только в начале династии Тан стали создаваться сочинения, претендовавшие, вслед за сочинением Сыма Цяня, на всеобщую историю, не ограничиваясь историей одной или нескольких династий. Одним из таких сочинений явилось “Тун дянь” (“Всеобщее обозрение”), составленное Ду Ю в 801 г. Ду Ю посвятил свое сочинение изучению политических институтов и их организации со времен легендарных правителей Китая до середины VIII в. Материал, включенный в него, организован по тематическому принципу. Сочинение состоит из девяти разделов, в которых раскрываются такие темы, как экономика, экзамены, военное устройство, законы, административная география, пограничная политика. Хотя основная часть сведений о танской эпохе относится к периоду до 755 г., в “Тун дянь” нашли отражение некоторые события, происходившие в 755-801 гг. и позже.

“Тун дянь” представляет собой ценный источник для ранней истории Китая. Из источников по истории токуз-огузских племен “Тун дянь” также является наиболее ранним, и показания других танских источников о расселении этих племен большей частью восходят к сведениям “Тун дянь”.

“Тун дянь”, написанное по образцу одного из разделов сочинения Сыма Цяня, а именно трактатов (шу), в свою очередь само послужило образцом для китайских энциклопедий “лэйшу”. По определению Л.Н.Меньшикова, “китайский термин *лэйшу* (“классифицированные книги”) означает собрание подлинных текстов источников, классифицированных по темам, причем классификация может быть разная, в зависимости от специализации лэйшу” [Меньшиков 1988, 220]. Энциклопедии получили большое развитие в сунскую эпоху. Из сунских энциклопедий для исследователей истории уйгуров наибольший

интерес представляет знаменитая “Цэфу юаньгуй” (“Сокровищница древней мудрости”). Она была составлена группой историографов во главе с Ван Циньжо и Ян И в 1013 г. Материал, включенный в эту энциклопедию, относится к истории Китая с древности до сунской династии, причем достаточно подробно освещается в ней история танской династии. Следует отметить, что исходя из предназначения энциклопедии, заключавшегося в том, чтобы “дать пример для будущих поколений и облегчить изыскания учащихся”, авторы “Цэфу юаньгуй” поместили в ней только “тот материал, который составляют династийные истории и избранные сочинения” [Флуг 1959, 151].

Хотя основная часть сведений об уйгурах, содержащихся в “Цэфу юаньгуй”, известна по другим, более ранним, источникам, однако, в ней содержится немало оригинальных сведений. Чаще всего такие сведения можно обнаружить в текстах различных указов, докладов. Кроме того, записи “Цэфу юаньгуй” опираются на надежную документальную основу и достаточно хорошо датированы, что позволяет уточнить по ним сведения других параллельных источников.

Сведения об уйгурах, имеющиеся в сочинениях “Тайпин хуань юйцзи” (“Описание Вселенной в годы Тайпин”) Юэ Ши и “Тун чжи” Чжэн Цяо, составленных соответственно в X и XII вв., во многом зависят от сведений упоминавшихся ранее сочинений. Так, в рассказах “Тайпин хуань юйцзи” ощущается влияние “Тан хуэйяо” и “Тун дянь”. Еще более компилятивный характер имеют сведения поздних энциклопедий “Вэньсянь тункао” (“Сводное исследование письменных памятников”) и “Гуцзинь тушу цичэн” (“Полное собрание изображений и описаний древних и новых”). Первая из них составлена Ма Дуаньлинем в начале Юаньской династии (1279-1322), а вторая - комиссией историографов во главе с Чэнь Мэнлэем в 1725 г., в цинскую эпоху. Имеющиеся в них рассказы об уйгурах являются сокращенными вариантами “Повествований об уйгурах” новой танской династийной истории, которые в отличие от ори-

гинала содержат большое число неточностей и поэтому не представляют особой ценности для изучения истории орхонских уйгуров [ВСТК, цз. 345, 2718-1721].

Помимо официальных китайских сочинений, сведения об уйгурах содержатся в некоторых произведениях, созданных частными лицами. Так, события, связанные с переселением тюрков в танское государство в период крушения Второго Восточно-тюркского каганата получили отражение в эпитафиях Кан-а-и Кюль-таркана, предводителя согдийской общины в Тюркском каганате, и Ван Чжунсы, танского военачальника, принимавшего участие в разгроме тюрков [ЯЛГВЦ, цз. 9, т. 3, 7а-10а; Цзнь Чжунмянь 1958а, 850-854]. Сочинения частных лиц, не дошедшие до нас полностью, а известные лишь во фрагментах, приведены К.Макеррасом [Mackerras 1972, 203-205]. Здесь упомянем лишь семейные хроники танского министра Ли Би “Е хоу цзя чжуань” и военачальника Го Цзыи “Фэньян цзя чжуань” (или “Го гун цзя чжуань”), сочинение Лин Чжуня “Бинь чжи”, посвященное армии пограничной северной провинции Шофан. Проблемы танско-уйгурской торговли начала IX в. нашли отражение в произведениях танского поэта Бо Цзюйи (772-846 гг.). В его творческом наследии сохранился ряд составленных им от имени императора документов, которые имеют отношение к дипломатическим и торговым контактам Танской династии с Уйгурским каганатом. Особый интерес представляет составленное им “Письмо уйгурскому кагану” (начало IX в.). Значительно меньше затрагивал уйгурскую тематику другой великий танский поэт Ду Фу, бывший свидетелем восстания Ань Лушаня и его преемников. Наконец, отдельные сведения, имеющие отношение к истории Уйгурского каганата, могут быть извлечены из послесловия буддийской сутры дхарани (заклинания), обнаруженной в Дуньхуане и хранящейся в китайском фонде П. Пельо под № 3918, а также из буддийского сочинения, повествующего о путешествии монаха Укуна в Индию в середине VIII в. [Мориясу 1973, 77-78; Фэн

Цзяшэн и др. 1981, 36].

Характер сведений об иноземцах, содержащихся в китайских источниках, зависел прежде всего от того, какое место и какая роль отводились им в традиционной внешнеполитической концепции Китая. Согласно этой концепции, мир состоял из двух неравных частей: Китая, являвшегося центром мироздания, и всех остальных народов - варваров, которые обитали на его периферии. Последние по своей природе были склонны к злу и насилию, человеческим у них был только облик, внутренне же они являлись зверями. Превосходство китайцев над варварами мыслилось как универсальное, выразившееся во всем. Такое представление об иноземцах определяло подбор информации о них и их интерпретацию. Описание иноземцев не являлось самоцелью китайских историографов, которые регистрировали записи о них лишь в связи с историей Китая, поэтому главной особенностью китайских известий об иноземцах является преобладание в них информации военно-политического характера.

Во внешнеполитической концепции Китая важное место занимал приезд "варваров" к императорскому двору с представлением дани. Регулярный приезд даннических посольств от "варваров" рассматривался как следствие воздействия на "варваров" благой силы "дэ" китайского императора и служил обоснованием концепции мироустройства [Мартынов 1978, 37-44]. Поэтому китайские историографы большое значение придавали регистрации записей о посольских отношениях Китая с иноземцами. Сказанное в полной мере относится к китайским сведениям об уйгурах. По китайским источникам наиболее полно воссоздается военно-политическая история Уйгурского каганата, в особенности история его взаимосвязей с Танским государством. Дипломатические контакты между уйгурами и танской династией - тема, наиболее подробно освещаемая в источниках. Сведения, относящиеся к ней, были проанализированы К.Макеррасом, который предложил свою классификацию дип-

ломатических посольств. Все посольства он разделил на четыре категории. В первую он отнес уйгурские даннические посольства в Китай, оговорив, что “данническими” они были в представлении китайцев, а на самом деле уйгуры не признавали танского сюзеренитета. Здесь следует уточнить, что до восстания Ань Лушаня (755 г.) уйгурские посольства действительно были данническими. Во вторую группу К.Макеррас включил те посольства, которые прибывали в Китай в связи с военным союзом уйгуров с танской династией. В третью группу вошли уйгурские посольства, извещавшие танского императора о смерти кагана или катун, и китайские посольства к уйгурам, направлявшиеся для вручения инвеституры их правителям. В последнюю группу отнесены уйгурские посольства, прибывавшие в Китай с какой-либо просьбой или для ведения переговоров о заключении династийного брака [MacKerras 1969, 216-127]. Классификация К. Макерраса характеризует разнообразные формы дипломатических связей между уйгурами и Тан, которые были присущи отношениям Танской династии со всеми соседними народами.

Уделяя основное внимание в записях о соседних народах их взаимосвязи с Китаем китайские историографы фиксировали все же и некоторые сведения, относящиеся к их внутренней жизни. Характер этих сведений также обуславливался военно-политическими интересами Китая. “Варвары” всегда являлись потенциальными противниками китайцев, которые нуждались в сведениях, характеризующих их военно-политическое состояние. К таким сведениям относились прежде всего данные о численности их войск, об особенностях ведения ими военных действий, о внутренних междоусобицах, об отдельных влиятельных лицах. Вероятность проведения военных действий на территории “варваров” требовала сбора топографических, географических данных (физические и климатические условия, маршруты, расстояния между отдельными пунктами и пр.). Знание коммуникационных путей было важно также и для осу-

шествления посольских миссий.

Сведения о внутренней жизни Уйгурского каганата относятся к генеалогии, хронологии и титулатуре уйгурских правителей, внутренней борьбе, родоплеменному составу населения каганата, структуре власти и пр. Китайские источники сообщают об основных дворцовых переворотах в Уйгурском каганате. Первый из них произошел в 779 г. и получил достаточно подробное описание благодаря тому, что его свидетелем стал танский посланник. Два переворота произошли в течение одного 790 года, однако, сведения о них очень скудны. Очередное насильственное смещение кагана фиксируется в 832 г. Последние годы существования каганата также отмечены частыми переворотами. Особо следует сказать о приходе к власти в 795 г. Кутлуг-кагана, представителя токуз-огузского племени эдиз. Источники отмечают, что он наследовал престол мирным путем: когда правивший молодой каган Ачжо умер, не оставив наследника, то вельможи избрали правителем министра Кутлуга, пользовавшегося большим авторитетом. Однако вряд ли переход власти от царского рода Яглакаров к представителям другого племени мог осуществиться без борьбы. Китайские источники свидетельствуют, что род Яглакар обладал сакральным статусом, и Кутлугу пришлось принять родовое наименование Яглакар, чтобы обосновать свое право на верховную власть.

Сведения о родо-племенном составе населения Уйгурского каганата включают перечень токуз-огузских племен во главе с уйгурами и перечень девяти родов, составляющих племя "уйгур" во главе с царским родом Яглакар. Данные о составе токуз-огузов в танских источниках относятся скорее всего к первой половине эпохи Тан (VII-VIII вв.) и не отражают полного состава союза в период существования Уйгурского каганата (VIII-IX вв.).

Китайские источники содержат очень мало сведений об обычаях и нравах уйгуров. Тем не менее имеющиеся сведения позволяют говорить о переменах, произошедших в образе жизни

ни по крайней мере уйгурской аристократии: если повествование об уйгурах танских династийных историй начинается с описания уйгуров как кочевников, которые “не имеют постоянного места жительства, кочуют вслед за водой и травой”, то во время правления Бёгто-кагана (759-779) сообщается о строительстве уйгурами дворцов, использовании ими поступавших из Китая предметов роскоши, об изменениях в отношениях между предводителями и подчиненными. Китайские источники практически ничего не сообщают о верованиях уйгуров. Династийные истории “Вэй шу” и “Бэй ши” дают описание обрядов и верований предков уйгуров - гаочэ (IV-VI вв.), которые по всем признакам могут считаться шаманскими. О верованиях уйгурских племен до основания Уйгурского каганата нет данных, можно считать, что они оставались шаманистами. Вместе с тем имя одного из предводителей уйгуров “Пуса” (Бодисатва) позволяет говорить о проникновении к ним в это время буддизма. Танские источники не зафиксировали такое важное для уйгуров событие, как принятие ими в 763 г. манихейства. Однако в них имеются упоминания о поклонении уйгуров Мани [СТШ, цз. 217а, 9б; ЦТШ, цз. 195, 10б].

По данным китайских источников нельзя составить представление о социальных отношениях в Уйгурском каганате, однако, можно осветить некоторые вопросы структуры власти, например, определить роль и место в иерархии власти уйгурских министров и тутуков .

Показания о хозяйственной жизни в уйгурском обществе представлены лишь данными об уйгуро-танской торговле, имевшей немаловажное значение для экономики страны. В связи с торговлей следует сказать и о торговом пути, проходившем через территорию каганата и получившем название “уйгурский”. Часть этого пути от уйгурской столицы Ордубалыка до Ордоса подробно описана в географическом разделе “Синь Таншу”.

Китайские источники освещают историю Уйгурского каганата неравномерно. По наблюдению К. Макеррасса, 95% тек-

ста о каганате, имеющегося в главе об уйгурах “Цзю Тан шу”, относятся к 756-795 гг. и 821-822 гг., составляющим меньше половины столетия, т.е. меньше половины периода существования Уйгурского государства (Maskerras, 1968). Почти никакого отражения не получило в источниках первое десятилетие существования Уйгурского каганата, ознаменовавшееся борьбой уйгурских каганов за установление господства в степи. Сведения об уйгурах этого десятилетия сводятся лишь к регистрации ежегодных даннических миссий уйгуров. Такая скудость объясняется тем, что уйгуры не вступали в тесные контакты с танским государством после признания Танской династией их власти в 746 г., ограничиваясь поддержанием официальных отношений с Китаем в той мере, в какой требовал их статус данников. В свою очередь, Танская династия, занятая войной с Тибетом, киданями и другими племенами, не могла в это время активно вмешиваться в события, происходившие в степи.

Первый большой массив информации об уйгурах в источниках появляется в период восстания Ань Лушаня-Ши Чаои (755-762), когда по приглашению Танской династии уйгурские войска несколько раз прибывают в Китай для борьбы с повстанцами. Многие сведения, относящиеся к этим экспедициям - описание боев, в которых принимали участие уйгуры, маршруты передвижения и пр., скорее являются важными для истории Китая, чем для истории Уйгурского каганата. Большой интерес для исследования истории уйгуров представляют сведения об участии уйгурского контингента в антитанском мятеже генерала Пугу Хуайэня в 764-765 гг.

Восстание Ань Лушаня-Ши Чаои чрезвычайно ослабило Китай, что не могло не отразиться на характере его взаимоотношений с уйгурами. После восстания в течение длительного времени танская династия испытывала давление со стороны своих бывших военных союзников и была вынуждена вести с ними невыгодную для себя торговлю. Торговый обмен, а также насилия уйгуров в танских городах стали в это время главной

темой историографических записей об уйгурах.

В распределении информации об уйгурах в период после восстания Ань Лушаня наблюдается определенная тенденция к ее сокращению. Это было связано с тем, что по мере укрепления центральной власти Танской династии и стабилизации внутреннего положения уйгуры стали все меньше допускаться к участию во внутренних событиях в Китае. Окончательное прекращение регистрации записей об уйгурах происходит после разрыва танско-уйгурских отношений в правление императора Дэ-цзуна в 782 г. Правда, следует сказать, что события, предшествовавшие этому разрыву - дворцовый переворот в каганате в 779 г., инцидент с уйгурами в пограничной провинции в 780 г. - получили довольно подробное описание.

Очередной блок информации об уйгурах появляется в источниках после восстановления танско-уйгурских отношений в 787 г. Эта информация относится к сфере дипломатических контактов (заключение договора и династийного брака) и к уйгуро-тибетской войне в Восточном Туркестане в 790-792 гг., сведения о которой поступали в Китай от уйгуров.

В 795-805 гг. наступает очередной разрыв в танско-уйгурских отношениях, вызвавший лакуны в информации об уйгурах. Записи об уйгурах начинают регистрироваться в источниках с 805 г., но большого объема достигают лишь в 821-822 г., когда между уйгурами и Танской династией заключается последний династийный брак. В последующем записи об уйгурах носят нерегулярный характер, хотя и не прекращаются вовсе. В основном они относятся к регистрации дипломатических и торговых обменов.

Подробно освещаются в источниках события, связанные с падением Уйгурского каганата и откочевкой уйгурских племен из Монголии. Особенно детально описана при этом судьба уйгуров, бежавших на юг, к Великой Китайской стене и вступивших в тесный контакт с танской администрацией. Гораздо меньше сведений о тех уйгурах, которые обосновались в Ганьчжоу и

Восточном Туркестане.

Таким образом, в китайских источниках получила освещение преимущественно политическая история Уйгурского каганата, прежде всего история военно-политических и торговых отношений Уйгурского каганата с танским Китаем. Объем и содержание китайских сведений об уйгурах зависели от характера уйгуро-танских отношений в тот или иной период истории: в периоды наивысшей активизации двусторонних контактов количество информации об уйгурах, регистрировавшейся китайскими историографами, возрастало, а отсутствие контактов соответственно приводило к прекращению поступления сведений и появлению лакун в историографических записях об уйгурах, что предопределило неравномерность освещения в источниках различных периодов истории Уйгурского каганата.

2. Древнеуйгурские, арабские и персидские источники

Китайские сочинения являются главным, но не единственным источником для изучения истории Уйгурского каганата. Сведения об Уйгурском каганате содержатся и в источниках на других языках, главными из которых являются уйгурские эпиграфические памятники. В настоящее время известны тексты пяти камнеписных памятников, созданных в уйгурскую эпоху. Это - Терхинская надпись (753-756 гг.), надпись из Могон Шине Усу или Селенгинский камень (759-760 гг.), Тэсинская надпись (762 г.), двуязычная уйгуро-согдийская надпись из Сэврэя (763 г.) и Карабалгасунская трилингва (821 г.). К этим надписям примыкает небольшая надпись из Суджи, созданная енисейскими кыргызами сразу после падения Уйгурского каганата (840 г.) и содержащая некоторые важные для истории уйгуров данные. Основная часть перечисленных уйгурских памятников была создана в начальный период существования Уйгурского каганата и относится к правлению двух уйгурских каганов - Элет-

миш Бильге (747-759) и его сына Бёгю (759-779).

С конца прошлого века - начала нынешнего, когда был расшифрован основной корпус древнетюркских рунических надписей, в течение длительного времени в распоряжении исследователей истории орхонских уйгуров были два памятника уйгурской эпохи - надпись из Могон Шине Усу и Карабалгасунская надпись. Открытие и ведение в научный оборот новых древнеуйгурских надписей в 70-80-е гг. нашего столетия (Терхинская, Тэсинская и Сэврэйская надписи), большой вклад в изучение которых внес российский тюрколог С.Г.Кляшторный, явили собой новый этап в изучении Уйгурского каганата.

Наиболее ранняя по времени создания Терхинская надпись была обнаружена отрядом Советско-монгольской научной экспедиции, возглавляемая С.Г.Кляшторным, в долине реки Терх в западной части Хангайских гор. Предварительная публикация текста надписи была осуществлена С.Г.Кляшторным в 1980 г. [Кляшторный 1980, 82-85]. По мнению исследователя, Терхинская стела, сооруженная вскоре после 753 г., не является погребальным сооружением. Надпись на ней описывает деяния Элетмиш Бильге-кагана в первые годы его правления, и повествование ведется от имени двух лиц - Элетмиш Бильге и его сына, будущего Бёгю-кагана. С.Г.Кляшторный выделил в тексте надписи три группы информации: 1) манифестация Элетмиш Бильге-кагана, содержащая полное тронное имя кагана и кагун, известия об учреждении ставок кагана и сооружении стел, о создании государства и установлении законов, описание земель уйгурского кагана и пр., 2) восхваление деяний Элетмиш Бильге-кагана, сообщение об интронизации кагана, сообщение о структуре власти в государстве, о подчинении поднявших мятеж племен и пр., 3) историографические известия, описание борьбы с тюрками и разгрома тюркского государства и пр. [Кляшторный 1980, 87].

Следующая по времени создания надпись - эпитафия Элетмиш Бильге-кагана из Могон Шине Усу. Памятник обнаружила

в 1909 г. финская экспедиция Г.Рамстедта. Г.Рамстедт опубликовал перевод памятника, назвав его Селенгинским камнем, в 1913 г. на немецком языке и в 1914 г. - на русском [Ramstedt 1913; Рамтседт 1914]. Текст надписи из Могон Шине Усу был включен С.Е.Маловым в "Памятники древнетюркской письменности" под названием "памятник Моюн-чуру" [Малов 1959, 30-44]. Надпись из Могон Шине Усу, согласно классификации С.Г.Кляшторного, относится к группе памятников историко-биографического содержания [Кляшторный 1964, 53-54] и датируется 759-760 годами. Также как Терхинская надпись, она посвящена описанию деяний Элетмиш Бильге-кагана, но является мемориальным памятником, установленным на месте погребения Элетмиш Бильге-кагана. Содержание надписи составляют сообщения о борьбе уйгуров с тюрками и другими племенами за установление господства в Центральной Азии, сообщения о внутренних войнах в каганате. Сведения, содержащиеся в финальной части надписи, относятся ко времени восстания Ань Лушаня и частично могут быть интерпретированы при помощи китайских известий. Следует заметить, что в надписи Могон Шине Усу местами повторяется информация, зафиксированная в Терхинской надписи. Сопоставление обеих надписей позволило С.Г.Кляшторному уточнить и заново перевести часть надписи из Могон Шине Усу [стк. 7-10, Кляшторный 1980, 87].

Тэсинская надпись представляет собой лишь часть стелы, возведенной в честь восшествия на престол Бёгю-кагана приблизительно в 762 г. Она была открыта экспедицией С.Г.Кляшторного в 1976 г. в верхнем течении реки Тез (Тесийин гол) в Северо-Западной Монголии. Надпись сильно разрушена, из сохранившихся в ней сведений заслуживают внимания сведения историографического характера, которые проанализированы С.Г.Кляшторным [Кляшторный 1987, 27-31].

Сэврэйский камень содержит краткие сильно разрушенные надписи на уйгурском и согдийском языках. Впервые не-

сколько знаков этой надписи были опубликованы монгольским ученым Б.Ринченом в 1968 г., в последующем камень обследовал С.Г.Кляшторный, реконструировавший отдельные слова и выражения уйгурской части надписи. Согдийская часть была восстановлена В. А. Лившицем. В 1971 г С.Г. Кляшторный и В. А. Лившиц опубликовали фрагменты Сэврэйской билингвы [Кляшторный, Лившиц 1971]. Отдельные слова и выражения, сохранившиеся на камне, не представляют большой ценности для изучения истории уйгурского эля. Гораздо большее значение имеет само наличие на камнеписном памятнике согдийской надписи, которое, по мнению С.Г.Кляшторного и В.А. Лившица, свидетельствовало о “новой ориентации культурно-идеологической политики последней из тюркских династий Центральной Азии, ориентации на согдийский Запад” [Кляшторный, Лившиц 1971, 112]. Датировка памятника оказалась возможной благодаря сохранившемуся в уйгурской части надписи имени “Инги Яглакар”, представляющего собой краткую форму титула Бёгюкагана “Ин-и-цзянгун”, пожалованного ему танским императором в 763 г. Сэврэйский камень, по мнению исследователей, был триумфальным памятником, воздвигнутым Бёгюкаганом в 763 г. на пути следования уйгурского войска из Китая в Ордубалык.

Самым крупным памятником уйгурской эпохи является Карабалгасунская надпись на трех языках - уйгурском, согдийском и китайском. Основная часть Карабалгасунской надписи была открыта экспедицией Н.М.Ядринцева в 1889 г., отдельные фрагменты согдийской версии - А.Гейкелем в 1890 г. и В.В.Радловым в 1891 г. Из трех версий надписи больше всего пострадала от эрозии уйгурская версия, которая почти не сохранилась [Orkun 1986, 37-39]. Согдийская версия надписи первоначально была принята за уйгурскую и только в 1909 г. Ф.В.К.Мюллер определил язык этой части памятника как со-

гдийский. Первый полный перевод согдийской версии Карабалгасунской надписи принадлежит О.Хансену [Hansen 1930]. Как считают С.Г.Кляшторный и В.А.Лившиц, “От согдийской версии Карабалгасунской надписи сохранились фрагменты, составляющие в общей сложности, по-видимому, не более 1/4 первоначального ее текста. Согдийская версия надписи отличалась некоторыми существенными деталями от китайской версии. Так, в частности, только в согдийской версии содержится точное обозначение религии Мани, принятой в 763 г. в качестве официальной религии в Уйгурском царстве” [Кляшторный, Лившиц 1978, 49-50].

Китайская версия Карабалгасунской надписи, наиболее полная из всех версий, впервые была прочитана китайским департаментом “цзунли ямынь”, после чего русский академик В.П.Васильев сделал ее перевод в 1897 г. [Васильев 1897]. В дальнейшем к чтению отдельных мест надписи и особенно к интерпретации содержащихся в ней сообщений обращались Г.Шлегель, Э.Шаванн и П.Пельо, японские исследователи Т.Абэ, Ханеда Тору, Ямада Нобуо и др. [Schlegel 1896].

В Карабалгасунской надписи нет прямых указаний о дате ее создания. Большинство ученых считает, что она была написана в честь уйгурского Баои-кагана в 820-821 гг. Сообщения китайской версии Карабалгасунской надписи относятся к правлению нескольких каганов, начиная с основателя Уйгурского каганата до Баои-кагана включительно, причем авторы надписи уделяют неодинаковое внимание правлению всех каганов, некоторые из них упоминаются лишь кратко. Из-за разрушений в последней части надписи затруднения вызывает идентификация “небесного кагана”, многочисленным военным походам которого посвящена значительная часть повествования. Относительно личности “небесного кагана” существуют различные мнения. Одни исследователи идентифицируют его с Хуайсинь-каганом (Кутлугом, 795-805), другие - с Баои-каганом (808-821). Вероятно, прав

Ямада Нобуо, считающий, что часть сведений о “небесном кагане” относится к Кутлугу, хотя сам памятник воздвигнут в честь Баои-кагана [Ямада 1950, 96-97].

Ценность уйгурских памятников определяется прежде всего их автохтонным происхождением. Составленные в собственно уйгурской среде, они, в отличие от иноземных источников, находятся гораздо ближе к описываемым событиям по времени и месту их создания. Кроме того, в них представлен взгляд на события не постороннего наблюдателя, а непосредственно го их свидетеля. Подобно тому, как китайские историографы регистрировали сведения об уйгурах, являвшиеся важными для Китая, уйгурские авторы фиксировали на камнях события, представлявшие значение для уйгуров. Так, памятники Элетмиш Бильге-кагана, сообщая о борьбе с тюрками, умалчивают роль басмылов и карлуков в разгроме Второго Восточно-тюркского каганата, которая, согласно китайским свидетельствам, была значительной. Правда, в китайской версии Карабалгасунской надписи, созданной более чем полстолетия спустя, упоминается басмыльский каган из рода Ашина, однако, провозглашение его каганом расценивается в ней как незаконная узурпация власти, принадлежащей по воле Неба уйгурским правителям (стк. 4-5) [Васильев 1897, 21-22; Ханеда Тору 1957а, 306]. Другой пример: в надписи из Могон Шине Усу в описании войны Элетмиш Бильге-кагана с огузами, возглавлявшимися Тай Бильге-тутуком, сообщается только об успешных действиях Элетмиша, но не упоминаются поражения Элетмиша, которые он, очевидно, терпел в первые годы войны. Все это, однако, не означает, что сведения уйгурских памятников являются недостоверными, речь идет лишь о подборе информации, который не был лишен тенденциозности и зависел от предназначения памятников.

Отличительной особенностью сведений камнеписных памятников является также то, что они, в отличие от сведений других источников, не подвергались корректировке после их

создания и сохранились в своем первоначальном виде. Уйгурские памятники наряду с достоинствами имеют свои недостатки. Они неравномерно освещают отдельные периоды уйгурской истории, в них много недатированных сообщений. Но, что самое главное - они подверглись сильным разрушениям, благодаря чему нередко интерпретация фрагментарных сведений приобретает условный характер, а во многих случаях становится невозможной. Определенный элемент субъективности, присутствующий в повествованиях уйгурских памятников, не умаляет, тем не менее, достоинств сообщаемых в них сведений. В этой связи приведем характеристику древнетюркских и древнеуйгурских рунических памятников, которую дал С.Г.Кляшторный: "Политическая тенденциозность каждого из таких повествований не только не снижает, но, напротив, значительно повышает ценность источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет лучше увидеть социальные конфликты и политические противоречия внутри каганата, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием "исторических происшествий" в китайских анналах" [Кляшторный 1964, 55].

В арабских источниках наиболее раннее упоминание орхонских уйгуров встречается в сочинении историка и географа Йакуби (IX в). Согласно его свидетельству, халиф Махди в 777 г. направил своих посланников к различным народам с целью добиться признания его власти, в том числе посланник был направлен и к токуз-огузам, т.е. уйгурам [Minorsky 1948, 301]. Другое сообщение о токуз-огузах в сочинении Йакуби связано с мятежом Рафи ибн Лейса в Самарканде в 806-810 гг. Рассказывается, что, когда на повстанцев были брошены правительственные войска, те обратились за помощью к иноземцам - тюркам, карлукам, токуз-огузам (уйгурам) и тибетцам. История Табари упоминает токуз-огузов в связи с восстанием Абд ар-Рахмана Нишапури в 820-821 гг. в Усрушане (Сутрушане),

районе между Самаркандом и Ходжентом. По призыву Абд ар-Рахана Нишапури аль-Мутаввии для оказания ему содействия в Усрушану прибыло токуз-огузское войско. В.Ф.Минорский считает, что Тамим ибн Бахр Мутаввии, оставивший путевые заметки о стране токуз-огузов, был направлен к токуз-огузскому (уйгурскому) кагану в качестве эмиссара Абд ар-Рахманом Нишапури, и тем самым датирует в отличие от других исследователей (Бартольда, Якубовского) записи Тамима ибн Бахра началом IX в. [Minorsky 1948, 301-302]. Путевые записки Тамима ибн Бахра, таким образом, являются единственным цельным источником по истории Уйгурского каганата, составленным на арабском языке. Свидетельства этого путешественника приводятся во многих исторических и географических арабских сочинениях таких авторов, как Хордадбех, Факих, Йакут, Кудама [Мориясу 1981]. Наиболее полная версия записок Тамима содержит одна из рукописей Факиха [Кумеков 1979].

Сведения Тамима ибн Бахра об Уйгурском каганате относятся к религии уйгуров, к описанию уйгурской столицы, армии уйгуров, связям уйгурского кагана с Китаем, торговых путях и в определенной мере дополняют свидетельства китайских и уйгурских источников.

Из персоязычных источников, содержащих сведения об орхонских уйгурах, следует назвать “Худуд аль-алам” и сочинение Гардизи “Зайн ал-Ахбар”. Рукопись анонимного географического сочинения “Худуд аль-алам мин машрик ила-л-магриб” (“Границы мира от востока к западу”), написанного примерно в 982 г., была обнаружена А.Г.Туманским в 1892 г. и впервые опубликована академиком В.В.Бартольдом в 1930 г. Перевод “Худуд аль-алам” с подробными комментариями был выполнен в 1937 г. В.Ф.Минорским. Основная часть информации “Худуд аль-алам” о токуз-огузах относится к уйгурам Турфанского идыкутства (X в.). Однако отдельные сведения восходят к эпохе Уйгурского каганата или к периоду расселения уйгурских племен после его крушения. К таким сведениям, напри-

мер, относится сообщение о том, что “Куча находится на границе и принадлежит Китаю, но тогуз-огузы постоянно совершают нападения на жителей и грабят их” [Minorsky 1937, 85]. Комментируя это сообщение, В.Ф.Минорский предположил, что в данном случае тогуз-огузами названы остатки западных тюрок, а не уйгуры [Minorsky 1937, 227]. Предположение В.Ф.Минорского было поставлено под сомнение Дж.Р.Гамильтоном [Hamilton 1955, 13]. В “Дополнениях к “Худуд аль-алам» В.Ф.Минорский пересмотрел свою первоначальную точку зрения и пришел к выводу, что цитированная информация относится к уйгурам и может быть датирована примерно 900 г. [Minorsky 1955, 262-263]. Куча (кит. Аньси) после крушения Уйгурского каганата (840 г.) стала местом расселения уйгуров, находившихся под предводительством Пан-тегина. В течение какого-то времени она даже была резиденцией Пан-тегина, провозгласившего себя уйгурским каганом. В последующем Куча вошла в состав Уйгурского Турфанского идыкутства. Поскольку в приведенном сообщении речь идет о нападениях тогуз-огузов на жителей Кучи, что исключает занятие ими этого города, то, на наш взгляд, есть основание отнести его к эпохе Уйгурского каганата.

Оригинальные сведения, относящиеся к раннему периоду истории Уйгурского каганата, содержит сочинение персидского историка Гардизи “Зайн-аль-Ахбар” (“Украшение известий”), написанное в 1049-1058 гг. [Бартольд 1973, 23-62]. В числе своих источников информации о центрально-азиатских народах Гардизи называет сочинение “Китаб аль-масалик ва-мамалик” хорасанского везира аль-Джайхани (ок. 870 г.), “Китаб руб аль-дунья” Ибн аль-Мукаффы и книгу “Китаби ахбар” Убайдуллы ибн Хордадбеха (IX в.). К.Цегледи считает, что при описании тюркских народов, обитавших по соседству с Афганистаном, где жил Гардизи, последний в качестве источников информации использовал другие известия, более свежие, чем сообщения названных авторов. Большая часть информации Гардизи о

далеких странах и народах основана на свидетельствах Джайхани. Вместе с тем, Гардизи не мог использовать в своем сочинении сведения Джайхани о тюркских народах, живших по соседству с Афганистаном, поскольку эти сведения были хорошо известны его соотечественникам. Не имея возможности получить более свежие сведения об этих народах, Гардизи пришлось обратиться к сочинению, сообщения которого не отличались оригинальностью и были малоизвестны. Таким сочинением стала книга Ибн аль-Мукаффы "Руб аль-дунья", упоминаемая самим Гардизи. Однако сведения Гардизи о событиях, происходивших в 760-766 гг. и позже не могли быть извлечены из сочинения Мукаффы, который жил в 720-757 гг. Поэтому К.Цегледи заключает, что источником информации о событиях, происходивших в 746-780 гг., послужило какое-то другое сочинение, автором которого в числе других мог быть сын Ибн аль-Мукаффы, писавший под тем же именем [Czegledy 1973, 260-267]. Из сведений Гардизи для нас важное значение имеют сведения о племенах ягма, бежавших к западным тюркам от уйгуров, а также о карлуках. Значительная часть сведений Гардизи о токуз-уйгурах относится к более позднему периоду истории уйгуров, связанному с Турфанским идыкутством.

Фрагментарные сведения об уйгурах VIII-IX вв. содержатся в письменных памятниках из Восточного Туркестана, написанных на различных языках - древнеуйгурском, хотано-сакском, среднеперсидском. Так, колофон сборника манихейских гимнов на среднеперсидском языке "Махрнамаг", датированный исследователями 820-м годом, содержит важные сведения об уйгурских князьях и уйгурских племенах. Особенностью сведений, имеющих в древнеуйгурских турфанских текстах, является их позднее происхождение, что, впрочем, не снижает их значения [Muller 1912, 207-213]. Из сведений этой группы источников нами привлекались к работе только те сведения, которые уже введены в научный оборот.

Еще недостаточно проанализированы исследователями

свидетельства одного из интереснейших документов по истории Центральной Азии - тибетского манускрипта из Дуньхуана № 1283 (Фонд Пельо), представляющего собой перевод на тибетский язык докладов пяти уйгурских посланников. Сведения этого документа относятся к географии расселения племен, особенностям их быта и др. Понимание текста, однако, затруднено тем, что он является переводом на тибетский язык более позднего времени в сравнении с описываемыми событиями, и в нем смешаны сведения разных по времени создания отчетов. Впервые названная рукопись была издана на французском языке Ж.Бако в 1956 г. [Васот 1956, 137-153]. В последующем, в ходе обсуждения сведений рукописи, в котором принимали участие многие известные востоковеды (Дж.Клоссон, Л.Амбис, Л.Лигети, К.Цегледи, С.Тезчан, Т.Мориясу, Г.Урай), были уточнены многие спорные вопросы. Одно из последних исследований текста документа принадлежит К.Цегледи. Результаты исследования К.Цегледи были изложены им в выступлении на заседании Сектора тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения 21 сентября 1987 г. По мнению К.Цегледи, аутентичность источника несомненна, однако его повествование носит тенденциозный характер. К.Цегледи удалось локализовать упоминаемый в источнике город Бакыр-балык (Медный город), который, по свидетельству персидских сочинений, располагался в районе Турфана. К.Цегледи также уточнил датировку тибетской рукописи. Датирующими могут быть, по его мнению, два события, фиксируемые в источнике: разгром восточных тюрков и сражение тюргешей с арабами. Исходя из этих событий, ученый заключил, что отчеты уйгурских посланников были составлены не ранее 745 г. и не позднее 751 г. Этот промежуток времени приходится на эпоху правления уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (747-759). Годы правления Элетмиш Бильге-кагана ознаменовались борьбой уйгуров с внутренними и внешними противниками. В этих условиях, возможно, каган направлял в различные сопредель-

ные районы своих агентов с целью сбора информации, необходимой для успешного ведения военных операций. В связи с наблюдениями К.Цегледи стоит упомянуть о предложенном Т.Мориясу прочтении одного из сложных для понимания сообщений рукописи, в котором речь идет о манихейских монахах. Согласно Т.Мориясу, в этой части рукописи говорится о событиях, связанных с антиманихейским переворотом в Ордубалыке в 779 г. [Mogiyasu 1980, 171-184]. Если предположение Т.Мориясу верно, то в рукописи получили отражение события не только эпохи правления Элетмиш Бильге-кагана, но и более позднего времени.

Таким образом, сведения об уйгурах, содержащиеся в древнеуйгурских рунических надписях, арабских, персидских географических сочинениях и турфанских текстах, в значительной степени дополняют и конкретизируют свидетельства основного источника по истории Уйгурского каганата - китайских исторических сочинений, позволяя тем самым более полно реконструировать историческую жизнь уйгуров. В целом, сообщения всех рассмотренных выше групп письменных источников по истории Уйгурского каганата концентрируются вокруг двух крупных тем - становление и расцвет Уйгурского каганата и борьба уйгуров за господство в Восточном Туркестане. Изучению этих проблем посвящены следующие главы нашего исследования.

ГЛАВА III. СТАНОВЛЕНИЕ И РАСЦВЕТ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА

1. Уйгурские племена до образования Уйгурского каганата

До недавнего времени Уйгурский каганат считался первым централизованным политическим объединением древних уйгуров. Однако более детальная разработка ранней истории уйгуров на основе китайских источников, а также анализ сведений древнеуйгурских рунических памятников позволили исследователям вести отсчет уйгурских государств с гораздо более раннего времени, чем середина VIII в. Так, о неоднократном образовании уйгурских элей (государств) задолго до основания Уйгурского каганата свидетельствуют историографические части уйгурских надписей из Терхина, Могон Шине Усу и Тесина. Анализ исторических сведений этих надписей, проведенный С.Г.Кляшторным, показал, что “до образования последнего по времени уйгурского эля (743-744) авторы надписей сохраняли память о двух уйгурских государствах, просуществовавших 280 (380?) лет, двух периодах упадка и господства иноплеменников, длившихся 150 лет” [Кляшторный 1987, 28-29; Gabain 1952, 18-32]. Первый уйгурский эль просуществовал около 200 (300) лет, после чего уйгуры попали в зависимость от иноплеменников, в подчинении которых они находились сто лет. Следующий эль пал после 80 лет существования, положив начало очередному подчинению уйгуров другим племенам, на этот раз тюркам и сирам, длившемуся около полстолетия до середины VIII в., когда уйгуры образовали известный в истории Уйгурский каганат со столицей на Орхоне.

Основные вехи уйгурской истории, обрисованные авторами рунических надписей, в целом подтверждаются китайски-

ми источниками, которые также фиксируют неоднократные попытки уйгурских племен и их предков создать независимые политические объединения в течение IV-VII вв. Китайские источники позволяют проследить историю уйгурских племен с конца IV в., когда в них появляются первые записи о предках уйгуров - племенах гаочэ. "Гаочэ" (другое чтение - "гаоцзюй"), означающее на китайском языке "высокие телеги", было одним из наименований союза, состоявшего из большого числа кочевых племен. По свидетельству "Вэй шу" ("История династии Вэй"), гаочэ "ранее назывались "дили", на севере их именовали "чилэ", а в Ся (т.е. в Китае - А.К.) называли "гаочэ" и "динлин» [ВШ, цз. 103, 116]. Легенда, зафиксированная в этой истории, связывает происхождение гаочэ с центрально-азиатскими сюнну (хунну), сообщая, что гаочэ произошли от брака младшей дочери правителя сюнну с волком [Бичурин 1950, 214-215]. Легенда отразила наряду с генетической связью гаочэ с сюнну идею божественного происхождения правящего дома гаочэ, выраженную в обосновании наличия родственной связи предков гаочэ с правящим домом сюнну и с божественным животным. Вместе с тем реальную основу имеет указание источников о существовании связи гаочэ с кочевыми племенами динлинов, обитавших в Центральной Азии по II в. до н.э.

Гаочэский союз состоял из 18 племен, шесть из которых занимали в нем ведущее положение. В число последних входило племя юаньхэ (оногур), позже принявшее наименование "вэйхэ" и "хуэйхэ" (уйгур). Первоначально гаочэские племена обитали в районе современной провинции КНР - Ганьсу. Первые исторические сведения о них относятся к тому времени, когда они находились в подчинении жуань-жуаней (жужаней), господствующих в Монголии в IV в.. Постоянная борьба с жуаньжуанями, в ходе которой племена гаочэ не раз консолидировались с северокитайским государством Тоба Вэй, привело в конечном итоге к созданию гаочэского ханства в Восточном Туркестане: в 487 г. предводитель гаочэ Афучжило поднял восста-

ние против своего сюзерена - жуаньжуаньского правителя, и отделившись от него, увел своих соплеменников в Восточный Туркестан. Гаочэское ханство с самого начала разделилось на два удела: северный и южный. Северной частью ханства управлял Афучжило, принявший титул верховного правителя "Великий Сын Неба", а южной частью - его младший брат Цюнци с титулом "наследный государь" [см.: Таскин 1984, 401-406; Pulleyblank 1990, 21-26]. На начальном этапе государство гаочэ успешно противостояло соседним народам - туюхуням, эфталитам и жуаньжуаням. Однако в дальнейшей его судьбе негативную роль сыграло деление на два удела. Южный удел, управляемый Цюнци, вскоре стал подвергаться усиленным нападениям эфталитов, которые в конечном счете разгромили его, обратив в бегство его население. Позже эфталиты нанесли поражение и северным гаочэским племенам, однако, не уничтожили их государство вовсе, поскольку оно служило буфером между ними и жуаньжуанями. Гаочэско-жуаньжуаньские войны первой половины VI в., наряду с другими факторами, способствовали ослаблению обеих воюющих сторон и в значительной мере - усилению находившихся под властью жуаньжуаней тюрков. Тюрки сначала помогли жуаньжуаням разбить гаочэ (543 г.), а затем, укрепившись за счет последних, начали войну против своего сюзерена. Война закончилась в 555 г. окончательным разгромом жуаньжуаней и установлением в Центральной Азии тюркского господства [Pulleyblank 1991].

В эпоху тюркских каганатов (VI-VIII вв.) китайские историографы стали называть гаочэские племена "телескими". Слово "теле" представляет собой искаженную форму известного в предыдущую эпоху слова "чилэ", под которым были известны гаочэсцы среди некоторых народов, и реконструируется исследователями как "тегрег" (Э.Дж.Пуллиблэнк) или "тэгрэг" (Дж.Р.Гамильтон), означавшее в древнетюркском языке "телега" [Pulleyblank 1956, 36; Hamilton 1962, 26]. По мнению К.Цегледи, "теле" есть лишь более поздняя форма древ-

некитайского “динлин” и его среднекитайского варианта “дили” [Czegledy 1982, 89].

Телеская конфедерация известна по западным источникам как “огузская”. В нее входило большое число племен, обитавших на обширной территории Внутренней Азии от Дальнего Востока до Кавказа. В эпоху тюркских каганатов телеские племена находились в подчинении тюрков. После раскола в 583 г. Первого Тюркского каганата на Восточный и Западный телесцы оказались под властью как восточных, так и западных тюрков, против которых, однако, они вели постоянную борьбу. Первое крупное восстание телесцев против тюрков произошло одновременно в разных концах Западнотюркского каганата в начале VII в. (600-е гг.). Однако, если восстание в западной части каганата увенчалось успехом и привело к созданию независимого Болгарского государства, то на востоке восстание принесло телесцам независимость лишь на короткое время. Здесь телеские племена, восставшие против Чурын-кагана (кит. Чуло) в 605 г., провозгласили верховным правителем главу племени циби (киби) Йинчу бага-каганом. Одновременно младшим каганом был провозглашен глава другого племени теле сеяньто (сиров тюркских надписей). Именно к этому времени относится принятие племенем вэйхэ наименования “хуэйхэ” - уйгур. Ставка бага-кагана была учреждена на севере горы Таньхань (горы Богдо, к северу от Турфана) [Hamilton 1962, 55]. Ему подчинялись территории Гаочана (Кочо, Турфанский оазис), Яньци (Карашара), Иу (Хами) в Восточном Туркестане. Однако уже после 611 г. телесцы вновь попали в зависимость от тюркских каганов [Czegledy 1982., 90-91; Hamilton 1962, 26-27; Liu Mautsai 1958, 127-128].

В 628 г. часть телеских племен во главе с сеяньто перекочевала из Западнотюркского каганата на территорию Восточнотюркского, где она присоединилась к группе теле, возглавляемой уйгурами. Это переселение усилило позиции подчиненных восточным тюркам телеских племен и привело к созда-

нию антипюркской сеяньто-уйгурской коалиции. Борьба коалиции с тюрками была поддержана Танской династией и закончилась разгромом в 630 г. Первого Восточно-тюркского каганата, в результате которого тюрки вынуждены были подчиниться Танской империи, оставив степь победителям, основавшим Сеяньтоский каганат [Малявкин 1980, 106-114]. Образование нового политического объединения привело к расколу телеского племенного союза, из которого вышли сеяньто. Именно в это время сформировался токуз-огузский племенной союз во главе с уйгурами.

Союз уйгуров с новыми господами Монголии сеяньто был недостаточно прочным. Он распался уже после 642 г., когда соперничество за главенство вылилось в открытую войну уйгуров с сеяньто. Танская династия, незаинтересованная в усилении последних, оказала поддержку уйгурам и их союзникам. Под ударами объединенных сил уйгуров и танской династии сеяньто были разгромлены в 646 г. Однако разгром сеяньто, основной силы, противостоявшей в это время Танской династии, создал в степи ситуацию, при которой уйгуры (токуз-огузы) оказались вынужденными подчиниться Танской империи. На их кочевьях было произведено административно-территориальное районирование: создано 6 дудуфу (тутукств) и 7 чжоу (округов). Вместе с тем признание ими танской власти не означало фактического подчинения Танам: войдя в состав Танской империи, племена сохраняли определенную самостоятельность, что проявилось, в частности, в провозглашении предводителя уйгуров Тумиду каганом в 647 г. Источники сообщают, что уйгурский эльтебер Тумиду, получив от танского императора должность тутука Ханьхая - района, созданного для племен уйгуров, в то же самое время принял каганскую титулатуру и учредил должности по тюркскому образцу. Однако Танская династия не признала Тумиду и в официальных китайских документах его и его преемников продолжали именовать титулом "дуду" ("тутук"). Аналогичный статус токуз-огузов в отношении Тан-

ской династии сохранялся и при наследнике Тумиду - Пожуне (648-662), при котором пятидесятитысячное уйгурское войско приняло участие в походе танских войск против западных тюрков. Но уже в 660-663 гг. источники фиксируют войну токуз-огузов с Китаем. Эта война закончилась все же признанием танским двором независимого государства токуз-огузов в Монголии, известного как Первый Уйгурский каганат.

Токуз-огузское государство было ликвидировано в 80-х гг. VII в. восточными тюрками, вернувшимися в Монголию из Китая. Возрождение Восточно-тюркского каганата привело к миграции части токуз-огузских племен из Монголии на территорию, подвластную Танской династии. Источники отмечают откочевку из степи группы токуз-огузских племен, состоявшей из уйгуров, циби, сыцзе и хунь, в район Эдзин-гола, Лянчжоу и Ганьчжоу (Хэсийский коридор). Точная дата откочевки этих племен неизвестна, сообщается лишь, что она произошла во время правления императрицы У-хоу (684-705). Очевидно, они бежали под покровительство Танов в результате поражения токуз-огузского Баз-кагана, о котором сообщается в тюркских надписях в честь Кюль-тегина и Тоньюкука [Малов 1951, 65]. Описанная в надписях битва тюрков с войсками Баз-кагана датирована С.Г.Кляшторным 688-689 годами [Кляшторный 1964, 42].

Миграцию другой группы токуз-огузских племен на территорию Китая танские источники связывают со смертью тюркского Капаган-кагана (кит. Мочжо). Капаган-каган был убит в битве с токуз-огузским племенем байарку в середине 716 г., а его голова была переслана в Чанъань. Вслед за этим группа токуз-огузов, состоявшая из уйгуров, тонгра, белых си, байарку и пугу, подчинилась танской власти и была расселена в северной провинции танского государства [Цзэнь Чжунмянь 1958, 396]. Уйгуры, входившие в эту группу, составляли лишь часть племени, отличную от уйгуров, перекочевавших ранее в Хэси: в "Синь Таншу" они называются "отдельным племенем с И-цзянь

эльтебером” [СТШ, цз. 217а]. Именно об этой группе уйгуров рассказывает тюркский Бильге-каган: “Спустившись вниз по Селенге и сильно тесня их, я так разорил их дома... Они поднялись в чернь. Уйгурский эльтебер убежал с сотней воинов на восток” [Малов 1959, 22].

Токуз-огузские племена, поселившиеся в Северном Китае, принимали участие наряду с басмылами, кыргызами, киданями, татабами в походе танской армии Ван Цзюня против тюрков в 718-720 гг. В “Цэфу юаньгуй” сохранился текст императорского указа, изданного в 718 г., который содержит данные о числе всадников, выставленных при этом токуз-огузскими племенами, и титулах и именах их предводителей: три тысячи всадников *байарку* во главе с тутуком Пицзя Мочжо (Бильге Баг-чор), две тысячи всадников [племени] *си* во главе с тутуком Би-янь, тысяча всадников *уйгуров* во главе с тутуком Е-лэ-гэ (Яглакар) [ЦФЮГ, цз. 992; Цэнь Чжунмянь 1958, 404]. В цитированном документе также содержится другой титул уйгурского предводителя “уйгурский каган-тутук йеген эльтебер” (хуэйхэ кэхань дуду ицзянь селифа), который свидетельствует о том, что уйгурские вожди продолжали носить титул кагана, принятый Тумиду еще в 647 г. Заметим лишь, что этот титул сохранился только в энциклопедии “Цэфу юаньгуй”, а в “Повествовании об уйгурах” “Синь Таншу” уйгурский предводитель назван просто “ицзянь селифа” (йеген эльтебер). После разгрома токуз-огузского государства часть токуз-огузских племен осталась на своих прежних кочевьях в Монголии, став мятежными подданными тюркских каганов. Среди них были группы эдизов и тонгра, которые упоминаются в надписи Бильге-кагана в описании войны тюрков с огузами в 723-724 гг. [Малов 1959, 42].

Токуз-огузы, расселенные в Хэси, так же как во времена Тумиду и Пожуня, были инкорпорированы в танскую военную систему и широко привлекались во внешних походах местной “армии Красной реки”. Однако в 727 г. произошли события,

вынудившие их к антитанскому мятежу: военный губернатор Хэси Ван Цзюньжо проявил несправедливость в отношении главы уйгуров Чэнцзуна, по ложному обвинению сослал его во внутренний округ, где тот вскоре скончался. Это вызвало негодование соплеменников Чэнцзуна, один из которых Ху Шу, устроив засаду, убил Ван Цзюньжо. Убийство губернатора поставило уйгуров и другие племена в положение мятежников, против которых танской администрацией были приняты незамедлительные меры. Некоторое время токуз-огузам удавалось удерживать Хэси, давая отпор правительственным силам, но в конечном итоге им пришлось все же бежать обратно в степь - на территорию Тюркского каганата. При этом из Хэси ушли не все токуз-огузские племена - часть из них осталась здесь и в середине IX в., после крушения Второго Уйгурского каганата, составила ядро образовавшегося здесь Ганьчжоуского уйгурского государства [Pulleyblank1956, 38].

Китайские источники содержат чрезвычайно мало сведений о токуз-огузах в период, непосредственно предшествовавший крушению Второго Восточно-тюркского каганата и основанию на его месте государства уйгуров, хотя отмечают их роль в разгроме тюрков.

Прежде чем обратиться к истории Уйгурского каганата необходимо коснуться такой важной проблемы, как содержание понятия “токуз-огузы” и отношение к нему этнонима “уйгур”. Токуз-огузский племенной союз сформировался окончательно после разгрома сеяньто (646 г.), когда главенствующее положение среди телеских племен заняли уйгуры, тем самым токуз-огузский союз стал дальнейшим развитием племенной организации гаочэ-телеских племен. В 630-х годах в китайских источниках впервые регистрируется эквивалент термина “токуз-огуз” - выражение “цзю син теле” (или “цзю син”), означающее “теле девяти фамилий” (“девять фамилий”). Деление огузов (теле) на девять, по мнению Э.Пуллиблэнка, не являлось этническим делением, а носило политический характер, “поэтому было воз-

можно изменение состава конфедерации в соответствии с внутренним политическим развитием без изменения ее внутренней структуры” [Pulleyblank 1956, 42].

Состав токуз-огузского племенного союза не оставался неизменным в разные периоды истории. На начальном этапе уйгурского каганата в него входили следующие племена: 1) хуэйхэ (уйгуры), 2) пугу (бугу), 3) хунь (кун), 4) тунло (тонгра), 5) сыцзе (сыгир), 6) циби (киби), 7) абусы (абуз), 9) гулуныгу [ТХЯ, цз. 98, 1744]. Составитель “Тан хуэйяо”, в котором помещен этот список, отмечает, что последние два племени, вероятно, приобрели равный с остальными статус после годов правления Тяньбао (742-756). Приведенный список токуз-огузов не учитывает некоторые другие племена, о принадлежности которых к токуз-огузам в период каганата известно из тех же танских источников, а именно: эдизов, доланыгэ, хусе, белых си, сицзе.

По данным “Тан шу”, главное токуз-огузское племя “уйгур” состояло из девяти родов: яглакар (яолэгэ), утуркар (худугэ), курабир (цзюйлэу/долоу), боксигит (могэсихэ), авучаг (аучжай), хазар (хэса), угуз (хувэнсу), ябуткар (яогэ), аявир (сиеу) [Hamilton 1955, 5-1]. Каганы уйгуров происходили из рода Яглакар. Между тем уйгурская надпись из Могон Шине Усу свидетельствует, что собственно уйгуры состояли не из девяти, а десяти родов (он-уйгур). Это свидетельство подтверждается некоторыми другими источниками, например, персидским автором Рашид-ад-дином (XIII в.) [Радлов 1893, 40]. Такое противоречие источников объяснено Э.Дж.Пуллиблэнком. Он полагает, что авторы танских династийных историй при составлении перечня собственно уйгуров использовали список из десяти наименований уйгуров, однако по ошибке вписали этот перечень в текст, относившийся к девяти огузским племенам, поэтому им пришлось сократить список он-уйгуров на одно название. Понятие “род”, как более мелкая социальная организация, чем “племя”, применительно к “десяти уйгурам” (он-уйгурам) употребляется здесь условно, так как на самом деле

уйгурские родовые группы по численному составу зачастую не уступали остальным токуз-огузским племенам. Об этом можно судить, например, из такого факта: число воинов, выставившихся уйгурами, в несколько раз превышало войска других токуз-огузских племен. Так, уйгуры имели 50-тысячное войско, в то время как войско любого другого токуз-огузского племени не превышало 10 тысяч человек. При этом существовали совершенно небольшие племена, такие как эдизы, которые составляли всего 1700 воинов [ТД, 743]. Именно численное превосходство уйгуров над другими токуз-огузскими племенами обеспечило им ведущее положение в токуз-огузском союзе [Czegledy 1972, 278-279].

Наименование ведущего племени “уйгур” в период существования Уйгурского каганата распространилось на весь токуз-огузский союз племен, который в это время стал именоваться уйгурским. Это изменение в наименовании союза, ознаменовавшее новый этап консолидации телеских (огузских) племен, получило неодинаковое отражение в китайских и мусульманских источниках. Если мусульманские авторы продолжали употреблять в отношении населения Уйгурского каганата термин “токуз-огуз”, то китайские историографы, значительно лучше осведомленные о родоплеменной структуре каганата, заменили выражение “теле девяти фамилий” выражением “уйгуры девяти фамилий”. В этой связи представляется неоправданным мнение А.Г.Малявкина о том, что употребление этнонима “уйгур” в отношении токуз-огузских племен в китайских сочинениях не соответствовало реальной ситуации в Уйгурском каганате [Малявкин 1983, 113-120]. На самом деле китайские историографы вполне сознательно и обоснованно придавали термину широкое значение.

В нашей книге в зависимости от описываемых событий этноним “уйгур” используется как в узком его значении (название ведущего токуз-огузского племени), так и в широком (название всего токуз-огузского племенного союза в период суще-

ствования Уйгурского каганата). При этом узкое значение этнонима сохранено применительно к событиям первого десятилетия каганата, во время которого собственно уйгурам приходилось вести борьбу за главенство среди токуз-огузских племен.

Обобщая исторические сведения об уйгурских племенах до образования Уйгурского каганата, отметим, что установлению уйгурского господства в Монголии в середине VIII в. предшествовал длительный период борьбы уйгуров с тюрками, возглавлявшимися династией Ашина, за власть. Основными этапами этой борьбы, имевшей более чем столетнюю историю, явились: победа токуз-огузов (уйгуров) в 630-647 гг. над тюрками и сирами и образование Первого Уйгурского каганата в Северной Монголии (647-689), победа тюрков над уйгурами в 681-689 гг. и возрождение Восточно-тюркского каганата, а также серии восстаний токуз-огузских племен в 719-725 гг., подготовивших этап крушения Тюркского каганата и установления безраздельного господства уйгуров в степи в середине VIII в.

2. Крушение Второго Восточно-тюркского каганата. Образование Уйгурского государства

Крушению Второго Восточно-тюркского каганата предшествовал почти десятилетний период междоусобицы среди тюрков. Последнее десятилетие существования каганата довольно подробно описано в литературе [Кляшторный 1964, 42-43; Гумилев 1967, 325-326], поэтому мы остановимся лишь на его завершающем этапе. Правление Бильге-кагана, принесшее стране относительную внутреннюю стабильность, закончилось в 734 г. В этот год он стал жертвой заговора, во главе которого стоял один из его приближенных, именуемый в китайских источниках Мэйлу-чжо, т.е. Буюрук-чором. Отравленный Бильге-каган все же сумел перед смертью расправиться с заговорщиками - по его приказу был истреблен весь клан Буюрук-чора. Бильге-кагану преемствовали его сыновья - Ижань-каган (734-

739) и Тенгри-каган (740-741). Во время правления Тенгри-кагана начался распад тюркского государства. При нем фактическое управление страной осуществляли его мать, которая была дочерью мудрого советника многих предыдущих тюркских правителей, Тоньюкука, и его младший сановник (сяо чэнь) Юйсы-дагань, а “удельные владетели из рода Ашина все меньше считались с центральной властью” [ЯЛГВЦ, цз. 9, л. 76; Кляшторный 1964, 43].

Главными противниками Тенгри-кагана и его матери стали братья Бильге-кагана - левый и правый шады, управлявшие западной и восточной частями государства. Согласно источникам, в 741 г. по совету матери Тенгри-каган завлек в свою ставку западного шада, убил его, а управление его племенами взял на себя [Бичурин 1950, 277-278]. Такая же судьба ожидала и восточного шада Пан кюль-тегина, поэтому у последнего не оставалось иного выхода, как начать войну с войсками кагана. Тенгри-каган, очевидно, не пользовался поддержкой тюркских племен, особенно у бывших подданных убитого им западного шада, что предопределило исход войны не в его пользу - его войска потерпели поражение, сам он был убит. Победитель Пан кюль-тегин возвел на престол другого сына Бильге-кагана. О судьбе самого Пан кюль-тегина источники ничего не сообщают, возможно, он, как и его ставленник, погиб в результате начавшегося вскоре выступления Кутлуг-ябгу. Кутлуг-ябгу сначала возвел на престол своего ставленника, но затем, устранив его, провозгласил себя каганом. Это произошло в 7-м месяце 741 года.

В условиях резкого обострения борьбы за власть подняли мятеж подчиненные тюркам уйгуры, басмылы и карлуки, война с которыми очень скоро выдвинулась на передний план событий в степи. Сведения об этой войне, имеющиеся в танских сочинениях и древнеуйгурских рунических текстах, еще не становились объектом сопоставительного изучения, ссылки на них, имеющиеся в литературе, носят слишком общий характер, а

иногда не соответствуют истине [Гумилев 1967, 366-367]. Между тем результаты этой войны имеют существенное значение для правильной оценки событий последующего периода.

Хотя заслуга в разгроме Восточно-тюркского каганата принадлежала племенам уйгуров, басмылов и карлуков, не последнюю роль сыграл при этом и танский Китай. Однако исследователями еще не раскрыто участие танских войск в разгроме тюрков, о котором китайские источники содержат достаточно много свидетельств. Одно из первых указаний китайских источников и предпринятых Танами действиях в отношении тюрков гласит, что в 7-м месяце 741 года император Сюань-цзун приказал военачальнику Сунь Лаону установить контакт с враждебными тюркам племенами - уйгурами, басмылами и карлуками [ЦЧТЦ, цз. 214, 6844]. В энциклопедии "Цэфу юаньгуй" сохранился текст послания императора предводителям карлуков и басмылов, в котором он призывал их к мятежу против тюрков [ЦЧТЦ, цз. 170; Цэнь Чжунмянь 1958, 457]. Судя по дальнейшему развитию событий, танскому военачальнику удалось объединить усилия названных племен: в 8-м месяце следующего года было совершено наступление на тюрков одновременно с различных направлений - с севера на них напали уйгуры, с запада - карлуки, с юго-запада - басмылы, на юге тюркам угрожали танские войска. В ходе этой операции был убит тюркский Кутлуг-Ябгу [ЦЧТЦ, цз. 215, 6854].

Действия уйгуров в этой военной акции описываются в Терхинской надписи. В ней от имени будущего уйгурского Элетмиш Бильге-кагана рассказывается: "Тысячный отряд пошел. "Озмыш-тегин из Одургана идет!" - сказал он. "Захвати!" - сказал он. ... [Я преследовал их. Я пересек Кара-Кумы и у Кёгура], возле гор Кёмур и реки Яр, там [я напал] на трех знаменитый тюркский народ в седьмом месяце на 14-й день ...там я приказал воздвигнуть. Хан... там погиб. Тюркский народ там я подчинил" [Кляшторный 1980, 93]. Локализация местности, где произошло столкновение уйгурских войск с ханскими войска-

ми, производится достаточно точно. Л. Базен, исследовавший упоминаемые здесь топонимы, установил, что горы Кёгур идентичны горам, именуемым в китайских источниках “Да цин шань” (“Великие зеленые горы”) и располагавшимся на юго-востоке горной цепи Иньшань (“чугай кузы” древнетюркских текстов) [Czegledy 1962, 55-58]. Границы этих гор проходили по 41-й параллели на юге, по 42-й - на севере, восточные их оконечности пересекали 109-й меридиан, а западные - 111-й. Горы Кёмур (“Угольные горы”) - это горы Хэйшань (“Черные горы”), находившиеся на западе водной системы реки Урат, севернее большой излучины Хуанхэ. По мнению Ху Саньсина, комментатора сочинения “Цзычжи тунцзянь”, “хэйшань” назывались также гора Шахушань и долина Хуяньгу, располагавшиеся в этом регионе [Liu Mautsai 1958, 615]. Наконец, упоминаемая в Терхинской надписи река Яр протекала западнее горы Хэйшань. Л.Базен дает следующие ее координаты: 41-я параллель, 107-108-е меридианы или несколько восточнее [Bazin 1982, 58-60]. На основании этих данных можно считать, что разгром Кутлуг-ябгу объединенными силами анти-тюркской коалиции произошел на границе тюркского государства с Китаем, в районе гор Иньшань.

После гибели Кутлуг-ябгу тюрков возглавил Озмыш, являвшийся, по свидетельству китайских источников, сыном Панкюль тегина. В это время основные силы тюрков, теснимые противниками, находились на юге Гоби, поблизости от границы с танским государством, что позволило танским войскам включиться в войну с тюрками. “Цзычжи тунцзянь” сообщает, что Ван Чжунсы, командующий войсками северной пограничной провинции Шофан, прибыл с армией к границе пустыни и стал угрожать Озмышу [ЦЧТЦ, цз. 215, 6855]. Оказавшись во вражеском окружении, Озмыш-каган предпринял тактический ход: он сообщил Ван Чжунсы о своем намерении подчиниться ему, что дало ему на некоторое время передышку - Ван Чжунсы, ожидая его подчинения, не начинал наступления. Когда же

стали очевидны намерения Озмыша, танский военачальник пошел на решительные действия. Он связался с басмылами, уйгурами и карлуками и одновременно с ними нанес сокрушительный удар по тюркам. Все же Озмышу удалось бежать от Ван Чжунсы, которому подчинился лишь западный фланг тюрков. В день дин-хай 8-го месяца 742 года примерно тысяча шатров тюрков вошли в пределы танского государства. Это было первое крупное переселение тюрков из Монголии в Китай в период крушения Восточно-тюркского государства.

Среди подчинившихся Танам тюрков было немало высокородных лиц. Тюрков возглавляли сын Озмыша западный шад Гэ-ле-чи и западный ябгу Абузы (Абуз). Кроме них источники называют внука Капаган-кагана (Мочжо) принца Бо-дэ-чжи, дочь Бильге-кагана принцессу Да-ло, младшую жену Ижаны-кагана принцессу Юй-сай-фу, дочь Тенгри-кагана принцессу Юй-чжу [ЦТШ, цз. 194; ЦЧТЦ, цз. 215, 6855; ЯЛГВЦ 1956, цз. 9, 76]. Среди подчинившихся находился также и глава согдийской общины Тюркского каганата Кан-а-и Кюль-Таркан, которого сопровождали жена - уроженка Цзяохэ (Турфанский оазис), носившая фамилию Ши, и четверо сыновей с супругами. При чем жена одного из сыновей Кан-а-и происходила из царского рода тюрков Ашина.

Подчинившиеся тюрки и согдийцы были размещены танской администрацией в северных округах танского государства Шофан и Фаньян. Так, Абуз-ябгу с соплеменниками был направлен в распоряжение шофанского губернатора, а часть тюрков, в том числе семейство Кан-а-и Кюль-таркана, попала в ведение фаньянского губернатора Ань Лушаня.

Между тем после первого крупного поражения тюрков в 742 г. племенами антитюркской коалиции был избран свой верховный правитель, которым стал глава басмылов Ильтериш-каган. В некоторых китайских текстах последний именуется Ашина Ильтеришем (кит. Ашина Ши), что указывает на его принадлежность к правящему тюркскому роду Ашина [СТШ, цз.

2176, 1660; ТХЯ, цз. 100, 1788]. Этот факт анализировался многими исследователями, но объяснения их кажутся неубедительными. Японский ученый Оногава объяснял наличие фамилии Ашина у басмылского предводителя тем, что тюрки во главе этого подчиненного им племени поставили представителя рода Ашина [Мори 1967, 283]. По мнению А.Г.Малявкина, Ильтериш-каган не был представителем рода Ашина, а родовое название могло быть пожаловано ему за заслуги перед Тюркским каганатом, “точно так, как в Срединном государстве “варварским” вождям за заслуги перед империей жаловали императорскую фамилию Ли” [Малявкин 1989, 171-172; комм. 257]. Предположение А.Г.Малявкина основано на экстраполяции китайских реалий на степную действительность, поэтому очевидна его несостоятельность. В пользу того, что глава басмылов на самом деле происходил из рода Ашина, говорит сообщение в эпитафии Кан-а-и Кюль-таркана о младшем брате Капаган-кагана (Мочжо) по имени Басими Шицзинь, т.е. Басмыл Шицзинь [ЯЛГВЦ, цз. 9, 76].

Одновременно с провозглашением каганом предводителя басмылов главы уйгуров и карлуков “сами себя провозгласили” западным и восточным ябгу. Тем самым в конце 742 г. в степи установилось двоевластие: в каждом из двух воюющих лагерей был избран верховный правитель с титулом “каган”. Тюркский Озмыш-каган довольно долго оказывал сопротивление восставшим племенам. Некоторые сражения уйгуров с Озмышем упоминаются в уйгурских надписях. Так, Терхинская надпись сообщает от имени уйгурского принца: “Озмыш-тегин ханом стал. В год овцы (743 г.) я пошел второй раз [я с ним сразился. Во втором месяце, на 6-й день я с ним сразился]...В год обезьяны (744 г.) я пошел...я [с ним] сразился и одержал там победу. Их хана я там захватил, [его катун я там взял]” [Кляшторный 1980, 93]. В отличие от цитированной надписи китайские источники победу над Озмышем приписывают басмылам: согласно Сыма Гуану, в 8-м месяце 744 года басмылы обезгла-

вили Озмыша и переслали его голову в Чанъань [ЦЧТЦ, цз. 215, 6860]. Однако здесь нет противоречия: поскольку в это время главенствующее положение среди союзных племен занимали басмылы, которые в дипломатических отношениях с танской династией представляли антитюркскую коалицию, то любое сообщение, исходящее от этих племен, могло приписываться басмылам. К тому же заслуга уйгурского ябгу в покарании Озмыш-кагана была особо отмечена танским двором пожалованием ему титула “фэн-и вана” [ТХЯ, цз. 98, 1743].

Участие танского Китая в событиях, происходивших в степи, не ограничилось подчинением части тюрков в 742 г. После гибели Озмыша, осенью 744 г., Ван Чжунсы предпринял еще один успешный поход против тюрков, возглавляемых теперь младшим братом Озмыша Бомэй Хулунфу. Об этом походе подробно рассказывает эпитафия Ван Чжунсы: “Осенью следующего года (744 г.) [Ван Чжунсы] с войсками перешел пустыню, нанес удар по слабому месту [тюрков], дошел до Долосы, разгромил их, переправился через реку Орхон (Юйхунь)” [Цэн Чжунмянь 1958, 464]. Далее в эпитафии говорится, что Ван Чжунсы преследовал тюркского предводителя Апа-таркана, который бежал к восточным иноземцам (дун фань) и укрылся в древнем укреплении динлинов Сахэнэй. При этом проводниками китайцев были токуз-огузы Пугу Хуайэнь и недавно подчинившийся Танам Абуз-ябгу. Сражение танской армии с войсками Апа-таркана, состоявшееся в день бин-суй 1-го месяца 745 г. в горах Сахэнэйшань, закончилось полным разгромом тюрков. В результате, 11 тюркских племен, составлявших левый (восточный) фланг, во главе с Апа-тарканом подчинились танскому военачальнику. Вновь было организовано переселение капитулировавших тюрков в пределы танского государства.

Остатки тюрков, возглавляемые Бомэй-каганом, уже не представляли серьезной опасности для союзных племен - басмылов, уйгуров и карлуков, и теперь борьба за власть перенеслась в лагерь союзников: уйгуры и карлуки, отказавшись пови-

новаться басмылскому кагану, в 744 г. напали на басмылов и разгромили их. В “Цзычжи тунцзянь” и “Тан хуэйяо” сообщается, что Ильтериш-каган басмылов погиб в бою. Однако более правдоподобной кажется версия “Синь Таншу”, согласно которой он сначала бежал в Бешбалык (Бэйтин), а оттуда переправился в танскую столицу Чанъань. Эту информацию авторы “Синь Таншу” завершают словами “земля и народ [басмылов] отошли к уйгурам” [СТШ, цз. 2176, 1660; ТХЯ, цз. 100, 1788].

После разгрома басмылов каганский титул принял уйгурский ябгу Гули Пэйло (Куллыг Бойла), который стал единовластным правителем лишь после 745 г., когда были разбиты остатки тюрок во главе с Бомэй-каганом, а сам Бомэй пал в бою. Разгром Бомэя, датируемый “Цзфу юаньгуй” 3-им месяцем 745 года, повлек за собой последнее в этот период переселение тюрок в Китай. На этот раз беженцев возглавила жена Бильге-кагана Кутлуг Сэбэг катун [ЦЧТЦ, цз. 215, 6863].

Союз уйгуров с карлуками также оказался непрочным - по сообщению Терхинской надписи уже в 746 г. восставшие карлуки бежали в страну народа десяти стран, т.е. в Тюркешский каганат, однако, они не прекратили борьбу с уйгурским господством [Кляшторный 1980, 94].

Победа Яглакарской династии во внешних войнах не предопределила единства токуз-огузского (уйгурского) племенного союза, внутри которого началась межплеменная борьба за власть, приведшая к серии внутренних войн в Уйгурском каганате.

3. Внутренние войны в Уйгурском каганате в правление Элетмиш Бильге-кагана (747-759)

Основатель Уйгурского каганата Кутлуг Бильге Кюль-каган (Гули Пэйло) умер в 747 г., не создав прочной централизованной власти. Фактическое объединение токуз-огузских пле-

мен и окончательное утверждение власти уйгурских каганов из рода Яглакар осуществил его сын Элетмиш Бильге-каган (747-759). О восшествии Элетмиш Бильге-кагана на престол в китайских источниках сообщается очень кратко: “[Когда] умер Пэйлю, на престол взошел его сын Моянь-чжо под титулом Гэлэ-кэхань. Он был дерзким и ловким в действиях: искусно управлял войсками. Ежегодно присылал послов ко двору” [СШТ, изд. 217а, 3а]. Даты трех из уйгурских посольств, прибывавших в Китай в первое десятилетие каганата зарегистрированы в “Цэфу юаньгуй”: 751 г., 752 г., 754 г. Этой информацией почти исчерпываются танские сведения об уйгурах в период с 747 по 756 гг. События происходившие в Уйгурском каганате в этот период, могут быть воспроизведены на основе сведений двух уйгурских надписей в честь Элетмиш-кагана - надписи из Могон Шине Усу (Селенгинского камня) и Терхинской надписи, причем, к сожалению, эффективное использование содержащейся в надписи из Могон Шине Усу информации при освещении внутренней жизни Уйгурского каганата затрудняется их фрагментарностью и отсутствием датировки многих сведений. Поэтому прежде всего рассмотрим проблему датировки событий, описываемых в надписи Могон Шине Усу.

Датировка этих событий производилась до сих пор по сохранившимся в тексте обозначениям годов в соответствии с китайско-тюркским календарем, в основе которого лежит двенадцатилетний животный цикл. Всего таких обозначений до нас дошло семь, с учетом реконструированного С.Г.Кляшторным фрагмента - восемь [Кляшторный 1980, 87]. Первое из них - 743-й год (год Овцы), последнее - 757-й год (год Курицы). Повествование в памятнике, однако, не ограничивается этими двумя годами. Самая первая дата, встречающаяся в инициальной части надписи, дана не на основе животного цикла, а по годам жизни главного героя повествования - будущего Элетмиш Бильге-кагана: “в государстве тюрков на моем 26-м году моей жизни...[каган] дал [мне? моему отцу?] [название шад?]” [Малов

1959, 38-39]. Уточнить нижнюю дату описываемых в тексте событий позволяет, как на это указал Талат Текин, сообщение Терхинской надписи, согласно которому будущему Элетмишу 28 лет исполнилось в год Змеи (741 год) (“ в свои двадцать восемь лет, в год Змеи, тогда я привел в смятение тюркский эль, тогда я его разрушил”) [Кляшторный 1980, 93]. Это означает, что 26 лет Элетмишу было в 739 году. Именно в этот год будущий уйгурский каган, скорее всего отец Элетмиша - Кюль Бильге-каган, получил от тюрков титул шада. Приведенное сообщение Терхинской надписи позволяет установить точный год рождения Элетмиш Бильге-кагана - 714-й (по представлениям древних тюрков и уйгуров, отчет жизни велся не с момента рождения, а со времени зачатия) [Базен 1986, 361-378]. Что касается сведений финальной части надписи Могон Шине Усу, то они относятся ко времени несколько более позднему, чем последняя из указанных здесь дат (757 год), что явствует хотя бы из факта сооружения стелы из Могон Шине Усу после смерти Элетмиша, который, по свидетельству китайских источников, умер летом 759 г. Итак, общая хронология надписи относится к временному отрезку примерно в 20 лет (739-759 гг.). При этом наиболее подробно описываются события, происходившие в правление самого Элетмиша в 747-759 гг.

Помимо названных семи (восьми) обозначений годов в тексте надписи приводится большое количество других дат, которые, однако, сохранились лишь частично. Иногда то или иное событие датировано с точностью до дня, но не указано, в какой год оно имело место. Такое обстоятельство, несомненно, вносит определенную условность в интерпретацию сведений памятника. Между тем существует возможность конкретизации многих сведений.

Первостепенное значение для уточнения календарных данных имеет строгий хронологический порядок размещения сведений в тексте, который, как было замечено Луи Базеном, является одной из главных отличительных особенностей уйгурс-

кой надписи [Базен 1986, 362]. Следование авторов надписи хронологическому принципу изложения можно заметить даже при поверхностном взгляде на порядок расположения в тексте упоминаемых семи (восьми) годов: 743, 745, 747, 750, 751, (752), 755, 757. Такая особенность повествования дает основание считать надпись из Могон Шине Усу своеобразными анналами правления Элетмиш Бильге-кагана.

Частично сохранившиеся даты, содержащие указания либо месяца, либо дня, но чаще и месяца, и дня, но без указания года (например: "потом, 8 месяца 3 числа я двинулся в поход", стк. 40), могут быть уточнены при помощи таблицы, воспроизводящей все упоминаемые в надписи даты в том порядке, в котором они там зафиксированы.

Таблица 1 (по изданию С.Е.Малова)

Строка	Год	Месяц	Число
<i>Северная сторона</i>			
4	26-й год жизни кагана, соответствующий 739-му году		
9	год Овцы (743)	1	6
10	год Курицы (745)	-	-
10	год Свиньи (747)	-	-
<i>Восточная сторона</i>			
13	[749]*	?	1
13	«»	тот же	2
15	«»	4	9
15	«»	5	?

16	«»	5	29
17	«»	прошло 2 месяца	
17	«»	8	1
18	«»	8	2
18	«»	8	15
19	год Тигра (750)	2	14
20	«»	упоминается лето	
20	«»	упоминается осень	
20-21	год Зайца (751)	5	
21	год Дракона (752)	упоминается лето	
23	«»	?	9
<i>Южная сторона</i>			
25	«»	11	18
26	[753]	упоминается лето	
27	«»	?	15
29	«»	5	26
30	«»	8	?
31	«»	?	21
32	«»	?	11
35	«»	11	20
<i>Западная сторона</i>			
40	[754]	8	3
41	«»	10	2
41	год Овцы (755)	9**	-
43	[756]	2	6
45	год Курицы (757)	?	20?
45	«»	?	21
45	«»	?	23
46	[758 ? 759?]	2	16

* В квадратных скобках указаны восстанавливаемые нами года.

** Эта дата есть только в немецком издании надписи Г. Рамстедтом [см.: Ramstedt 1913].

Относительно датировок событий, отраженных на северной стороне стелы, практически не возникает никаких вопросов. Текст здесь заканчивается описанием событий, относящихся к 747 г. Значительные трудности в установлении точности дат возникают при чтении текста на восточной стороне памятника. Информация, заключенная в строках 13-18, ограничена двумя годами - 747-м и 750-м, поэтому ее можно датировать любым из трех годов - 747-м, 748-м и 749-м. Однако анализ этой информации позволяет все же остановить выбор на одном из перечисленных годов: 749-м. Дело в том, что здесь повествуется о восстании огузов во главе с Тай Бильге-тутуком против Ягларских ханов, начавшемся после смерти первого уйгурского правителя в 747 г. Восстание огузов длилось около трех лет и было подавлено ханскими войсками уже к концу 749 г.

В рассматриваемом блоке информации последние три даты (стк. 17, 18) относятся к сражениям, в ходе которых восставшим было нанесено сокрушительное поражение. Из контекста надписи следует, что эти сражения имели место накануне 750 г., т.е. в 749 г.

Следующую часть надписи, нуждающуюся в уточнении датировки, составляют последние строки на восточной стороне памятника (стк. 20-23). Повествование в этой части надписи также заключено между двумя указанными в тексте годами - 752-м (год Дракона, стк. 21) и 755-м (год Овцы, стк. 41). Соответственно описываемые здесь события могут быть отнесены к любому из трех годов - 752-му, 753-му и 754-му. Выявление информации, относящейся к каждому из этих годов, облегчается порядком расположения месяцев: 11-й, 5-й, 8-й, 11-й, 8-й и 10-й. Очевидно, что первый из перечисленных - 11-й месяц (стк. 25), как и предшествующие ему (стк. 21, 23), относится к 752-му году. Три последующие - 5-й, 8-й, 11-й, вместе с промежуточными датами (стк. 26-27, 31-32) - к 753-му году (стк. 30, 35), а последние два месяца - 8-й, 10-й (стк. 40-41) - к 754-му году. Почти вся эта часть надписи посвящена описанию раз-

личных эпизодов завоевательных походов уйгуров против карлуков, басмылов, тюргешей, енисейских кыргызов, чиков. Многие из этих событий получают теперь точную датировку. Так, сражение уйгуров с карлуками на р. Болчу произошло 18 числа 11 месяца 752 г. (стк. 25), с карлуками и тюргешами в Отыюкене - 26 числа 5 месяца 753 г. (стк. 28-29), поход на басмылов в 8 месяце 753 г. (стк. 30-31); поход на карлуков - 3 числа 8 месяца 754 г. (стк. 40), поход на карлуков - 2 числа 10 месяца 754 г. (стк. 41), окончательное подчинение карлуков и басмылов - в конце 754 г. (стк. 41).

Уточнив даты событий внутренней жизни уйгурского государства, описанных в надписи из Шине Усу, обратимся к главному из этих событий - внутренним войнам. Сразу после смерти первого уйгурского правителя Кутлуг Бильге-кюль-кагана (747 г.) в стране разразилось грозное восстание огузских племен, отказавшихся признать власть нового правителя Элетмиш Бильге-кагана. Война Яглакаров с "собственным народом" - огузами продолжалась с перерывами в течение всего периода правления Элетмиш Бильге-кагана. Внутренние войны в каганате еще не становились объектом специального изучения, а ссылки на нее, имеющиеся в научной литературе, носят случайный характер. Вопрос об этих войнах затрагивался лишь Л.Н.Гумилевым, который, однако, не только не ставил перед собой задачу реконструкции основных ее этапов, но и изложил сведения надписи Могон Шине Усу, относящиеся к этой теме, допустив некоторые неточности. К ним, в частности, относится предложенная им трактовка понятия "секиз-огузы" (восемь огузов). Секиз-огузы, восставшие против уйгуров, принимаются Л.Н.Гумилевым за киданей на том лишь основании, что кидане состояли из восьми племен [Гумилев 1967, 374]. Между тем, кидане в древнетюркских и древнеуйгурских надписях именуются своим собственным названием "китан". Секиз-огузы же представляли собой восемь огузских племен, входивших в состав токуз-огузского племенного союза, т.е. это были все огуз-

кие племена, кроме собственно уйгуров. В книге “Древние тюрки” Л.Н.Гумилев впервые попытался определить причины внутренних войн в Уйгурском каганате: он рассматривал эти войны как результат противоборства сторонников различных религий - местных верований и христианства, получившего, по его мнению, распространение среди определенной части уйгурских племен. Однако такое объяснение, не подкрепленное письменными свидетельствами, едва ли может быть принято. Более оправданным представляется мнение С.Г.Кляшторного, объясняющего восстание секиз-огузов тем, что уйгурские князья из рода Яглакар не имели никакого превосходства и приоритета знатности в сравнении с разгромленным ими в VII в. главным огузским племенем - сирами (сеяньто), в связи с чем “принятый ими каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был по меньшей мере сомнительным” [Кляшторный 1986, 161].

Подробный сопоставительный анализ сведений уйгурских надписей с малоизвестными китайскими свидетельствами впервые позволяет достаточно полно описать внутренние войны в Уйгурском каганате, выявить основные их этапы, а также определить их характер, причины и некоторые следствия.

Начальным этапом внутренних войн в Уйгурском каганате стала война ханской армии с секиз-огузами, которые объявили верховным правителем своего ставленника Тай Бильгетутука. “Простой народ был предан [моей власти], но некоторые держали сторону Тай Бильгетутука и провозгласили его каганом, я собрал войска и выступил в поход против них”, - сообщает Элетмиш-каган [Малов 1959, 39]. Ход военных акций ханской армии, направленных против секиз-огузов и поддержавших их токуз-татар*, восстанавливается по надписи из Шине Усу следующим образом:

№	Ход войны с секиз-огузами и токуз-татарами в 749 г.	Дата
1	Элетмиш Бильге-каган настиг секиз-огузов и токуз-татар в местности Бюкюгяк. Сражение с ними продолжалось в течение двух дней и закончилось полной победой кагана (стк. 13).	1-2 число ? месяца
2	Побежденные в предыдущем бою секиз-огузы и токуз-татары вновь отложились. Элетмиш Бильге-каган настиг их в местности Бургу и разбил (стк. 13).	9 число 4 месяца
3	Секиз-огузы и токуз-татары подчинились Элетмиш Бильге-кагану (стк. 15).	5 месяц
4	Секиз-огузы и токуз-татары вновь восстали. Элетмиш Бильге-каган сразился с ними, разбил и преследовал их (стк. 16).	29 число 5 месяца
5	Элетмиш Бильге-каган сразился с ними у озера Ачыг Алтыр, разбил и преследовал (стк. 18).	2 число 8 месяца
6	Элетмиш Бильге-каган сразился с татарами у ключа Кэйрэ и трех речек Биркю. Часть татаров подчинилась ему, часть бежала (стк. 18).	15 число 8 месяца

* Татары до недавнего времени считались монголо-язычными племенами, однако сейчас исследователи обосновывают гипотезу их тюркского происхождения.

Последние два сражения, указанные выше, принесли окончательную победу уйгурам, о чем можно судить из заключения Элетмиша: “От врагов я был свободен и освобожден” [Малов 1959, 40]. Следующей за этим сообщением датой является 750 год (“После этого в год Тигра”). Поскольку в надписи строго выдержана хронологическая последовательность изложения, то разгром секиз-огузов можно датировать предшествующим 749 годом.

Возможность такой датировки разгрома секиз-огузов в главе с Гай бильге-тутуком подтверждается сообщением “Цэфу юаньгуй”, на которую впервые обратил внимание К.Цегледи

[Czegledy 1973, 265-266]. В двух главах энциклопедии имеются записи о прибытии в Чанъань в 10 месяце 749 г. главы токуз-огузского племени байарку Тай Бильге-тутука. Более полная версия сообщения гласит: “В день дин-мао десятого месяца [восьмого года эры правления Тяньбао, 749] Да Пицзя дуду момэй и другие - всего 10 человек, из [племени] баегу девяти фамилий явились ко двору, получили особый прием и были награждены парчовыми халатами, инкрустированными золотом поясами, мешочками в виде рыбы - по семь штук, и отпущены обратно” [ЦФЮГ, из. 975, 11458]. “Да Пицзя дуду” представляет собой китайскую транскрипцию тюркского имени Тай Бильге-тутук (слово “момэй” пока не поддается реконструкции. Возможно, оно относится к имени тутука, но, может быть, и к какому-то другому лицу.)

Идентичность прибывшего в Китай Тай бильге-тутука и предводителя восстания секиз-огузов не вызывает сомнений. Из цитированного китайского текста явствует, что, во-первых, основным огузским племенем, на которое опирался Тай Бильге-тутук в борьбе с Яглакарами, было племя байарку (он сам мог принадлежать к этому племени), во-вторых, после поражения восстания Тай Бильге-тутук бежал в Китай скорее всего для того, чтобы просить военную помощь у Танской династии, но она не была ему оказана.

Установив дату разгрома секиз-огузов, т.е. двух последних сражений, указанных в таблице (№ 2), попробуем определить дату других сражений. Данные о месяцах (последовательно 4-й, 5-й и 8-й) позволяют считать, что и остальные сражения произошли в тот же 749 год. Регистрация в надписи сражений, происходивших лишь в течение одного года, вполне объяснима: из трех лет войны с Тай Бильге-тутуком (747-749 гг.) успешным для Элетмиша был последний год, события которого и получили подробное освещение в надписи, в то время как предшествовавшие годы, являвшиеся благоприятными для повстанцев, не нашли в ней никакого отражения.

Как показали исследования К.Цегледи, к восстанию секиз-огузов имеют отношение сведения о племенах ягма и карлуках, содержащиеся в персо-язычном сочинении “Зайн аль-ахбар” Гардизи (XI в.). По сообщению Гардизи, ягма являлись выходцами из токуз-огузов (уйгуров). Они бежали от токуз-огузов и нашли убежище у карлуков, находившихся в это время в подчинении у западно-тюркского кагана. Однако карлуки “никак не могли поладить с ними”, и тогда “тюркский хакан велел им поселиться между владениями халлухов и кимаков”. Но и там у ягма начались стычки с кимакским правителем Шад-тутуком, после чего “они прибегли к милосердию тюркского хакана, ушли от халлухов и кимаков и поселились у хакана”, который пожаловал их предводителю титул Ягма-тутук, уравнивающий его в статусе с кимакским Шад-тутуком [Бартольд 1973, 23-62]. К.Цегледи считает, что ягма бежали от токуз-огузов (уйгуров) как раз в период внутренних войн в Уйгурском каганате. Бегство ягма к карлукам, по его мнению, нашло отражение в надписи из Шине Усу, сообщающей, что в результате разгрома секиз-огузов и токуз-татаров (749 г.) “половина народа присоединилась” к уйгурам, а “другая половина их добралась до” какого-то народа, от названия которого в тексте надписи сохранились лишь последние знаки - к^а. Г.Рамстедт в немецком издании надписи высказал предположение, что этим народом были кидане [Ramstedt 1913, 52]. Следуя за ним, С.Е.Малов также восстанавливал разрушенное слово как “кытанка” (до киданей?) [Малов 1959, 40]. По мнению К.Цегледи, с учетом информации Гардизи о ягма, было бы более обоснованным реконструировать разрушенный этноним “карлука” (до карлуков) [Czegledy 1973, 265; о кимаках см.: Кумеков 1972].

Из-за отсутствия в источниках сведений о причинах огузского восстания при интерпретации надписи из Могон Шине Усу исследователи исходили из того факта, что накануне 747 г. Тай Бильге-тутук получил от уйгурского кагана титул “ябгу”. Поскольку этот титул в тюркских каганатах часто носили на-

следники престола, то делался, казалось бы, вполне естественный вывод о том, что Тай Бильге-тутук являлся старшим сыном первого уйгурского правителя - Кутлуг Бильге-кюль-кагана, и его наследником. Отсюда возникала возможность характеризовать войну Элетмиш Бильге-кагана и Тай Бильге-тутука как борьбу между двумя претендентами на трон - старшим и младшим сыновьями кагана. Такой точки зрения придерживались Г.Рамстедт, Г.Е.Грумм-Гржимайло, из современных ученых - К.Цегледи [Ramstedt 1913, 11-36; Czegledy 1973, 265]. Однако титул ябгу сам по себе не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать его носителя сыном кагана: в источниках встречается немало примеров, когда этот титул получали лица, не состоявшие в кровном родстве с каганом и даже не принадлежавшие к царскому роду, но имевшие особые заслуги перед троном. Так, уйгурский Бёгю-каган (759-779) пожаловал этот титул брату своей жены - сыну известного танского генерала Пугу Хуайэня, происходившему из токуз-огузского племени бугу.

Сопоставление сообщений надписи из Могон Шине Усу и китайской энциклопедии "Цэфу юаньгуй" свидетельствует о том, что Тай Бильге-тутук являлся главой (тутуком) племени байарку, которое и возглавило восемь огузских племен, выступивших против Яглакаров. Такой вывод находит косвенное подтверждение и в известном тибетском манускрипте из Дуньхуана (Тибетский фонд П.Пельо, № 1283), представляющем собой перевод с уйгурского языка на тибетский рапортов пяти эмиссаров уйгурского кагана. Хотя известия тибетского источника не всегда поддаются датировке, тем не менее, как установлено К.Цегледи, основная часть сообщений источника может быть датирована временем правления в каганате Элетмиш Бильге-кагана (747-759). По мнению ученого, уйгурские разведчики были направлены каганом к соседним народам и племенам для сбора информации, необходимой для ведения успешных военных операций в период распространения уйгурского господ-

ства в Центральной Азии. Важным является то, что среди различных племен, являвшихся потенциальными противниками уйгуров и потому вызывавших интерес у уйгурских посланников, упоминается единственное токуз-огузское племя - племя байарку. При этом обращает на себя внимание локализация байарку: "на земле басмылов" [Васот 1967, 147], т.е. в районе Бешбалыка в Восточном Туркестане, что соответствует упоминанию байарку в Терхинской надписи в связи с походом уйгуров в Восточное Притяньшанье, в район Карашара. Соседство байарку с басмылами, являвшимися одними из главных соперников уйгуров в борьбе за власть в степи в 742-744 гг., а в 754-755 гг. воевавшими против них в составе антиуйгурской коалиции, также отражает особую роль этого токуз-огузского (уйгурского) племени в междоусобных войнах в Уйгурском каганате.

Тем самым можно предположить новое объяснение событий, связанных с внутренними войнами в Уйгурском каганате. Противостояние байарку династии Яглакар, получившее отражение в параллельных разноязычных источниках, представляется вполне естественным, если учесть исторические события периода, предшествовавшего созданию Уйгурского каганата. Дело в том, что после в зрождения Второго Восточно-тюркского каганата (689-690) токуз-огузские племена в течение довольно длительного времени были раздроблены и обособлены друг от друга. Будучи расколотыми на несколько групп, они оказались в различных политических условиях. Часть их во главе с уйгурами под давлением тюрков ушла в Ганьсу, находившуюся тогда в составе Танской империи. Здесь в подчинении Танов эти племена пребывали до 727 г., когда, вступив в конфликт с местной танской администрацией, были вынуждены оставить временное убежище и вернуться в степь, под власть тюрков. Оставшиеся в Ганьсу токуз-огузы в IX в. составили ядро Ганьжоуского Уйгурского каганата. Другая группа токуз-огузов, оставаясь на своих кочевьях в Монголии, продолжала борьбу с тюрками. Из нее впоследствии выделилась еще одна груп-

па, также вынужденная бежать под власть Танской династии, но уже в Северный Китай (Ордос). Лишь незадолго до крушения Второго Восточно-тюркского каганата на его территории собралась основная часть токуз-огузских племен.

Таким образом, в период существования Второго Восточно-тюркского каганата токуз-огузы находились в условиях, не только не способствовавших их консолидации, но, напротив, ослабивших связи между ними. После ухода из Монголии в Ганьсу основной части уйгуров во главе с Яглакарами, ранее занимавшими ведущее положение среди токуз-огузов, роль лидера, по всей вероятности, перешла к байарку. Это отражено как в древнетюркских памятниках, так и в китайских источниках. Достаточно вспомнить, что убийство тюркского Капаганкагана китайскими историографами приписывается племени байарку. Можно предположить, что длительное пребывание байарку во главе огузов во время войн с тюрками изменило их место в иерархии племен. После возвращения собственно уйгуров в степь между ними и байарку не возникало серьезных трений до тех пор, пока они были объединены одной целью низвергнуть тюркское господство. Однако, как только уйгуры восстановили свою государственность, байарку поставили под сомнение право Яглакаров на верховную власть. Так разразилось восстание огузов, которое возглавили байарку.

В результате разгрома восстания в 749 г. часть байарку подчинилась Элетмиш Бильге-кагану, другая часть бежала, как и племена ягма, к карлукам, обитавшим в Восточном Туркестане (пребывание байарку в Восточном Туркестане в IX в. также фиксируется некоторыми древнеуйгурскими и сакскими документами). Не случайно в Терхинской надписи байарку и ягма упоминаются вместе с уч-карлуками.

В 754-755 гг. байарку присоединились к борьбе антиуйгурской коалиции, но опять потерпели поражение. Это было второе, окончательное подчинение, после которого они уже не выступали против Яглакаров. Именно это повторное под-

чинение байарку уйгурам и нашло отражение в тексте Терхинской надписи (стк.15).

Подавление восстания огузов стало решающим условием победы уйгуров в войне с антиуйгурской коалицией племен, в которую вошли бывшие союзники уйгуров по борьбе с тюрками басмылы и карлуки, а также тюргеши и южно-сибирские племена чиков и кыргызов. Однако этой войне предшествовал поход уйгурского кагана на север, направленный на расширение границ уйгурского государства, в ходе которого были подчинены чики, обитавшие на территории современной Тувы. Поход против чиков точно датирован в Терхинской надписи, сообщающей от имени Элетмиша: “Затем, в год тигра (750 г.), я пошел на чиков. Во втором месяце, в 14 день, возле [реки] Кем я их разбил. В том же году я приказал учредить ставку Касар Кордан в верховьях [реки] [Те]з, [на западном склоне Отюкена]. Я приказал воздвигнуть там стены и провел там лето. Там я установил границы [моих владений]” [Кляшторный 1980, 87]. Осенью 750 г. Элетмиш Бильге-кагану пришлось покинуть ставку на Тезе и отправиться на восток, чтобы “призвать к ответу татар”. Подчинение чиков уйгурам на этом этапе оказалось неокончательным: уже в 752 г. они возобновили борьбу с уйгурами. На этот раз им была оказана поддержка енисейскими кыргызами. Выступление чиков и кыргызов подхватили другие противники уйгуров - карлуки, басмылы и тюргеши, и уйгурам пришлось вести боевые действия одновременно в разных частях страны. Тем не менее, благодаря высокой боеспособности уйгурской армии, а также личным полководческим качествам Элетмиш Бильге-кагана уйгуры сумели разбить всех своих противников, не дав им возможности объединиться. Раньше всех были разбиты чики, земли которых в 753 г. вошли в состав уйгурского государства.

Очень подробно описана в надписи Шине Усу война уйгуров с карлуками и басмылами [см. стк. 25-31, 35-41]. Эта война с перерывами продолжалась в течение почти десяти лет: с бас-

мылами – с 744 г. до 754 г., а с карлуками – с 746 г. до 754 г. Исход войны зафиксировали китайские историографы, по свидетельству которых, уйгуры, разбив басмылов и карлуков, присоединили к себе по одному их племени и “в сражениях постоянно выставляли в авангард [эти] два чужеродных племени” [ЦТШ, цз.195, 26]. “Тан хуэйяо” сообщает по этому поводу: “После этого для карлуков, которые находились в окрестностях горы Отюкен, был отдельно учрежден один тутук. [Эти карлуки] подчинились уйгурам девяти фамилий. Карлуки, которые жили в Цзиньшане (на Алтае – *А.К.*), а также в район Бэйтина (Бешбалыка – *А.К.*), отдельно поставили [своим правителем] Ябгу” [ТХЯ, цз.100, 1788]. Следует заметить, что карлуки, обитавшие в районе Бешбалыка, также попали в зависимость от уйгуров, но несколько позже, в 755-756 гг. Еще одни внешние противники уйгуров – енисейские кыргызы – потерпели поражение от уйгуров и попали в зависимость от них в 758 г. [ЦТШ, цз.195, 46; цз.217А, 4а].

Во время войны уйгуров с племенами антиуйгурской коалиции возобновились отдельные выступления огузов, которые, в отличие от мятежа Тай Бильге-тутука, происходили под воздействием внешнего фактора и имели локальный характер. Одним из таких выступлений стал мятеж огузов под предводительством Абуз-ябгу в 752-753 гг. Абуз-ябгу, происходивший из токуз-огузского племени “абуз” (кит. абусы), был одним из самых влиятельных лиц среди тюркской аристократии, нашедшей убежище в Китае во время крушения Второго Восточно-тюркского каганата в 742 г. После подчинения Танской империи он возглавил военное подразделение, сформированное из тюркских и огузских племен и дислоцированное в провинции Шофан. Его подразделение в составе войск военного губернатора провинции Лунью Гэ Шуханя в 749 г. принимало участие в войне с тибетцами в Ганьсу, в частности, участвовало во взятии тибетской крепости Шибаочэн. За заслуги император пожаловал Абуз-ябгу фамилию танского дома “Ли” и имя “Ся-

очжун”, а также наградил титулом “князь Фэнсиня”. За время службы в Китае Абуз-ябгу (Ли Сяочжун) достиг довольно высокого положения в армии.

В дальнейшей судьбе Абуз-ябгу немалую роль сыграли его взаимоотношения с военным губернатором Фаньяна Ань Лушанем. Между Абуз-ябгу и Ань Лушанем установились враждебные отношения, которые, видимо, были результатом давнишней вражды между Ань Лушанем и Гэ Шуханем, под командованием которого служил Абуз-ябгу [ЦТШ, цз.216, 6916]. Сыма Гуан отмечает, что Абуз-ябгу “не хотел подчиняться Ань Лушаню и [Ань] Лушань ненавидел его” [ЦЧТЦ, цз.216, 6916]. Когда в третьем месяце 752 года Ань Лушань обратился к императору с просьбой направить в его распоряжение подразделение Абуз-ябгу для использования его в готовящемся походе против киданей, для Абуз-ябгу было очевидным намерение Ань Лушаня расправиться с ним. Абуз-ябгу просил императора не направлять его в Фаньян. Когда в его просьбе было отказано, он со своими подчиненными, среди которых источники особо выделяют огузское (уйгурское) племя тонгра, бежал в степь, предварительно ограбив местные зернохранилища.

На территории Уйгурского каганата Абуз-ябгу находился в общей сложности более года. Здесь ему была оказана поддержка некоторой частью токуз-огузов, вместе с которыми он вступил в противоборство с Элетмиш Бильге-каганом. Достаточно длительное пребывание Абуза в уйгурском каганате оказалось возможным благодаря тому, что основная часть уйгурских войск в это время была занята войной в Джунгарии и Южной Сибири. Впрочем, уйгурские войска все же предпринимали успешные акции против Абуз-ябгу. С одной из них, очевидно, связано вторжение войск Абуза в пределы Танского государства в 9-м месяце 752 г., т.е. через полгода после бегства Абуза из Китая. Источники указывают, что войска Абуза окружили укрепление Юнцзин (Юнци), расположенное в 200 ли к западу от крепости Средний Шоусян (на севере большой излучины реки Хуанхэ),

но были отбиты танским пограничным гарнизоном и вынуждены вернуться в степь.

Разгром уйгурами войск Абуз-ябгу точно зафиксировали китайские источники: это произошло в 5-м месяце 753 г. Под этой датой “Цзычжи тунцзянь” помещает такое сообщение: “Абусы был разбит уйгурами. Ань Лушань, заманив его племена, подчинил их себе. С этого времени никто в Поднебесной не мог сравниться с отборными войсками Лушаня” [ЦЧТЦ, цз. 216, 6918]. Потерпев поражение от уйгуров и не имея возможности возвратиться в Китай, где он был объявлен мятежником, Абуз-ябгу был вынужден бежать на запад к алтайским карлукам, которые сначала приняли его, но затем выдали его преследовавшим танским войскам: “[В 9-м месяце 753 года] бэйтинский духу Чэн Цяньли преследовал Абусы до западной [части] пустыни. В письме к карлукам [он] уговаривал их выйти ему навстречу. Абусы, ослабев, подчинился карлукам. Карлукский ябгу схватил его. Его жену и детей, подчиненных - несколько тысяч человек, передал ему (т.е. Чэн Цяньли). В день цзя-инь [император] добавил карлукскому Ябгу Тон-бильге [звание] кай-фу-и-тун сань-сы и наградил его титулом “ван Цзиньшаня” (князь Алтая)” [ЦЧТЦ, цз. 216, 6916]. В третьем месяце 754 г. Абуз-ябгу был казнен в Чаньане [Liu Maotsai 1958, 261-262].

В связи с выдачей карлуками Абуз-ябгу Танам возникает вопрос: почему карлуки, которые несколько раньше, в 749 г., приняли к себе часть огузских племен, бежавших под ударами Яглакаров, в аналогичной ситуации отвергли огузов, возглавляемых Абузом? Л.Н.Гумилев объясняет последнее желанием карлуков сохранить союз с Танской империей, несмотря на то, что накануне этих событий они сражались против китайцев в Таласской битве на стороне арабов (751 г.) [Гумилев 1967, 317]. Действительно, в отличие от своих сородичей, бежавших к карлукам в 749 г., Абуз-ябгу являлся врагом не только уйгурского кагана, но и Танской династии, что не могло не повлиять на отношения к нему карлуков. Вместе с тем, видимо, следует

учесть, что для карлуков Абуз-ябгу был сторонником тюрок, их политических противников в 740-х гг.

События, связанные с войной уйгурского Элетмиш Бильге-кагана с Абуз-ябгу, нашли отражение не только в китайских источниках, но и в надписи из Могон Шине Усу и сочинении Гардизи. В надписи из Шине Усу не сохранилось прямых указаний об этой войне, однако, в ней имеется сообщение о сражении уйгуров с табгачскими (т.е. с китайскими) подданными огузами и тюрками и присоединившимися к ним местными племенами, которое есть все основания рассматривать как сражение уйгуров с войсками Абуз-ябгу. Приведем это сообщение целиком: “Одиннадцатого числа... я победил. “Мой собственный народ”, - сказал я и погнался за ними. У Ирлюна в Талакыме я их догнал. Первые [исконные?] табгачские [подданные] огузы и тюрки [в то время] откочевали (восстали), тогда с ними соединились, и тогда их беги мои... войска три... Их знаменосцы и пятьсот пехотинцев в полном вооружении раза два перепугались [и пришли?]. Моим рабским народом Небо-Земля (бог) соизволил командовать. Тогда я победил. Тогда народ покорился мне... они убежали и добрались до карлуков” [Малов 1959, 42. Стк. 32-34].

Что касается Гардизи, по мнению К.Цегледи, его не совсем ясные указания о том, что карлуки “начали дурно поступать” со вновь прибывшими к ним кочевниками из Китая, имеют в виду пленение карлуками Абуз-ябгу и выдачу его танским властям [Czegledy 1972, 265-266].

Очередная вспышка внутренней войны, в которой опять участвовали восемь огузских племен (секиз-огузы) фиксируется надписью из Шине Усу в последние годы жизни Элетмиш Бильге-кагана. В финальной части памятника сохранились отрывочные сведения о военных действиях Элетмиша против секиз-огузов и токуз-татар. Фрагментарность этих сведений не позволяет восстановить условия, при которых восстали на этот раз огузские племена, тем не менее можно высказать некото-

рые соображения на этот счет, основанные на анализе письменных свидетельств.

Прежде всего обращает на себя внимание упоминание сикиз-огузов и токуз-татар вместе с “трехзнаменным тюркским народом” [Малов 1959, 43. стк. 46-47]. Поскольку в этот период - с 757 (последняя сохранившаяся в тексте дата) до середины 759 гг. (дата смерти Элетмиша, эпитафией которого является памятник), на территории Уйгурского каганата не было сколько-нибудь большой группы восточных тюрков, а подавляющее их большинство находилось в это время в Китае, то необходимо обратиться к сведениям о тюрках, бежавших в свое время в Танское государство. В китайских источниках имеются два сообщения о тюрках и огузах, которые могут быть привлечены к рассматриваемому вопросу. Первое из них касается токуз-огузского племени тонгра, вернее той части тонгра, которая находилась на танской службе. “Цзычжи тунцзянь” под 757 г. фиксирует возвращение в Уйгурский каганат остатков тонгра, входивших в состав мятежных войск сына Ань Лушаня Ань Цинсюя [ЦЧТЦ, цз. 220, 7047]. Существует еще одно сообщение, допускающее появление в Уйгурском каганате в этот год не только тонгра, но и тюрков. Согласно “Биографии Ань Цинсюя”, в результате изгнания мятежников из Лояна тюрков “Ашина Чэнцин бежал со своим тридцатитысячным войском в [округа] Хэн [чжоу], Чжао [чжоу] и далее в Фаньян” [СШТ, цз. 225а, 6б; Levy 1960, 45]. Тюрки, находившиеся в подчинении Ашина Чэнцина, вполне могли из пограничного округа Фаньян двинуться дальше в степь.

Тем самым можно с большой долей вероятности предположить, что выступление огузов и татар, произошедшее в 757-759 гг., также было вызвано резмиграцией из Китая в Уйгурский каганат тюркских и огузских племен.

Таким образом, изучение сведений письменных источников о внутренних войнах в Уйгурском каганате позволяет сделать следующие выводы. Внутренние войны в Уйгурском кага-

нате, начавшиеся после распада союза уйгуров с карлуками и бегства последних на запад к тюргешам (746 г.), велись между двумя группами огузских племен - уйгурами во главе с родом Яглакар, и остальными восемью огузскими племенами (секиз-огузами) за право на власть, тем самым суть внутренних войн борьба за главенство среди токуз-огузских племен. Возможно выделить три основных этапа внутренних войн в каганате: 1) восстание секиз-огузов во главе с Тай бильге-тутуком (747-749); 2) восстание огузов во главе с Абуз-ябгу (752-753); 3) восстание огузов, имевшее место примерно в 757-759 гг. Эти восстания отличаются друг от друга как по характеру и вызвавшим их причинам, так и по масштабам. Наиболее грозным из них было восстание Тай бильге-тутука, длившееся почти три года и представлявшее собой войну претендентов на каганский престол - уйгурского Элетмиш Бильге-кагана и представителя восьми огузских племен (секиз-огузов) Тай Бильге-тутука, вождя племени *байарку*. Подавление восстания стало решающим условием победы уйгуров в последовавшей за ним войне с племенами, объединившимися в антиуйгурскую коалицию - басмылами, карлуками, тюргешами, чиками и енисейскими кыргызами (752-754).

Два других восстания затронули лишь определенную часть огузских племен и - что самое главное - были вызваны воздействием внешнего фактора, а именно: появления на территории каганата отдельных групп тюрков и огузов, бежавших в Китай во время крушения Второго Восточно-тюркского каганата.

Одним из основных результатов внутренних войн в Уйгурском каганате явилось окончательное утверждение господствующего положения уйгуров в токуз-огузском племенном союзе, на который распространилось в последующем наименование "уйгуры".

4. Уйгуры и Китай в период восстания Ань Лушаня-Ши Чао (755-762)

Подъем Уйгурского каганата совпал с сильнейшим политическим кризисом в Танском Китае. В 755 г. военный губернатор пограничного округа Фаньян Ань Лушань, выходец из знатного тюркско-согдийского рода, поднял восстание против Танской династии, которое ввергло страну в длительную кровопролитную войну и поставило династию на грань гибели. Немаловажную роль в подавлении восстания и реставрации танской власти на территории Китая сыграли уйгуры, оказавшие военную помощь Танам в борьбе с мятежниками.

За период восстания Ань Лушаня и его преемников (755-762) уйгурские вспомогательные войска совершили четыре похода в Китай - в 756, 757, 758 и 762 гг., последний из которых способствовал окончательному разгрому повстанцев. Участвуя во внутренних войнах в Китае, уйгуры прежде всего преследовали материальную выгоду: все походы уйгуров, за исключением первого из них, щедро оплачивались Танской династией, не говоря уже о том, что эти походы приносили им крупную военную добычу. Стремление уйгуров к наживе неоднократно подчеркивается в китайских источниках. Так, Сыма Гуан отмечает, что накануне сражения за Чанъань в 757 г. император Суцзун, "желая скорее вернуть столицу, заключил с уйгурами соглашение, гласившее: "в тот день, когда будет взят город, земля и народ вернутся к Танам, а сокровища, юноши и девушки достанутся уйгурам» [ЦЧТЦ, цз. 220, 7034]. Это соглашение было реализовано после возвращения восточной столицы Лояна, которую уйгуры грабили в течение трех дней. Лоян и другие китайские города и деревни подвергались грабежу уйгуров и во время последующих их походов в Срединное государство. Вместе с тем уйгурские походы в Китай преследовали и военно-политические цели, которые, хотя и не указываются прямо в источниках, но могут быть установлены путем анализа истори-

ческих фактов. Попытки определить военно-политические мотивы уйгурской помощи Танам предпринимались лишь Л.Н.Гумилевым и Л.Мозесом. Л.Н.Гумилев считал, что целью уйгурских походов в Китай было уничтожение танской императорской армии, которое “сулило Уйгурскому ханству полную независимость” [Гумилев 1967, 395]. В частности, он писал: “В сентябре 756 г. уйгуры и тибетцы предложили свою помощь для подавления восстания. В данном случае политический вопрос совпал с личным. Уничтожение повстанцев означало уничтожение императорской армии, а война внутри Китая сулила богатую добычу” [Гумилев 1967, 394]. Иными словами, по Гумилеву, уйгуры, помогая Танам бороться с повстанцами, ускоряли уничтожение танской армии и тем самым способствовали ослаблению танского государства, а это, в свою очередь, укрепляло независимость Уйгурского каганата. Если даже допустить, что уйгуры добивались ослабления Китая, то вряд ли для этого им необходимо было участвовать во внутренних войнах в Китае, которые и без того разоряли страну. Более того, самостоятельность уйгурского государства в это время не зависела от слабости или могущества Китая. Таким образом, несостоятельность трактовки Л.Н.Гумилева военно-политических целей уйгурских походов в Китай очевидна.

Еще одна интересная мысль о мотивах уйгурской помощи Танам была высказана недавно Л.Мозесом. По его мнению, уйгуров привлекло в Китай не чувство долга перед своим сюзереном - танским императором, как об этом пишут китайские историографы, а их враждебное отношение к предводителю повстанцев Ань Лушаню, который, как известно, по материнской линии происходил из тюркского рода Ашидэ [Moses 1976, 79]. Однако происхождение Ань Лушаня не может служить основанием для вывода о враждебном отношении к нему уйгуров, так как последний был больше согдийцем, чем тюрком, а кроме того, таких высокопоставленных иноземцев, как Ань Лушань, имевших смешанное происхождение, было немало и

в правительственных войсках, совместно с которыми уйгуры воевали против повстанцев (например, к ним относился упоминавшийся танский генерал Гэ Шухань). Хотя мнение Л.Мозеса и не лишено рационального зерна, в целом оно также не может считаться обоснованным. Тем самым, признавая существование военно-политических мотивов уйгурских походов в Китай, названные ученые не сумели раскрыть их. Эти мотивы, на наш взгляд, могут быть выявлены при изучении сведений, касающихся первого уйгурского похода в Китай, состоявшегося в 756 г. Этот поход, являвшийся первой совместной уйгуро-танской военной акцией против повстанцев, остается практически неизученным эпизодом внутренних войн в Китае, что в значительной мере объясняется скудостью сведений о нем в китайских источниках. Прежде чем дать оценку походу уйгуров в Ордос, обратимся к обстановке в Китае, сложившейся накануне этого события.

Первые месяцы восстания Ань Лушаня, начавшегося 16 декабря 755 г., были чрезвычайно успешными для повстанцев. Примерно через месяц после выступления из Фаньяна они без особых усилий захватили восточную столицу Танской империи - Лоян, в которой Ань Лушань провозгласил себя императором новой династии Янь [Pulleyblank 1955, 40-41]. Заняв Лоян, Ань Лушань не сразу двинул войска на западную столицу, что дало возможность правительственным силам организовать оборону Чанъани: ими был создан серьезный заслон в заставе Туньгуань, через которую путь пролегал в столицу. Вместе с тем правительственными войсками было начато успешное контрнаступление в провинции Хэбэй. Здесь танские генералы Го Цзыи и Ли Гуанби совершили рейд в тыл повстанцев и с боями дошли до города Болин (совр. Баодин). Однако успешное наступление танской армии в Хэбэе было свернуто в середине 756 г., когда повстанцам удалось захватить Чанъань. Потеря западной столицы резко изменила складывавшееся в пользу Танской династии соотношение сил. Император Сюаньцзун вынуж-

ден был бежать из столицы в Сычуань, а организация борьбы с мятежниками была возложена на наследного принца Ли Хэна. В 7-м месяце 756 г. Ли Хэн прибыл с войсками в Линьфу (в Шофане), где был провозглашен императором Суцзуном. Шофан стал плацдармом для правительственных войск. Сюда, оставив позиции в Хэбэе возвратились армии Го Цзыи и Ли Гуанби, а Хэбэй вновь полностью перешел под контроль повстанцев. Китай, таким образом, оказался в это время расколотым на две части. Правительственные войска удерживали позиции на севере страны – провинцию Шофан с центром в Линьфу, и на юге – район реки Янцзы. Наибольшее значение для борьбы с повстанцами имел север, так как там сконцентрировались самые боеспособные танские силы.

В тот же 7-й месяц 756 г. из Чаьани в Шофан бежал со своим подразделением один из военачальников Ань Лушаня тюрк Ашина Цунли. Об этом событии Сыма Гуан рассказывает: “Тонгра и тюрки, участвовавшие в мятеже Ань Лушаня, расположились в парке Чаньани. В день цзясяюй (они) бежали на север в Шофан” [ЦТЦ, цз. 218, 6968]. Ашина Цунли был одним из тюркских предводителей, служивших в войсках Ань Лушаня. Хотя он и принадлежал к тюркской династии Ашина, его имя не упоминается среди представителей тюркской аристократии, бежавших в Китай в период распада Тюркского каганата. Очевидно, в то время Ашина Цунли не имел достаточно-го влияния среди тюрков.

Ашина Цунли, как и многие другие иноземные военачальники повстанцев, принимал участие в захвате Чаньани. Причины, побудившие его изменить повстанцам в самое благоприятное для них время, когда они контролировали обе танские столицы и почти весь северо-восток Китая, до сих пор оставались неясными [Pulleyblank 1976, 44]. Поскольку Ашина Цунли изменил Ань Лушаню, то следовало ожидать, что он перейдет на сторону танских правительственных сил - переход военачальников из одного лагеря в другой был достаточно распро-

страненным явлением во время восстания. Именно так, по-видимому, и был воспринят поступок Ашина Цунли танским императором, который, узнав о его прибытии в Шофан, поспешил привлечь его на свою сторону. Но к нему перешла лишь незначительная часть подчиненных Ашина Цунли, а сам он не только не думал поступать на службу Танской династии, но начал совершать набеги на позиции правительственных войск.

Тем временем численность войск Ашина Цунли значительно возросла за счет включения в них местного некитайского, преимущественно согдийского, населения Шофана. По некоторым немного преувеличенным данным, Ашина Цунли собрал несколько десятков тысяч человек на севере воеводства Цзинлюэ, располагавшегося примерно в 600 ли (около 300 км) от императорской ставки в Линьбу [ЦЧТЦ, цз. 218, 6997]. Враждебность, проявленная Ашина Цунли в отношении правительственных сил, дала основание некоторым историографам считать, что измена его Ань Лушаню была “ложной”, а побег в Шофан был предпринят намеренно в интересах повстанцев с тем, чтобы, угрожая танским войскам с тыла, отвлечь их внимание от наступления на столицу. Маловероятность такого мнения была обоснована еще средневековым китайским историографом Ху Саньсином [ЦЧТЦ, цз. 128, 6986].

Существование на территории Шофана враждебных Танам войск Ашина Цунли действительно угрожало правительственным силам и вызывало серьезную заботу Су-цзуна, который решил ликвидировать их и с этой целью послал против них армию генерала Пугу Хуайэня, размещавшуюся ранее в воеводстве Тэнь-дэ в западной части большой излучины Хуанхэ. Источники сообщают о том, что Пугу Хуайэнь вступил в сражение с огузами тонгра, входившими в состав войск Ашина Цунли. Хотя это сражение закончилось поражением тонгра, войска Ашина Цунли сохранили боеспособность, и китайское командование поняло, что не может с находившимися в его распоряжении силами ликвидировать угрозу, которую представ-

ляли войска Ашина Цунли. Поэтому вскоре император направил посольство к уйгурскому кагану с просьбой оказать ему военную помощь. В состав посольства входили танский принц Ли Чэншэнь, генералы Пугу Хуайэнь и Ши Динфань. Прибытие посольства в ставку кагана “Цзычжи тунцзянь” датирует 10-м месяцем 756 г. [ЦЧТЦ, цз. 219, 7005]. Из Ордубалыка танское посольство возвратилось в сопровождении уйгурского посланника Гэлочжи, который был принят Суцзуном в своей новой ставке в Пэньюани, находившейся юго-восточнее Линьгу, ближе к западной столице. Очевидно, уйгурский посланник обсуждал с императором план конкретных совместных военных действий против Ашина Цунли.

Краткие сведения об уйгурских войсках, появившихся в Ордосе в 11-м месяце, и в последующих боевых действиях объединенных уйгуро-танских сил в этом районе содержатся в “Повествовании об уйгурах” “Синь Таншу”, биографиях Го Цзыи и Ши Сымина в обеих танских династийных историях, а также в “Цзычжи тунцзянь”. Эти сведения приводятся нами ниже:

“Тогда каган сам повел [войска], объединился с *цзедуши* Шофана пошел на тонгра и всех иноземцев, разбил их на реке [Хуанхэ]. При встрече с [Го] Цзыи в долине Хуяньгу каган, опираясь на свою силу, вывел [Го] Цзыи перед строем войск и заставил его поклониться волчьему знамени [уйгуров], и [только] после этого встретился с ним” [СТШ, цз. 217а, 3а].

“Инь Цзыци с пятитысячной конницей перешел Хуанхэ, вторгся в Бэйхай, хотел направиться на юг захватить [области рек] Цзян и Хуай. Как раз в это время уйгурский каган прислал своего подчиненного Гэлочжи с войсками оказать помощь [Танам]. Ранее [Гэлочжи] с двумя тысячами всадников прибыл под стены Фаньяна. [Инь] Цзыци, услышав об этом, поспешил увести войска обратно [в Фаньян]” [ЦЧТЦ, цз. 219, 7006-7007].

“Как раз в это время две тысячи уйгурских всадников внезапно прибыли в Фаньян. В Фаньяне два дня ворота были закрыты. После этого [уйгуры] направились в Тайюань, [Инь]

Цзыци прошел тысячу “ли”, чтобы оказать ему (т.е. Фаньяну – А.К.) помощь” [ЦТШ, цз. 200а].

“В 11-м месяце генерал злодеев Ашина Цунли с пятью тысячами всадников тонгра и пугу вышел за рубежи, завлек несколько десятков тысяч [человек] из племен “ху” девяти фу и шести чжоу Хэцюя, хотел заставить их действовать вместе [с ним]. [Го] Цзыи выступил с уйгурским старейшиной Гэлочжи, атаковал и разбил их. Было обезглавлено и взято в плен несколько десятков тысяч человек” [ЦТШ, цз. 120, 2а].

В приведенных сообщениях речь идет о двух событиях - походе двухтысячной конницы Гэлочжи в Фаньян, который они подвергли двухдневной осаде, и сражении танско-уйгурских сил с войсками Ашина Цунли в Ордосе. Долина Хуяньгу (у Сыма Гуана - Дайханьгу), в которой состоялось сражение, находилась, согласно “Синь Таншу”, в 80 ли к северо-востоку от танской крепости Средний Шоусян [ЦЧТЦ, цз. 219, 7007; СТШ, цз. 43, 76; Фэн Цзяшэн и др. 1981, 13].

Из всех источников только “Синь Таншу” сообщает об участии уйгурского кагана Баян-чора (Элетмиш Бильге-кагана) в походе на Ордос, все остальные говорят о руководстве уйгурскими войсками Гэлочжи. Ханеда Тору считал сведение “Синь Таншу” ошибочным, исходя из того, что Сыма Гуан в своем сочинении не упоминает о кагане [Ханеда 1957а, 194-195]. Колин Макеррас отнесся с доверием к сообщению “Синь Таншу”. Нам также кажется возможным доверять составителям новой танской династийной истории, так как они приводят описание довольно конкретного события - встречи кагана с танским генералом Го Цзыи. Вряд ли этот эпизод, воспроизводящий совершенно нелестную для Китая сцену поклонения танского военачальника волчьему знамени “варваров”, мог быть упомянут в новой обработанной редакции танской династийной истории, если бы он не имел места на самом деле.

Из всего сказанного возможна следующая реконструкция событий, связанных с действиями уйгурских войск в Ордосе.

Уйгурский Элетмиш Бильге-каган принял танское посольство в Ордубалыке в 9-10-х месяцах 756 г. В 11-м месяце он прибыл с войсками в Ордос. Численность его войск не указывается в источниках, очевидно, она была значительной, так как каганы ходили в походы с большим войском. Накануне этого двухтысячная конница во главе с Гэлочжи была направлена уйгурами в Фаньян. Причем следует заметить, что она прибыла туда в очень удобное время, когда из Фаньяна ушел основной контингент повстанцев: вероятно, уйгуры рассчитывали без усилий захватить Фаньян. Но возвращение войск повстанцев во главе с генералом Инь Цзыци заставило их покинуть Фаньян и уйти в Тайюань, а оттуда примкнуть в Ордосе к основным частям уйгурских войск, возглавляемых Элетмиш Бильге-каганом.

Тот факт, что уйгурскими войсками командовал лично каган, свидетельствует о большой значимости похода в Ордос для уйгуров. Последующие походы уйгурских войск в Китай, которые представляли больший интерес для Танской династии, чем для уйгуров, возглавлялись сыновьями Элетмиш Бильге-кагана: в 757 г. во главе уйгурского контингента находился старший его сын Кутлуг Бильге-ябгу, а в 759 г. - его третий сын Кутлуг Чор тегин. Бёлю-каган (759-779), второй сын и преемник Элетмиш Бильге-кагана, лично возглавил поход в Китай в 762 г., однако, этот поход состоялся при совершенно иных обстоятельствах. Значение, придававшееся уйгурами походу в Ордос, можно объяснить той чрезвычайной угрозой для уйгурской власти, которую представлял Ашина Цунли: ведь он, представитель тюркской династии Ашина, мог претендовать на реставрацию тюркской власти на территории Уйгурского каганата. Очевидно, именно поэтому Ашина Цунли, изменив Ань Лушаню, не стремился к сотрудничеству с танской династией, а стал накапливать силы в Ордосе для предстоящей борьбы с уйгурами. В этой связи обратим внимание на тот факт, что Ашина Цунли опирался не только на тюркоь, но и на силы тех токуз-огузов, которые не поддерживали уйгуров в их борьбе за господство в

степи. Среди них, в частности, были группы кочевников из огузских племен тонгра, абуз, бугу.

В условиях, когда в Уйгурском каганате еще не утихла гражданская война, опасность ее возобновления с еще большей силой огузами, возглавляемыми тюрком Ашина Цунли, который в представлениях кочевников имел законное право на власть как представитель правящей династии тюрков, была вполне реальной.

Угроза со стороны Ашина Цунли была достойно оценена Элетмиш Бильге-каганом, который за очень короткое время собрал войска, чтобы ликвидировать ее. Тем более для этого представился благоприятный случай - Танская династия оказалась также заинтересованной в уничтожении Ашина Цунли, который грабежами препятствовал подготовке к генеральному наступлению на столицу. Правительственные войска не могли начать наступление, не ликвидировав в своем тылу враждебные им войска Ашина Цунли. Однако сами, без участия уйгуров, не могли вступать с ними в войну, ибо в лучшем случае эта война обескровила бы их. Тем самым в ликвидации войск Ашина Цунли были заинтересованы обе династии - и уйгурская династия Яглакар, и Танская династия, поэтому она была осуществлена за столь короткое время и столь внушительными силами.

При разгроме войск Ашина Цунли сам предводитель не был убит. Его имя упоминается в источниках в сообщениях о событиях в 757 г. наряду с именем другого знатного тюрка Ашина Чэнцина. Очевидно, после поражения в Ордосе Ашина Цунли бежал снова к повстанцам и нашел убежище у своего сородича.

Поход Элетмиш Бильге-кагана в Ордос в 756 г. вряд ли мог быть обойденным в надписи из Могон Шине Усу. В последней части надписи сообщается о каких-то контактах "китайского хана" с каганом (стк.42). Большие лакуны, следующие за этой фрагментарной информацией, не позволяют установить, о ка-

ких конкретно контактах танского императора с уйгурским каганом идет речь. Далее в строке 43 каган сообщает о себе: “в свой дом [я вернулся] шестого числа 2 месяца” [Малов 1959, 43]. Можно предположить, что в первом случае говорится о танском посольстве в Ордубалык (9-10 месяцы 756 г.), а во втором - имеется в виду возвращение Элетмиш Бильге-кагана из похода в Ордос, после разгрома войск Ашина Цунли. Дата возвращения кагана “в свой дом”, указанная в надписи - 6 число 2 месяца и дата сражения танско-уйгурских сил с войсками Ашина Цунли, имеющаяся в танских источниках - 7 число 12 месяца 756 г., не только не противоречат такому предположению, но и свидетельствуют в его пользу, если считать, что каган возвратился в свою ставку в начале 757 г. (год Курицы), т.е. через три месяца после разгрома войск Ашина Цунли.

Таким образом, анализ китайских сведений о первом походе уйгуров в Китай во время восстания Ань Лушаня-Ши Чаои позволяет сделать вывод о том, что целью этого похода было предотвращение вторжения на территорию Уйгурского каганата тюрко-огузского войска, возглавляемого представителем тюркской династии Ашина.

Изучение похода уйгуров в Ордос, на наш взгляд, дает ответ на вопрос о военно-политических мотивах участия уйгуров во внутренних войнах в Китае. Ашина Цунли, против которого был направлен названный поход, как и Абуз-ябгу, показал, что тюрки, бежавшие в Китай во время крушения Тюркского каганата в 742-745 гг., не потеряли надежду на возрождение утерянной государственности и тем самым не перестали представлять опасность для уйгурской власти. Впрочем, о реальности возвращения тюрков в степь должно было свидетельствовать недавнее историческое прошлое как тюрков, так и самих уйгуров, которые по тем или иным причинам поселялись в Китае, но по истечении определенного времени возвращались в степь, где вновь вступали в борьбу за власть. Вместе с тем совместные боевые действия уйгуров и танских войск в Ордосе пока-

зали, что тюркская угроза может быть ликвидирована в ходе дальнейшего участия уйгуров в войне в Китае. Дело в том, что во время восстания Ань Лушаня произошло довольно резкое размежевание между огузами и тюрками, находившимися на службе у Танской империи. Основная часть огузов осталась верной Танской династии и воевала в составе правительственных войск (сюда входили соплеменники танских генералов Пугу Хуайэня и Хунь Шичжи). Правда, существовала другая, менее крупная группа огузов из тонгра, служивших в армии Ань Лушаня, однако, в конечном итоге она покинула лагерь повстанцев: часть из них ушла в Ордос вместе с Ашина Цунли, а остатки вернулись в степь в 757 г. Тюрки, наоборот, были тесно связаны с повстанцами. После подчинения танской власти в 740-х гг. они были размещены в округах, находившихся в ведении Ань Лушаня и в последующем вошли в состав повстанческих войск. Известно, что один из самых влиятельных тюрков Ашина Чэнцин был ближайшим соратником Ань Лушаня. Его имя называется среди генералов, которые являлись “когтями и зубами” армии Ань Лушаня [ЦЧТЦ, цз. 216, 6905-6906]. Ашина Чэнцин поддерживал повстанцев до самого конца восстания [ЦЧТЦ, цз. 222, 7134].

О значительном тюркском влиянии в лагере повстанцев свидетельствует дошедшая до нас бронзовая монета, отлитая в правление мятежного “императора” Ши Сымина, преемника Ань Лушаня. Эта монета, найденная в с. Каптырево Хакасии и хранящаяся в Минусинском музее, описана А.С.Аманжоловым [Аманжолов 1974, 137-140]. На монете имеются надписи на тюркском и китайском языках. Китайская надпись на аверсе гласит “шуньтянь юаньбао” (“первая монета Шуньтянь”), где “шуньтянь” - девиз правления Ши Сымина, соответствует 759-му году. Тюркская руника на реверсе реконструирована А.С. Аманжоловым: “Тысяча бакыров (денежная единица) - дом для младшего сына”. Наличие тюркской надписи на монете ученый связывает с тюркским происхождением Ши Сымина, а

появление ее на Енисее - с уйгурами, распространившими свою власть на страну енисейских кыргызов в 758 г. В действительности, Ши Сымин, как и Ань Лушань, был выходцем из тюркской среды смешанного происхождения (туцзюэ цзачжун хужэнь). В любом случае, тюркская надпись, если она была сделана в лагере повстанцев, говорит о роли тюрков в восстании Ань Лушаня - Ши Чаои и значительности тюркского компонента в повстанческих войсках.

Участие уйгуров в подавлении восстания Ань Лушаня - Ши Чаои означало для них продолжение войны с тюрками, находившимися в рядах повстанцев. В ходе войны с повстанцами уйгурам удалось с помощью танских войск, в состав которых входили родственные им огузы, уничтожить наиболее боеспособную часть тюрков и обеспечить безопасность своих южных рубежей. Не случайно в период после восстания тюрки практически перестают играть какую-либо роль в событиях внутри Китая и исчезают со страниц китайских анналов.

Таким образом, военно-политические цели уйгурских походов в Китай во время восстания Ань Лушаня - Ши Чаои заключались в том, чтобы ликвидировать угрозу реставрации тюркской государственности, сохранявшуюся в первое десятилетие существования Уйгурского каганата. Совпадение в это время интересов двух правящих домов - уйгурской династии Яглакаров и Танской династии, позволило им, объединив усилия, подавить антитанское восстание и окончательно разгромить участвовавших в нем тюрков.

5. Походы уйгуров в Центральный Китай

Ликвидация угрозы со стороны Ашина Цунли позволила Танской династии в последующем сосредоточить внимание на подготовке генерального наступления на столицы, находившиеся в руках мятежников. Уже в начале 757 г. император Суцзун собрал в верховьях реки Вэй (в районе Фэнсяна) огромное вой-

ско, состоящее из 150-200 тыс. человек [Franke 1936, 458]. Но наступление правительственных сил началось только в конце года.

В возвращении столиц участвовала четырехтысячная уйгурская конница, направленная Элетмиш Бильге-каганом в соответствии с заключенной ранее договоренностью. Перед прибытием уйгуров в Китай танский император и уйгурский каган обменялись дипломатическими церемониями, свидетельствовавшими об их дружественном расположении друг к другу - Суцзун пожаловал титул "бильге гунчуй" уйгурской принцессе, которая накануне была выдана замуж за танского принца Ли Чэншэня, а Элетмиш Бильге-каган наградил последнего титулом "ябгу". Согласно "Цэфу юаньгу", первые подразделения уйгурских войск во главе с генералом Долань явились в Китай в июле 757 г.

Основной корпус уйгурских сил прибыл намного позже. Их возглавил Ябгу, старший сын Элетмиш Бильге-кагана, именуемый в Терхинской надписи - Кутлуг Бильге Ябгу (стк. 12). Уйгурская конница по прибытии в Китай была направлена в распоряжение шофанской армии и вошла в состав войск танского генерала Пугу Хуайэня.

Уйгурский Ябгу был тепло принят главнокомандующим танскими силами, наследником престола принцем Ли Шу (будущим императором Дайцзуном), а затем командующим шофанской армии Го Цзыи, который устроил трехдневное пиршество уйгурским вождям в Фэнсяне. Выступление правительственных сил и уйгуров началось 11 ноября 757 г. Подступы к западной столице Чанъани, к которой они двинулись, надежно оборонялись повстанцами. В лагере последних уже в начале года произошло важное событие - Ань Лушань был убит своими приближенными и повстанцев возглавил его сын Ань Цинсюй. Однако новый предводитель не обладал необходимыми для полководца способностями, поэтому фактическое руководство восстанием осуществлял один из его во-

еначальников Янь Чжуан.

Первое крупное сражение, в котором отличились уйгуры, состоялось 13 ноября на западе реки Фэн возле храма Сянцзи. Как описывают источники, повстанцы сумели обойти правительственные войска и войти к ним с тыла. Однако уйгурская конница во главе с Пугу Хуайэнем вступила с ними в бой и обратила их в бегство. После этого сражения правительственные войска без особых усилий подошли к Чанъани. Бой за Чанъань был кровопролитным - по довольно преувеличенным данным "Синь Таншу" и "Цзычжи тунцзянь", при взятии города погибло около 60 тысяч повстанцев. Часть мятежников во главе с Ань Шоучжуном бежала на восток [Levy 1960, 82, п. 165].

Танскому принцу с большим трудом удалось уговорить уйгурского Ябгу воздержаться от грабежа до возвращения восточной столицы - Лояна. Испытанное им при этом унижение, судя по утверждению историков, было воспринято танским двором как проявление высокого искусства дипломатического обхождения с "варварами".

Захватив Чанъань, правительственные войска вместе с уйгурским контингентом немедленно двинулись в поход на Лоян. Решающим сражением на пути в Лоян стало сражение в местечке Синьдянь. Перед этим сражением уйгуры расположились в Цюйво на западе Шаньчжоу, в месте слияния рек Вэй и Хуанхэ. Ябгу послал генерала Чэбиши Тубо Пэйло уничтожить повстанческий отряд, засевший в горах неподалеку от Цюйво. Уйгуры, разбив этих мятежников, овладели выгодной позицией. Тем временем Го Цзыи вступил в сражение с повстанцами в Синьдяне. Сначала успех сопутствовал ему, но затем повстанцы начали теснить его войска, ряды которых пришли в беспорядок. Уйгуры, находясь на склоне горы Наньшань, наблюдали за ходом боя, и в критический момент пришли на помощь Го Цзыи. Они "перешли западные склоны и неся белые знамена, поспешили атаковать" мятежников. Дальнейшие их действия в "Цзычжи тунцзянь" описаны так: "Уйгуры из Наньшаня напа-

ли на них сзади, в желтой пыли выпустили около десяти стрел. Злодеи испуганно обернулись: “Уйгуры пришли!” и тотчас рассеялись. Правительственные войска вместе с уйгурами с двух сторон ударили по ним. Злодеи были разгромлены” [ЦЧТЦ, цз. 220, 7040]. Повстанческие генералы Янь Чжуан и Чжан Тунжу, возглавлявшие войска в этом сражении, бежали в Лоян. Узнав о поражении сил, защищавших подступы к Лояну, Ань Цинсюй вместе с приближенными бежал на север. 3 декабря 757 г. правительственные силы вошли в покинутый повстанцами Лоян. На этот раз Лоян был предоставлен в распоряжение уйгуров, которые грабили его до тех пор, пока жители не преподнесли им в дар десять тысяч кусков шелка. Ябгу, вернувшись из Лояна в Чанъань, был принят императором Суцзуном. Был издан указ, восхваляющий доблести уйгурского Ябгу и его заслуги в возвращении двух танских столиц. Суцзун пожаловал Ябгу самую высокую должность танского государства “сыкун” и высший титул “князь Чжунъи” и приказал ежегодно посылать ему по 20 тысяч кусков шелка. В “Тан да чжаолин цзи” (“Собрание великих указов Тан”, цз. 129) помещен указ о награждении титулом уйгурского Мояньжо (Баян-чора), в котором говорится о том, что танский двор будет ежегодно отправлять кагану пятьдесят тысяч кусков шелка. Согласно “ЦзюТаншу”, титул был пожалован Баян-чору 31.08.758 г. Исходя из этого, Ма Цзюньминь считает, что вознаграждение в 20 тысяч кусков шелка в год было предназначено лично уйгурскому принцу Ябгу [Ма Цзюньмин 1984, 75].

После изгнания мятежников из двух столиц Ябгу возвратился в Уйгурский каганат. Необходимость возвращения домой Ябгу обосновал недостатком боевых лошадей: “Уйгурские воины для сражения останутся в Шаюане (в округе Тунчжоу на северо-востоке Чанъани - А.К.). Но я должен идти обратно в Лин[чжоу] и Ся[чжоу], чтобы собрать лошадей. Затем мы возвратимся в Фанъян и уничтожим оставшихся повстанцев” [ЦТШ, цз. 195, 36]. Однако уйгурский Ябгу больше не появлялся в Китае.

На основе сообщений о том, что уйгуры в 758 г. разбили енисейских кыргызов, принято считать, что Ябгу по возвращении домой участвовал в походе на кыргызов. Скорее всего, он был замешан в мятеже секиз-огузов, о котором говорилось выше, так как известно, что он был казнен за совершенное им преступление.

Возвращение обеих столиц еще не означало полного уничтожения повстанцев - до окончательного подавления восстания было еще далеко. Под властью повстанцев находились семь северных провинций и более шестидесяти городов Китая. После взятия Лояна танские силы не смогли организовать преследование противника, дав тем самым ему возможность укрепиться на новых позициях. Ань Цинсюй покинув Лоян, объявил своей столицей город Аньян (другое название - Е), расположенный на юге Хэбэя.

Осенью 758 г. был заключен первый в истории танско-уйгурских отношений династийный брак между Танами и уйгурами. Император Суцзун выдал свою дочь принцессу Нинго за Элетмиш Бильге-кагана, а дочь Пугу Хуайэня - за наследного принца уйгуров Идигяня. Посольство, сопровождавшее принцессу Нинго в Ордубалык, было встречено Элетмиш Бильге-каганом довольно холодно. Тем не менее каган направил в Китай еще один военный контингент. Трехтысячную уйгурскую конницу на этот раз возглавлял третий сын кагана Кутлуг Чортегин. Уйгурская конница прибыла в Китай в 8-м месяце 758 г. (7.09-6.10) [ЦТШ, 195, 46].

Поход танской армии и уйгуров в Аньян (Сянчжоу) оказался неудачным. Причины неудачи вскрыты Э.Пуллиблэнком: "Танская экспедиция против Ань Цинсюя не была объединенной под одним руководством силой, а состояла из армий 9-ти отдельных военных губернаторов, действия которых координировал инспектор-евнух. Это был симптом ослабевающего танского контроля над своими военными силами, являвшегося одним из последствий восстания. Последствия этого разрознен-

ного командования сказались очень скоро. Танские армии окружили город Е двойным валом и тройным рвом, отвели воду, чтобы залить город и приготовились измором заставить жителей сдаться. Тем временем, однако, появился Ши Сымин. После нескольких первоначальных столкновений армии вступили в бой. Объединенные танские силы численно превосходили армию Ши Сымина, но исход боя фактически определило не столкновение оружий. Вскоре после начала сражения внезапно начался сильный буран, поднявший столько пыли, что невозможно было открыть глаза. Обе армии бежали в разные стороны, но, если войска Ши Сымина отошли на короткое расстояние и перестроились, то союзные армии совсем покинули поле боя и рассеялись в разных направлениях. Большая их часть вернулась в свои провинции, по пути грабя и мародерствуя. Ши Сымин остался хозяином поля боя, благодаря не столько причудам природы, сколько недисциплинированности и отсутствию руководства в танском лагере” [Pulleyblank 1976, 45].

Вместе с танскими армиями из Сянчжоу отступили и уйгуры. О прибытии из Сянчжоу в Чанъань Кутлуг Чор-тегина, а также министра Дидэ и других уйгурских военачальников в день жэнь-у 3-го месяца 759 г. сообщает “Цзю Таншу” (17.4.759) [ЦТШ, цз. 195, 46; Mackerras 1968, 21]. Кутлуг Чортегин, награжденный танским двором за участие в военной операции высокими титулами и подарками, отбыл домой 30.04.759 [ЦТШ, 195, 5a].

Согдиец Ши Сымин, одержавший верх в сражении в Сянчжоу, был ближайшим сподвижником Ань Лушаня. После изгнания повстанцев из Лояна Ши Сымин подчинился Танской династии, но вскоре из-за интриг танских придворных был вынужден вернуться в стан мятежников. В дальнейшем, убив Ань Цинсюя, он сам возглавил повстанцев. Ши Сымину, пользовавшемуся большим авторитетом среди подчиненных, удалось организовать успешное контрнаступление на правительственные силы. Он отвоевал многие районы и повторно захватил

Лоян. Но продвинуться на запад и занять Чанъань ему не удалось - заставу Туньгуань, через которую лежал путь на Чанъань, отважно обороняли войска танского военачальника киданьского происхождения Ли Гуанби.

В начале 761 года Ли Гуанби получил приказ императора оставить занимаемую позицию и идти в поход на Лоян. В данных условиях задача, поставленная перед Ли Гуанби - возвращение Лояна, была практически невыполнимой и дворцовые евнухи, по наущению которых был дан этот приказ, посылали его на верную гибель. Битва войск Ли Гуанби с повстанцами у горы Манъшань закончилась полным поражением. В поражении Ли Гуанби был отчасти повинен Пугу Хуайэнь, не выполнивший его приказа [СТШ, цз. 224]. В результате этой непродуманной акции застава осталась без защиты, а путь в Чанъань - открытым для мятежников. Только благодаря разногласиям в руководстве повстанцев Чанъань не был занят ими. Разногласия возникли из-за убийства Ши Сымина. Ши Сымин был убит группировкой, которую возглавил его старший сын Ши Чаои, рожденный от наложницы. Ши Чаои, будучи талантливым военачальником, тем не менее не пользовался расположением отца, который назначил своим преемником другого своего сына. Это и толкнуло Ши Чаои и его сторонников на убийство Ши Сымина. Убийство, однако, вызвало недовольство ближайших соратников Ши Сымина, которые отказали Ши Чаои в поддержке. Борьба за главенство не только отвлекла повстанцев от похода на Чанъань, но и в целом ослабила их позиции.

В условиях создавшегося равновесия сил исход противоборства могло решить вмешательство извне. Ши Чаои первым оценил новую ситуацию и как только стало известно о смерти императора Суцзуна, обратился за помощью к уйгурскому кагану. В Уйгурском каганате с середины 759 года правил сын Элетмиш Бильге-кагана - Идигянь (Иди кенч?), известный под титулами Бёгю-каган (кит. Моуюй) и Тенгри-каган. Согласно танским источникам, Ши Чаои, призывая уйгуров, говорил им:

“Сын Неба танского дома долгое время пребывает в великом трауре (по умершим императорам Сюаньцзуну и Суцзуну - А.К.). В государстве смута и нет правителя. Прошу направить войска, чтобы захватить казну” [ЦТШ, цз. 195, 56]. Об обращении Ши Чаои за помощью к уйгурам сообщает и Карабалгасунская надпись, но, согласно ее интерпретации, уйгурский каган отказал в помощи мятежникам [Васильев 1897, 22]. Более достоверную картину рисуют танские источники: Бёгю-каган согласился поддержать Ши Чаои, привлеченный добычей, которую он сулил. В 8-м месяце 762 г. огромное уйгурское войско во главе с каганом двинулось в Китай. В это время к уйгурам направил посланника и новый император Дайцзун (762-778). Его посланник Лю Цинтань встретил уйгуров в районе севернее излучины Хуанхэ. Попытки Лю Цинтаня убедить кагана оказать помощь Танской династии не возымели действия. Как сообщает “Цзю Таншу”, уйгуры “увидели заброшенные города, в которых не было гарнизонов, и пришедшие в запустенье округа и уезды. Они прониклись презрением к Танам. Тогда они направили посланника на север в шаньюево наместничество (Чжэньи-А.К.) захватить лошадей, склады и провиант” [ЦТШ, 195, 5а]. Подвергшийся оскорблениям посланник прислал извещение, которое привело в трепет императорский двор. Он сообщил, что Тэнгри-каган идет походом на столицу со своим сотысячным войском. Тогда императору пришлось направить на встречу уйгурам еще одного посланника Яо Цзыана, который встретился с уйгурами в Тайюане. Этот эмиссар имел задание установить точное число уйгуров. По его данным, у уйгуров, “способных носить оружие, было 4 тысячи человек, стариков, детей и женщин всего было около 10 тысяч [человек], боевых лошадей было 40 тысяч, коров и овец неисчислимое количество” [ЦТШ, 195, 5б].

Танской династии удалось привлечь уйгуров на свою сторону только благодаря генералу Пугу Хуайэню. Пугу Хуайэнь имел родственные связи с уйгурским каганом - в 758 г. его дочь

была выдана замуж за уйгурского принца, будущего Бёгю-кагана. Возведенная в ранг уйгурской катун, она сопровождала Бёгю-кагана в его походе в Китай. По велению Дайцзуна Пугу Хуайэнь встретился с каганом и катун в Тайюани и сумел уговорить своего зятя поддержать Танскую династию. Восстановление союза с уйгурами предопределило исход восстания.

Из Тайюани уйгуры двинулись в направлении к восточной столице. Маршрут движения уйгурских войск в Лоян был выбран не сразу. Танский эмиссар хотел провести уйгуров по наименее разрушенным районам, чтобы скрыть степень разрухи в северных провинциях. Отвергнув несколько маршрутов, в конечном счете каган выбрал путь, пролежавший через округ Шаньчжоу.

В Шаньчжоу уйгурский каган расположился лагерем. Сюда для координации действий союзных войск прибыл главнокомандующий правительственными силами наследный принц Ли Ши (будущий император Дэцзун). Бёгю-каган при встрече с ним потребовал, чтобы принц поклонился ему. Когда тот наотрез отказался, каган велел взять его под стражу, а трех его высокородных приближенных наказать, назначив им по сотне ударов палкой. Двое из наказанных скончались в уже ночь. Оскорбление, нанесенное принцу, танский двор оставил без ответа, однако этот случай сыграл свою роль в танско-уйгурских отношениях в последующем, в период правления императора Дэцзуна.

Уйгурские войска, непосредственное руководство которыми осуществлял левый щад, вместе с армией Пугу Хуайэня находились в авангарде начавшей наступление армии. “Цзычжи тунцзянь” сообщает, что Ши Чаои, узнав о начале наступления правительственных сил, созвал военный совет. Тюрорк Ашина Чэньцин предложил: “Если придут только ханьские войска, то следует со всеми войсками вступить с ними в бой, если же придут с уйгурами, то невозможно противостоять их авангарду, [и поэтому] следует отойти и защищать Хэян, скрывшись от

них” [ЦЧТЦ, цз. 222, 7134]. Ши Чаои не последовал совету Ашина Чэньцина. Повстанцы оказались не в состоянии сопротивляться объединенным танско-уйгурским силам и потерпели поражение. В 10-м месяце 762 г. Лоян был освобожден от мятежников. Ши Чаои с несколькими сотнями всадников бежал на восток. Его преследовал сын Пугу Хуайэня Пугу Чан с уйгурским отрядом. Согласно танским династийным историям, Пугу Чан настиг Ши Чаои в уезде Шичэн пограничного округа Пинчжоу на северо-востоке страны и обезглавил его. Иную версию о смерти Ши Чаои сообщает Сыма Гуан: в 1-м месяце 763 г. Ши Чаои повесился в лесу [ЦЧТЦ, цз. 222, 7139].

Источники подробно рассказывают о грабеже Лояна уйгурами. Сообщают, что преследуемые ими жители города заперлись в башнях двух буддийских храмов. Уйгуры подожгли башни и сожгли спрятавшихся в них людей. Пожар в Лояне не прекращался несколько месяцев. Отмечается, что было убито около 10 тысяч человек. К грабежу уйгуров присоединились и танские солдаты.

Бёгю-каган не сразу возвратился в Ордубалык. После взятия Лояна он расположился в Хэяне, где находился три месяца [СТЦ, цз. 217а, 5а]. Хэян и ближайшие селения в течение всего этого времени подвергались грабежу. В “Цзычжи тунцзянь” говорится, что “уйгуры все награбленные сокровища разместили в Хэяне и оставили своего военачальника Ань Кэ охранять их” [ЦЧТЦ, цз. 222, 7135].

Поход уйгуров в Китай в 762 году сыграл решающую роль в подавлении восстания Ши Чаои и восстановлении власти Танской династии. Вместе с тем он имел огромное значение и для истории Уйгурского каганата. Находясь в танском государстве, Бёгю-каган близко познакомился и принял “религию света” - манихейство, которое вскоре было провозглашено государственной религией Уйгурского каганата. Обращение Бёгю-кагана в манихейство умалчивается танскими источниками. Сведения об этом событии содержат китайская и согдийская версии Ка-

рабалгасунской надписи. Согласно китайской версии, каган увез из Китая в свое государство четырех проповедников манихейства, одного из которых звали Жуйси [Васильев 1897, 23, стк. 8]. Согдийские монахи сумели “открыть уйгурам праведную религию”, религию “господина Мар Мани”. “Уйгурское манихейство, - пишет С.Г.Кляшторный, - пережило Уйгурский каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную традицию на тюркском и согдийском языках. В рукописной литературе сохранилась память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины” [Кляшторный, Лившиц 1971, 112].

Возвращаясь из Китая в Ордубалык Бёгю-каган поставил на своем пути в Южной Гоби триумфальный камень с надписями на уйгурском и согдийском языках, известный ныне как Сэврэйский камень. Сооружение камня с надписью на согдийском языке свидетельствовало о начале новой культурной и идеологической ориентации Уйгурского каганата на согдийский Запад.

6. Пограничная политика Танской династии и мятеж Пугу Хуайэня (764-765)

В синологии в достаточной степени освещены внешнеполитические доктрины, определявшие характер контактов Китая с окружающим миром. Две из них выделены А.С.Мартыновым: изоляционистская доктрина и доктрина универсального благоустройства [Мартынов 1972, 73-82]. В основе обеих доктрин лежало противопоставление Поднебесной окружающему “варварскому” миру, на который, впрочем, в идеале распространялась мироустроительная власть императора. Единственным китайским правителем, который в своей практике несколько отошел от традиционных внешнеполитических доктрин, был, по мнению Э.Дж.Пуллиблэнка, танский Тайцзун (627-649). Несомненно, устремления Тайцзуна, как и его предшественни-

ков, были направлены на расширение территории империи и подчинение соседних народов, в том числе кочевников [Pulleyblank 1976, 37]. Именно ему удалось продвинуть далеко на запад границы империи. Успехи Тайцзуна стали возможны благодаря эффективности созданной им военной организации “фубин”, а также в результате его политики в отношении кочевников. Хотя Тайцзун нигде не излагал принципов своей внешней политики, но в его действиях они проявились достаточно ясно. В 630 г. борьба с Первым Восточно-тюркским каганатом завершилась подчинением тюрков. В том же году Тайцзун принял титул “небесный каган” (тянь кэхань), предложенный ему вождями подчинившихся тюркских племен. Вряд ли имеет значение, был ли этот титул предложен им добровольно или под давлением танского двора. Важен был сам факт принятия Тайцзуном титула, который оправдывал его власть над тюркскими племенами. В 647 г. при других обстоятельствах сюзеренитет Тайцзуна признали токуз-огузские племена во главе с уйгурами, и он распространил на них, хотя и формально, императорское административное устройство, оставив во главе “варварских” округов токуз-огузских вождей. Тайцзун, становясь для северных кочевников императором (“табгач каган” орхонских надписей), одновременно был признан ими как верховный сюзерен, носивший тюркский титул “небесного кагана” (“тэнгри каган”). Было создано не унижающее вождей легитимное обоснование их вассально-союзнических отношений с империей Тан, включавшее их как равноправных участников в систему военных и политических действий Тайцзуна.

Политика Тайцзуна в отношении “варваров” давала ему возможность использовать кочевников в качестве инкорпорированных в танскую армию военных соединений, призванных защищать интересы своего сюзерена “небесного кагана”. Тюркские племенные ополчения, влившиеся в китайскую военную структуру, стали мощным орудием для реализации имперских замыслов. Известно, что тюркские войска принимали участие

в походах Тайцзуна в Западный край и Корею [ЦТШ, цз. 83, 4а]. Другой функцией тюркских отрядов была защита границ империи от тех кочевников, которые остались вне сферы контроля танской администрации. “Цзю Таншу” прямо указывает, что пограничные округа создавались для обороны границ [ЦТШ, цз. 121, 1а].

Практика привлечения на службу северных “варваров” продолжалась и при преемниках Тайцзуна, вернувшихся к традиционным отношениям с северными соседями. Это в значительной мере было обусловлено изменениями, произошедшими в китайской военной организации: упадком системы фубин и возникновением новых военных институтов. Система фубин была эффективной в условиях осуществления динамичной наступательной внешней политики, характерной для Тайцзуна. Однако уже при Гаоцзуне (650-683) в изменившейся обстановке, после вторжения тибетцев и войск возрожденного Тюркского каганата, она оказалась неспособной обеспечить охрану границ и была заменена регулярными пограничными армиями, которые в дальнейшем развились в губернаторства. Сложная проблема комплектования этих крупных пограничных армий решалась за счет включения в них пограничных племен. В результате, к середине VIII в. состав пограничных армий претерпел существенные изменения: их инородческий компонент значительно возрос, а личные связи между военными губернаторами (цзедуши) и новой пограничной армией не контролировались центральным аппаратом империи. В отличие от эпохи Тайцзуна, власть и влияние “варваров” в пограничных округах резко возросли: нередко они занимали в пограничных провинциях командное положение.

Изменившаяся ситуация не могла не сказаться на отношениях пограничных командиров и придворных округов, где укрепились подозрительность и неприязнь к плохо контролируемым пограничным военачальникам. Опасения придворных были в какой-то мере оправданы. Среди цзедуши и их окруже-

ния, выходцев из тюрко-согдийской среды, вскоре выделилась группа, использовавшая новую ситуацию для попытки захвата верховной власти в империи. К ней принадлежали Ань Лушань, Ань Цинской, Ши Сымин, Ши Чао и некоторые другие командиры, ввергшие Танскую империю в кровопролитную и опустошительную войну.

Однако существовала и другая, довольно многочисленная группа военачальников-инородцев, пытавшихся сохранить традиционную верность дому Тан и принявших самое активное участие в подавлении восстания Ань Лушаня-Ши Чао. Наиболее выдающейся личностью среди них был один из огузских (уйгурских) вождей, занявших видное положение в империи Пугу Хуайэнь, судьба которого в известной мере отразила кризисную ситуацию распада установленных Тайцзуном личных и политических связей между аристократией части тюркских племен и императором - "небесным каганом".

Основным источником информации о жизни Пугу Хуайэня являются его жизнеописания в двух танских династийных историях. Согласно сведениям, имеющимся в биографии, Пугу Хуайэнь происходил из знатного рода племени пугу (бугу) - одного из племен токуз-огузского (уйгурского) союза. Дед Хуайэня Пугу Гэлань Баянь был главой племени бугу. Его имя называется среди вождей токуз-огузских племен, подчинившихся Тайцзуну в 647 г. и утвержденных в должности тутуков. После смерти отца Илиг-чора (Или чжо), убитого сородичами, потомок наследственных тутуков Хуайэнь был взят на китайскую службу. В "Биографии" подробное описание деятельности Хуайэня начинается только с восстания Ань Лушаня. О ранних годах Хуайэня можно составить представление лишь из нескольких строк его доклада трону, поданного им в 763 г.: "Мой род первоначально происходил из пограничных инородцев (фань) и из поколения в поколение жил на границе. Когда я достиг совершеннолетия, получил от государя назначение и со срочными поручениями мчался в разные стороны: не думая о смер-

ти и жизни, отстаивал границы” [ЦТШ, цз. 221, 46]. С самого начала восстания Ань Лушаня прославленный генерал танских пограничных войск Пугу Хуайэнь, возглавляя “сильных воинов фань и хань (пограничных инородцев и китайцев)”, находился в авангарде борьбы с повстанцами. Описание многочисленных сражений, в которых он принимал участие, отводится большое место в его биографии. Заслуги Пугу Хуайэня в разгроме восставших были несомненны, и это неоднократно подчеркивается историографами: “Его заслуги в сокрушении неприятеля превышали [заслуги] всех генералов”, “Суцзун, считая, что у Хуайэня большие заслуги, особо выделял его из всех генералов” [ЦТШ, цз. 221, 2а-2б].

Пугу Хуайэнь спустя почти сто лет после подчинения его деда Тайцзуну, в течение которых произошли весьма существенные изменения и в степи, и внутри Китая, хранил верность империи, искренне считая себя подданным своего сюзерена. О преданности Хуайэня танскому дому можно судить лишь по одному эпизоду: в 756 г. Хуайэнь казнил своего сына за то, что тот предпочел плен смерти на поле битвы. Заслуживает внимания сообщение источников о том, что 46 человек из числа его сородичей погибло на “государевой службе” во время бедствий [ЦТШ, цз. 121, 5а]. Под командованием Хуайэня служил также другой его сын Чан, подвиги которого были отмечены императорским указом нарисовать его портрет и поместить его в галерею знаменитостей (лин янь гэ) [ЦТШ, цз. 121, 4б].

Танские династийные истории дают довольно подробные сведения о военной карьере Хуайэня. Не останавливаясь на перечислении его военных и чиновничьих должностей и почетных званий, отметим только, что если в начальный период восстания Ань Лушаня он выполнял обязанности генерала пограничных войск и действовал под общим командованием военачальника-китайца, то ко времени его подавления он занимал пост помощника правителя Хэбэя и имел высшие китайские титулы.

Достигнув высокого положения в армии и сосредоточив в своих руках значительную реальную власть, Пугу Хуайэнь неизбежно возбудил подозрения и недоброжелательность при дворе. Источники свидетельствуют, что Хуайэнь и ранее находился на подозрении. Еще в разгар сражений с повстанцами Хуайэнь был оклеветан министром Ли Фуго [ЦТШ, цз. 121, 5а].

Основой для обвинения Пугу Хуайэня стали его родственные отношения с уйгурским каганом. Как указывалось выше, в 758 г. одна из дочерей Пугу Хуайэня была выдана замуж за уйгурского наследного принца Идигяня, будущего Бёгю-кагана, после восшествия которого на престол стала уйгурской катун (женой верховного правителя). В последующем после ее смерти, в 769 г., по просьбе Бёгю-кагана танский император выдал за него младшую дочь Пугу Хуайэня, воспитывавшуюся в императорском дворце. Пугу Хуайэнь не только поддерживал близкие связи со своими этническими родственниками - уйгурами, но и пользовался у них большим авторитетом. В уйгуро-танских отношениях в период восстаниях Ань Лушаня он играл роль посредника между китайцами и уйгурами. В 756 г. в составе танского посольства он был направлен к уйгурам за военной помощью. В последующем все конные подразделения, прибывавшие на помощь Танской династии, входили в состав армии Пугу Хуайэня и воевали под его началом.

Во время похода Бёгю-кагана в Китай в 762 г. Пугу Хуайэнь по приказу императора дважды встречался с каганом в северной провинции Тайюань. В первый раз он был послан Дайцзуном уговорить своего зятя оказать помощь в войне против Ши Чаои. Во второй раз Пугу Хуайэнь встретился с каганом в Тайюани после завершения разгрома Ши Чаои, когда уйгуры возвращались к себе. Ему было приказано сопровождать Бёгю-кагана до границы. В обоих случаях путь Бёгю-кагана и Пугу Хуайэня пролегал через Тайюань. Военный губернатор Хэдуна Синь Юньцзин, опасаясь грабежа со стороны уйгуров, приказывал закрыть ворота города и отказывал им в провианте. Воз-

муценный и оскорбленный действиями хэдунского правителя, Пугу Хуайэнь посылал доклады императору с требованием наказать его. В 7-м месяце 763 г. для расследования конфликта Хуайэня с Синь Юньцином император направил дворцового евнуха Ло Фэнсяня. Ло Фэнсянь сначала посетил Синь Юньцинина, который сумел подкупить его щедрыми подношениями. Пугу Хуайэнь также радушно встретил императорского посланника, устроил для него пиршество и просил его задержаться еще на один день, чтобы вместе отметить предстоящий праздник. Ло Фэнсянь не желал оставаться у Хуайэня, но тот был настойчив и велел спрятать его коня. Напуганный гость, думая, что Хуайэнь замышляет убить его, бежал из его дома ночью. Прибыв в столицу, Ло Фэнсянь подтвердил обвинение Пугу Хуайэня в подготовке бунта против императора. В следующем, 8-м месяце, Пугу Хуайэнь направил императору доклад, в котором изложил реальный ход событий [ЦТШ, цз. 221, 46-7а; ЦЧТЦ, цз. 223, 7147]. Полный текст доклада сохранился в его "Биографии" в "Цзю Таншу". В докладе, подробно описав свою службу у танских императоров, Пугу Хуайэнь перечислил шесть совершенных им преступлений, называя "преступлениями" свои заслуги перед Тэ нами [ЦТШ, цз. 221, 46-7а]. Его "преступления" заключались в том, что: 1) он подавил мятеж племени тонгра в воеводстве Цзинлюэ в 756 г.; 2) казнил своего сына Биня за то, что он был в плену у противника; 3) выдал двух своих дочерей за уйгурского кагана; 4) его сын Чан самоотверженно воевал за Танскую династию; 5) по приказу императора управлял провинцией Хэбэй в должности помощника губернатора; 6) уговорил уйгуров оказать помощь Танам в подавлении восстания Ань Лушаня.

В 9-м месяце к Хуайэню явился другой императорский посланник с повелением явиться ко двору. При дворе Дайцзуна чрезвычайно сильным было влияние евнухов, занимавшихся постоянными интригами. Вызов в столицу губернаторов и военачальников, на которых ложилась хоть малейшая тень в не-

верности двору, неизбежно заканчивалась их суровым наказанием по наущению евнухов (как правило - казнью). Наиболее яркими примерами несправедливого отношения двора к верным военачальникам были генералы Лай Тянь и Ли Гуанби. Такая же судьба ожидала и Пугу Хуайэня, которому не оставалось иного выхода как поднять мятеж против Танов.

Реальная власть и популярность среди войск позволили Пугу Хуайэню объединить военные силы кочевников - уйгуров, тибетцев, цянов, нула и угрожать императорскому двору в течение почти двух лет (764-765 гг.). Впервые появление уйгуров в составе войск Хуайэня источники регистрируют в 8-м месяце 764 г. [ЦЧТЦ, цз. 223, 7166]. Контингент, присланный уйгурским Бёгю-каганом на помощь своему тестю, состоял из двух тысяч всадников и возглавлялся младшим братом кагана Алп Улуг Тутук Яглакаром, который командовал уйгурами в их походе в Китай в 758 г. под титулом Кутлуг Чор-тегин.

Особенно угрожающее положение для империи Пугу Хуайэнь создал в 765 г., направив на Чанъань по разным путям "варварские" войска численностью в 20 тысяч человек [ЦТШ, цз. 121, 76]. Танской династии пришлось мобилизовать все силы на организацию сопротивления повстанцам. Неизвестно, как развернулись бы события, если бы не внезапная смерть Пугу Хуайэня (9-й месяц 765 г.) и последовавшая за ней борьба за главенство в его разноплеменных войсках, давшая возможность императорским силам отразить нападение.

Известие о смерти Хуайэня, умершего в Линьгу, застало уйгуров и тибетцев у стен окруженного ими города Цзиньяна (северо-западнее Чанъани). Оборонявшему город танскому генералу Го Цзыи, который в свое время имел тесные контакты с уйгурами, без труда удалось направить уйгуров против тибетцев: для уйгуров теперь уже не было смысла участвовать в войне с танскими войсками, поскольку глава восстания был мертв и они вновь заключили союз с танской династией и помогли изгнать тибетцев. После поражения мятежа часть соплеменни-

ков Пугу Хуайэня вместе с его сыновьями ушла в Уйгурский каганат, причем один из его сыновей впоследствии стал уйгурским ябгу. Другая часть пугу во главе с племянником Хуайэня Пугу Минчэнем перешла на службу Танской империи.

Мятеж Пугу Хуайэня явился логическим разрешением противоречий, которыми характеризовалось положение высокопоставленного инородца в Китае в середине VIII в., пытавшегося совместить службу империи с сохранением статуса и влияния родовитого аристократа из кочевых племен “северных варваров”. Стремление Хуайэня верно служить империи наталкивалось на новую реальность, в которой уже не было “небесного кагана”, а ему отводилось традиционное место “варвара” на службе империи. Последнее ярко отразилось в характеристике Пугу Хуайэня, данной в его биографии: “Хуайэнь был человеком храбрым, решительным, немногословным и отзывчивым. Он решительно выступал против старших [по чину], ... если с кем-то не соглашался, то непременно спорил с ним и вызывал его гнев”, “по варварской натуре был свирепым, быстрым и несдержанным” [ЦТШ, цз. 121, 2а, 4б]. Особенно усилена отрицательная характеристика Хуайэня в обработанном и сокращенном варианте его биографии в “Синь Таншу”, куда историографы внесли несколько дополнительных эпизодов, призванных, на наш взгляд, обосновать бунт Пугу Хуайэня его “варварским” происхождением [СТШ, цз. 224, 1732].

Выступление Пугу Хуайэня ознаменовало собой окончательное крушение идей Тайцзуна о ханьско - “варварском” симбиозе в рамках единой политической структуры во главе с императором - “небесным каганом”.

ГЛАВА IV. УЙГУРСКИЙ КАГАНАТ И ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН

1. Структура власти в Уйгурском каганате при Элетмиш Бильге-кагане и Бёгю-кагане

Ко времени правления Бёгю-кагана (759-779) сформировалась структура власти в уйгурском государстве. Во главе государства, как и в предыдущую эпоху, стоял каган, функции которого довольно полно охарактеризовал С.Г.Кляшторный: каган “осуществлял функции главы гражданского управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял также функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей” [Кляшторный 1986, 219].

Ближайшими к кагану лицами в системе власти были шады и ябгу, назначавшиеся из числа близких родственников кагана. В их функцию входило управление западными и восточными крыльями уйгурской армии (центром, очевидно, командовал сам каган).

Следующие ступени аппарата власти выявляются благодаря сведениям китайских источников. В 763 г. танский император Дайцзун издал указ о награждении уйгурского Бёгю-кагана и его приближенных за оказанную услугу в подавлении восстания Ши Чаои. В этом указе перечисляются лица, составлявшие высший эшелон власти в уйгурском государстве: каган с катун, левый и правый шады, Улуг Тутук, Балань цзянцзюнь (сенгун), одиннадцать тутуков, внутренние и внешние министры [ЦТШ, цз. 195, 66; СТШ, цз. 217а, 56]. Танские титулы, пожалованные Дайцзуном этим лицам, позволяют установить

соотношение между ними. Четверо из них - два шада, Улуг Тутук, Балань цзянцзюнь - получили один и тот же титул "вана" (князь), что свидетельствует об их одинаково высоком положении (нам не удалось обнаружить дополнительных сведений об одном из этих лиц - Балань цзянцзюне).

Более низкий по сравнению с титулом "ван" титул "гун" ("го гун") был пожалован одиннадцати уйгурским тутукам. Древнетюркский титул тутук, заимствованный из китайского языка, подробно рассмотрен И.Эчеди [Ecsedy 1965, 84-86]. В Китае, как отметила И.Эчеди, должность дуду впервые была установлена императором Вэйской династии Вэнь-ди в 222 г. Первоначально в обязанность дуду входило осуществление надзора над военными делами в одной или нескольких провинциях. Функции дуду менялись неоднократно в последующие эпохи. Во второй половине существования Танской династии (VIII-IX вв.) должности дуду не существовало, однако, в это время она продолжала употребляться в письменной традиции (например, в эпитафиях). Восстановление этой должности произошло лишь после падения династии Тан. По мнению И.Эчеди, титул дуду был заимствован древними тюрками ранее 558 г. или даже их предшестве :никами жуаньжуанями [Ecsedy 1965, 85].

Среди токуз-огузских племен должность тутук впервые была введена в 647 г., когда они подчинились Танской империи, и на их территории, номинально вошедшей в состав Танской империи, было осуществлено административное районирование. Как показали исследования Масао Мори, тутукства (дудуфу) были созданы на землях тех токуз-огузских племен, которые возглавлялись "эльтеберами" (сылифа), в то время как для более мелких племен во главе с "иркинами" (сыцзинь) были учреждены округа (чжоу) [Мори 1967, 424-425]. Уйгурский эльтебер Тумиду был назначен ханьхайским дуду. Источники отмечают, что Тумиду одновременно провозгласил себя каганом и учредил должности "чиновников, одинаковые с тюркскими: имелось шесть внешних и три внутренних цзайсяна. Были так-

же должности дуду, цзянцзюнь, сыма” [СТШ, цз. 217а, 1651]. Введенные Тумиду должности существовали и в период Второго Уйгурского каганата, спустя столетие.

Одиннадцать уйгурских тутуков, получивших в 763 г. от Дайцзуна титул “гун”, составляли главы девяти токуз-огузских (уйгурских) племен и двух племен, адаптированных в токуз-огузский союз - басмылов и карлуков. Об этом свидетельствует “Тан хуэйяо”: “[У уйгуров] имеется одиннадцать тутуков. В каждом из девяти фамилий [уйгуров] учреждено по одному тутуку. В основном племени выбирают человека для наблюдения за ними. После того, как [уйгуры] разбили басмылов и карлуков, [они] захватили по одному их племен и в каждом из них учредили по одному тутуку” [ТХЯ, цз. 98, 1744]. Уйгурами было адаптировано в свою среду, на наш взгляд, карлукское племя чигил, вместе с двумя другими племенами (булак и ташлык) составлявшее трехплеменную карлукскую конфедерацию (уч-карлук). Во всяком случае на это может указывать упоминание в надписи Могон Шине Усу “Чигил-тутука” [Eczedy 1980, 35; Малов 1959, 42, стк. 35].

Титул “тутук” в Уйгурском каганате носили не только господствующие племена, но и подвластные. Согласно той же надписи из Шине Усу, Элетмиш Бильге-каган, покорив в 752 г. чиков, поставил над ними тутука [Кляшторный, Колесников 1988, 36]. Судя по тому, что в имена некоторых правителей Кочо, в Восточном Туркестане, входило слово “тутук” (например, Алп тутук оге), этот же титул носили и главы оседлых районов, входивших в состав Уйгурского каганата [Кляшторный, Колесников 1988, 36].

Деятельность тутуков контролировалась, как указывает на это цитированный текст “Тан хуэйяо”, лицом, выбиравшимся из основного племени, т.е. из царской семьи Яглакаров. Именно должность, занимаемую этим лицом, китайские источники именуют “Улуг Тутук” (Хулу дуду), а надпись Могон Шине Усу - “Тутук башы” [Малов 1959, 41, стк. 21]. Должность Улуг Туту-

ка в китайских текстах об уйгурах фиксируется трижды. Кроме приводившегося указа от 763 г., в двух остальных случаях упоминания этого титула известны конкретные лица, носившие его. По свидетельству танского министра Ли Би, Улуг Тутуком был будущий Алп Кутлуг Бильге-каган (Тон Бага-таркан, 779-789), в 757 г., когда он сопровождал наследного принца Ябгу во время похода в Китай [ЦЧТЦ, цз. 233, 7504]. В 765 г. уйгуров, прибывших в Китай для оказания помощи Пугу Хуайэню, возглавлял Алп Улуг Тутук Яглакар, младший брат Бёгю-кагана, имевший в 758 г. титул Кутлуг Чор-тегин.

Любопытно, что в танских текстах об уйгурах VIII-IX вв. не встречаются характерные для более раннего времени титулы глав кочевых племен “сылифа” (эльтебер) и “сыцзинь” (иркин). Их исчезновение, очевидно, связано с заменой их титулом “тутук”. В уйгурскую эпоху титулы “эльтебер” и “иркин” продолжали использоваться в отношении предводителей тех племен, которые подчинились уйгурской власти номинально, но чьи земли не вошли в состав Уйгурского каганата. Так, правитель енисейских кыргызов, находившихся в вассальной зависимости от уйгуров, в начале IX в. получил от уйгурского кагана титул Бильге Тон-иркин [СТШ, цз. 2176, 1661]. Титул “иркин” носили и правители киданей, которые также подчинялись уйгурам. Во всяком случае, в IX в. “иркин” был одним из самых высоких киданьских титулов [Таскин 1984, 163; Wittfogel 1949, 432].

Уйгурские министры (цзайсяны), хотя и отмечены в указе Дайцзуна от 763 г., но не получили никаких титулов. Это указывает на то, что в начале правления Бёгю-кагана они занимали гораздо более низкую ступень в иерархии власти по сравнению с тутуками. Согласно свидетельству “Синь Таншу”, которое приводилось нами выше, уйгурских министров было девять: три внутренних и шесть внешних. Сопоставление сведений танских источников и древнеуйгурских рунических надписей позволяет идентифицировать девять уйгурских мини-

стров с девятью великими буюруками, о которых сообщают Терхинская и Тэсинская надписи.

Термин “буюрук” встречается и в древнетюркских надписях, и существование этой должности относится орхонскими текстами уже ко времени основания Тюркского государства в 551 г. Однако единственный памятник Первого Тюркского каганата, согдоязычная Бугутская надпись, подробно перечисляющая высшие должности в системе управления каганатом, термин “буюрук” не упоминает [Klashtorny, Livshic 1972, 169-171]. Поэтому можно предположить, что возвышение буюруков относится к более позднему времени, чем последняя четверть VI в. В системе власти Второго Тюркского каганата (683-742) буюруки занимали достаточно важное место. В вводных разделах надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана буюруки упоминаются сразу после кагана [Малов 1951, 27, 29, 30, 32-34; Gyorffy 1960, 169-171]. От “мудрости” и “бесстрашия” кагана и его буюруков, по мнению автора памятников Йоллыг-тегина, зависит судьба государства. Тем не менее о конкретных функциях буюруков в Тюркском каганате орхонские надписи почти не содержат информации. Исходя из этимологии термина “буюрук” (букв. “приказный”, “лицо, которому приказывают”; по Махмуду Кашгарскому, “бирук” - “распорядитель”) [ДТС, 125; Dankoff 1982, 190], их относят обычно к невысоким ступеням в структуре исполнительной власти в Тюркском каганате или к военным руководителям невысокого ранга [Мелиоранский 1899, 190; Бернштам 1946, 113]. Этому, однако, противоречит контекст надписи в честь Бильге-кагана, где упомянут глава “внутренних буюруков” Кюль-иркин [Малов 1959, 23]. Очевидно, что уже в Тюркском каганате некоторые из буюруков занимали видное положение.

Более ясной представляется роль буюруков в системе административно-политического управления Уйгурского каганата. В рунических надписях уйгурской эпохи термин “буюрук” встречается в следующих контекстах: “главой внутренних бу-

юруков был Ынанчу-бага-таркан, [а всего] великих буюруков девять было” (стк. 6), “девять буюруков... сенгуны и весь народ моего отца Турьяна почтительно просили стать ханом” (стк. 28), “девять буюруков... мои уйгуры” (стк. 21). Буюруки в Уйгурском каганате подразделялись на великих и, очевидно, на буюруков, лишенных наименования “великий” и не входящих в высшие эшелоны управления государством. Девять великих буюруков, в свою очередь, состояли из “внутренних” и “внешних” буюруков. Поскольку в надписи первыми названы “внутренние” буюруки, возможно, они были первыми и в иерархии правящего слоя каганата. Нельзя не обратить внимание на совпадение числа буюруков с племенной структурой Уйгурского каганата (девять огузских племен). Эта связь подтверждается и сообщением “Цзю Таншу” об участии девяти цзайсянов, представлявших девять уйгурских племен, в ритуале коронации принцессы Тайхэ в 822 г. [ЦТШ, цз. 195, 116]. В Терхинской надписи каждый из девяти великих буюруков именуется еще и военным титулом (“сотник”, “пятисотник”, “начальник над пятью тысячами воинов”), что указывает на определенные военные функции буюруков. Однако разное число воинов, находящихся под командованием каждого из великих буюруков (от сотни до пяти тысяч), несмотря на условность этих численных обозначений, отражает скорее не “воинский чин” буюруков, а число воинов, выставляемое для каганского войска тем или иным племенем, к которому принадлежал буюрук.

Более подробные сведения о буюруках содержат танские источники. Как уже отмечалось, они сообщают о делении девяти уйгурских министров на трех внутренних и шесть внешних. Министрами (цзайсянами) в китайских источниках именовались великие буюруки. Вместе с тем в китайских источниках неоднократно встречается также транскрипция тюркского слова буюрук - “мэйлу” - с разными вариациями “мэйлу”, “милу”, “милло” [Hamilton 1955, 150], причем, в разных словосочетаниях цзайсян-мэйлу (министр-буюрук), внешний цзайсян (ми-

нистр), мэйлу-сыма (буюрук-сыма), старший и младший мэйлу (буюрук), мэйлу-цзянцзюнь (буюрук-сенгун), госян-мэйлу (министр-буюрук). Как видно из этих примеров, среди сочетаний со словом “мэйлу” выделяются две группы: сочетание “мэйлу” с титулом “цзайсян” (“госян”) и сочетания с другими словами, входящими в имя или титулатуру. По всей вероятности, слово “мэйлу” употреблялось для обозначения простых буюруков, а “цзайсян-мэйлу” (или просто “мэйлу”) применялось в отношении высших из них, т.е. девяти великих буюруков. Тем самым, очевидно, что, во-первых, сами буюруки делились по старшинству и месту в аппарате управления на две неравные группы, во-вторых, высшая группа буюруков именовалась “цзайсянами” или “цзайсян-мэйлу”.

Термин “цзайсян” довольно часто упоминается в китайских источниках при описании контактов Китая с уйгурами. “Цзайсяны” входили в число командующих войсками, прибывшими на помощь Танской династии во время восстания Ань Лушаня-Ши Чаои. Хотя общее руководство уйгурскими армиями в походах в Китай принадлежало либо близким родичам кагана, либо самому кагану, среди сопровождавших их лиц были и “цзайсяны” (министры). В походе 758 г. уйгурского принца Кутлуг Чор-тегина сопровождал министр Дидэ. Во время уйгуро-тибетской войны за господство в Восточном Туркестане в 790-792 гг. действиями уйгурских войск командовал великий министр (дасян) Сеюйцзясы (Иль Угаси). Уйгурский министр возглавил армию в войне с енисейскими кыргызами в начале IX в. Наиболее ярко роль шести великих буюруков (министров) проявилась в событиях, связанных с мятежом танского военачальника Пугу Хуайэня. В “Цзю Таншу” сохранился перечень лиц, возглавивших уйгурское войско, прибывшее в Китай для оказания помощи Пугу Хуайэню в 765 г., почти все из которых являлись “цзайсянами”. Общее руководство уйгурами в этом походе осуществлял младший брат Бёгю-кагана Алп Улуг Тутук Яглакар. Представляется возможным сопоставить китайс-

кий перечень уйгурских цзайсянов Бёгю-кагана со списком великих буюруков отца Бёгю-кагана, Элетмиш Бильге-кагана, имеющимся в Терхинской надписи.

Терхинская надпись
(753-756 гг.)

Цзю Таншу
(765 г.)

1. Ынанчу-бага-таркан (глава внутренних буюруков)	1. Хэ Хулу Дуду Яологэ (Алп Улуг Тутук Яглакар)
2. Бильге Тай-сенгун-тутук	2. Цзайсян Моду Мохэ дагань (Багатур (?) бага таркан)
3. Кюлюг Онгы-Оз-Ынанч	3. Цзайсян Дунь Мохэ дагань (Тон бага таркан)
4. Улуг Оз-Ынанчу Урунгу	4. Цзайсян Худу Пицзя цзян-цзюнь (Кутлуг (?) бильге сенгун)
5. Улуг Урунгу	5. Цзайсян Цзела Пэйло дагань (Кара (?) бойла таркан)
6. Телисский Кюлюг Эрен	6. Цзайсян мэйлу Да цзян-цзюнь ло дагань (Буюрук Тай сенгун [бой]ла таркан)
7. Тардушский Кюлюг Эрен	7. Пин-чжан-ши Хайнин Цзюэ дагань (последние два слова: кюль таркан)
8. Тардуш Ышбарыш	
9. Алп Ышбара-сенгун Яглакар	

Среди лиц, перечисленных в “Цзю Таншу”, пятеро имеют титул “цзайсян” (министр). Последний человек в этом перечне имеет титул пин-чжан-ши, который также относился к рангу цзайсянов [Li Fang Kuei 1980, 121-124]. С учетом этого факта можно считать, что танский перечень состоял из Улуг Тутука и шести внешних министров. Участие одновременно шести внешних министров в походе уйгуров в Китай в 765 г. свидетельствует о том, что уйгурский двор придавал большое значение действиям Пугу Хуайэня. Возглавлявшего уйгуров Алп Улуг Тутука, младшего брата Бёгю-кагана, С.Г.Кляшторный идентифициру-

ет с одним из великих буюруков Элетмиш Бильге-кагана Алп Ышбара Сенгун Яглакаром (в списке Терхинской надписи № 9): "Согласно степному обычаю именно он унаследовал отцовский очаг и главенство в роду Яглакар, поэтому родовое имя сохранено и в китайской, и в тюркской записи его изменившегося за девять-десять лет титула" [Кляшторный 1987, 26]. К этому можно добавить, что изменение в титулатуре Алп Улут Тутука Яглакара отражает его рост в аппарате управления в уйгурском государстве: в 753-756 гг. при Элетмиш Бильге-кагане он был одним из девяти великих буюруков, а при Бёгюкагане в 756 г. он уже входил в число четырех самых близких к кагану лиц.

Помимо участия в военных походах, являвшегося одной из главных функций великих внешних буюруков, последние выполняли и дипломатические поручения. Однако дипломатия все же не была главной сферой их деятельности. Из посольств, в состав которых входили внешние буюруки, можно назвать лишь два посольства, направленные уйгурскими каганами в Китай в 788 и 821 гг. для встречи танских принцесс. В торговых посольствах зарегистрированы простые буюруки. Так, в 833 г. уйгурский посланник Ли Чан, именуемый буюрук-сенгунном (мэйлу цзянцзюнь), обменял в Чанъани на шелк десять тысяч лошадей [ЦЧТЦ, цз. 244, 7885; СТШ, цз. 212, 1608].

В танских источниках нашло отражение усиление позиций великих буюруков при уйгурском дворе. Если в начальный период существования государства, когда власть кагана была сильной, великие буюруки занимали подчиненное положение в структуре верховной власти (после родичей кагана и предводителей племен), то по мере ослабления центральной власти отмечается рост их влияния. Первым событием, ознаменовавшим изменения, происшедшие в положении великих буюруков, явился переворот великого буюрука Тон бага-таркана в 779 г. Источники отмечают чрезвычайное влияние Иль Угаси, занимавшего пост министра при нескольких каганах, а в 795 г. под

титолом Кутлуг-кагана вступившего на престол. В последующем вмешательство великих буюруков в выбор наследника престола становится обычным явлением в Уйгурском каганате. В последние годы существования Уйгурского каганата великие буюруки принимают активное участие в борьбе за власть на стороне различных претендентов, которая в конечном итоге способствует в немалой степени крушению государства.

В уйгурской титулатуре широкое распространение имел титул “таркан”. Этимологию этого термина, как и его монгольского варианта “дархан”, Г.Дьёрфи возводит к понятию “кузнец” - кузнечное дело в древности тесно связывалось с сакральной властью верховного правителя. В древнетюркскую эпоху тарканы/тарханы составляли довольно многочисленный слой знати [Gyorgfy 1960, 169-170]. А.Н.Бернштам, ссылаясь на древнеуйгурский документ более позднего времени из Турфанского идыкутства, предполагал, что титул “таркан” означал “сборщик податей и дани” [Бернштам 1946, 111, 138]. Отсутствие в источниках конкретных сведений о тарканах не позволяет определить их функции.

Аппарат управления уйгуров, как и их предшественников - тюрков, испытал на себе некоторое влияние китайской административной системы. Влияние это выразилось в заимствовании таких титулов, как “чигши”, “сыма”, “тай сенгун”.

Чигши - древний китайский титул, существовавший еще во II в., в эпоху правления Ханьской династии. В VII - начале VIII вв., как считает Ильдико Эчеди, он был заимствован древними тюрками. В тюркский язык он попал в своем первоначальном значении “губернатор провинции/округа “чжоу» [Eczedy 1965, 84-85]. В танских источниках об уйгурах этот титул встретился нам только один раз. “Цэфу юаньгуй” сообщает о прибытии в Китай посла уйгуров Дахай-апа-чигши в 758 г. В китайской версии Карабалгасунской трилингвы “чигши” называется в перечне высокопоставленных лиц (“тутуки, чигши, внутренние и внешние министры”). Титул “чигши” также за-

фиксирован в Терхинской надписи в именах подчиненных уйгурами вождей племен “Кутлуг-чигши”, “Канчу Алп-бильгечигши”, а также лиц, присутствовавших при сооружении памятника (“Безгик Эр-чигши”, стк. 10-11).

Сыма - должность в Китае “старшего управляющего”, ведавшего военными делами [Есзеды 1965, 86]. Введение должности “сыма” у уйгуров относится ко времени Тумиду (647 г.), основателя Первого Уйгурского каганата. “Сыма” упоминается в составе уйгурского посольства в Китае в 821 г. Этот титул, по Ханеда Тору, может быть восстановлен в перечне уйгурских чинов в Карабалгасунской надписи [Ханеда 1957а, 307, стк. VIII].

Китайское происхождение имеют такие титулы, как “сенгун” (генерал, кит. “цзянцзюнь”), “тай сенгун” (великий генерал, кит. “да цзянцзюнь”).

Таким образом, в аппарате верховной власти Уйгурского каганата выявляются четыре ступени. Высшая ступень представлена каганом (и его женой катун), обладавшим правом на верховную власть. Вторую ступень занимали четыре должности, на которые назначались ближайшие сородичи кагана - восточный и западный шады (или ябгу), Улуг-тутук (Тутук-баши) и Балань-сенгун. Институт девяти великих буюруков (3 внутренних и 6 внешних министров) составлял следующую, третью ступень власти. Наконец, на четвертой ступени иерархии находились тутуки, главы уйгурских (токуз-огузских) племен. Буюруки и тутуки управлялись соответственно Балань-сенгунном и Улуг-тутуком.

Структура власти в Уйгурском каганате в общих чертах совпадала со структурами, созданными в тюркскую эпоху. Вместе с тем она отмечена совершенно иным соотношением каганской власти и влияния верхушки уйгурской аристократии, представленной великими буюруками и главами токуз-огузских племен.

2. Политика Бёгю-кагана (759-779) в отношении Восточного Туркестана и Танской империи

После падения Уйгурского каганата в середине IX в. уйгурские племена, бежавшие под ударами енисейских кыргызов из Монголии, создали государственные образования в Ганьсу и Восточном Туркестане - Ганьчжоуский каганат (IX-XI вв.) и Турфанское княжество (IX-XIV вв.). Из этих двух государств впоследствии наибольшего расцвета достигло Турфанское княжество, в период существования которого произошел окончательный переход уйгуров от кочевого образа жизни к оседло-земледельческому. Восприняв хозяйственные и культурные традиции индо-иранского населения, уйгуры сумели создать в Восточном Туркестане одну из ранних тюркских (в широком смысле слова) оседлых цивилизаций, от которой до нас дошли многочисленные археологические и письменные памятники.

Формирование уйгурской государственности в Ганьсу исследователи относят ко времени после падения Уйгурского каганата, что является, на наш взгляд, не совсем оправданным, поскольку Ганьсу была древней этнической территорией древнеуйгурских племен. Тем же временем принято датировать начало уйгурской государственности в Восточном Туркестане. В частности, довольно широкое распространение получило мнение о том, что уйгуры появились в Восточном Туркестане лишь после 840 г. [Малявкин 1974, 7]. Такая точка зрения принята современной официальной историографией Китая как наиболее удобная для обоснования китаецентрической теории раннего освоения Восточного Туркестана ханьцами в отличие от уйгуров, якобы пришедших сюда лишь в середине IX в. Сроки формирования уйгурской государственности в Восточном Туркестане могут быть определены лишь после проведения специального исследования взаимосвязей уйгуров и их предков с оазисами Восточного Туркестана в ранние периоды истории, в том числе в период существования Второго Уйгурского

каганата, а также после серьезного изучения этногенеза современных уйгуров. Между тем, такие исследования до сих пор еще не проводились, а упомянутое мнение опирается на разрозненные факты, интерпретация которых не всегда вызывает доверия. Этим обусловлено наше обращение к изучению истории взаимоотношений Уйгурского каганата и северных оазисов Восточного Туркестана. Критический анализ письменных сведений и обобщение накопленных в научной литературе фактов позволяют достаточно полно охарактеризовать политику уйгурских правителей в отношении Восточного Туркестана на разных этапах истории Уйгурского каганата и внести существенные уточнения в вопрос о сроках формирования в этом районе уйгурской государственности.

Северные и северо-западные оазисы Восточного Туркестана были вовлечены в сферу уйгурского влияния в самые начальные годы существования Уйгурского каганата. Первым упоминанием источников о походах орхонских уйгуров в Восточный Туркестан может считаться сообщение китайских источников о нападении уйгуров на басмылов в 744 г., результатом которого стало свержение басмылского кагана и провозглашение каганом уйгурского предводителя. После бегства басмылского кагана из Бешбалыка (Бэйтина) в Китай “земля и народ [басмылов] отошли к уйгурам” [СТШ, цз. 2176, 1660]. Более подробные сведения о походах уйгуров в Восточное При Тяньшанье содержатся в надписях Элетмиш Бильге-кагана. Так, надпись из Шине Усу довольно подробно описывает войну уйгуров с басмылами и карлуками, а также с их союзниками торговцами, происходившую примерно в 752-754 гг. При этом театром военных действий, несомненно, были районы Восточного Туркестана, Джунгарии и Семиречья [Малов 1959, 41-42]. Судя по контексту надписи, басмылы и карлуки, обитавшие в районе Бешбалыка, окончательно попали в зависимость от уйгуров в 754 г. Примерно к этому же времени относится уйгурский поход, описанный в Терхинской надписи. Как было отме-

чено выше, в 14-15 строках надписи сообщается о подчинении уйгурским наследным принцем Бильге Кутлуг таркан-сенгуном (будущим Бёгю-каганом) племен ягма, байарку, а также китайцев и согдийцев: “Тот, кто соорудил этот [памятник], Бильге Кутлуг таркан-сенгун, столь многие народы со славой победил: [против] ягма и лум чиши двоих послал. Кутлуг Бильге-сенгуну и Урушу Кутлуг таркан-сенгуну, тем двоим “Идите!” он повелел. Тардушский Бильге-таркан и Кутлуг [оба из народа] байарку, начальники ягма, китайцев и согдийцев Бильге-сенгун, Озыл Онг-эркин ...” [Кляшторный 1980, 93]. Направление описанного здесь похода было определено С.Г.Кляшторным, исходя из двух названий, упоминаемых в тексте: ягма и лум чиши. Район обитания племени ягма в интересующий нас период указан в персидских географических сочинениях “Зайн аль-ахбар” Гардизи и “Худуд аль-алам”, которые помещают ягма в северной и северо-западной части Восточного Туркестана [Бартольд 1973, 45-46; Minorsky 1937, 95-96]. Название “лум чиши” было расшифровано С.Г.Кляшторным на основе китайских источников: “лум” передает фамилию тохарского правителя Карашара, звучавшую по-китайски “лун” (дракон), а “чиши” является титулом “цыши” (правитель округа) [Chavannes 1903, 110-114]. Тем самым оба названия свидетельствуют о том, что поход уйгуров был направлен в Карашар и прилегающие районы и в результате этого похода уйгуры поставили под контроль как местные кочевые племена, так и население оазисов.

В цитированном тексте Терхинской надписи, на наш взгляд, содержится еще одно название, которое подтверждает интерпретацию С.Г.Кляшторным сведений 14-й строки надписи. Речь идет об имени Озыл Онг-эркин, относящемся к одному из “начальников” племен и народов, подчинившихся уйгурам, в числе которых называются и китайцы. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать одно из слов, входящих в имя этого лица, а именно “онг” как транскрипцию китайского фамильного знака “ван” (ср. с именем Онг-тутук, под которым в тюркско-

кой надписи в честь Кюль-тегина фигурирует китайский принц, имевший титул Сян-ван) [Малов 1951, 40]. В китайских текстах о Западном крае содержится сообщение о том, что в 733 г. военным губернатором четырех крепостей Аньси (Куча) был назначен некий Ван Хусы, биография которого, к сожалению, отсутствует в источниках [ТХЯ, цз. 78, 1429]. Как нам указал С.Е.Яхонтов, вторая часть этого имени "хусы", совпадающая, кстати, с одним из наименований огузских (уйгурских) племен, может быть реконструирована как "огзыл", что очень близко к слову "озыл" (в последнем лишь отсутствует "г" перед "з") (консультация С.Е.Яхонтова). Есть основания считать, что "начальник" китайцев и согдийцев Озыл Онг-эркин Терхинской надписи и губернатор Аньси Ван Хусы (Онг Огзыл) - одно и то же лицо. Однако независимо от того, верна ли идентификация или нет, очевидно, что во время войны уйгуров с тюркскими племенами Восточного Притяньшанья уйгурам была оказана поддержка со стороны остатков танских гарнизонов, расквартированных в городах Восточного Туркестана.

До образования Второго Уйгурского каганата борьба за господство в Восточном Туркестане велась главным образом между двумя государствами - Танской империей и Тибетом. Влияние Китая впервые распространилось на Восточный Туркестан в ханьскую эпоху. Во II в. до н.э. оазисные города-государства Западного края (Сигуй), хотя и номинально, было подчинено власти ханьского императора. Однако ханьский протекторат носил неустойчивый характер и в конечном итоге был окончательно ликвидирован во II в. н.э. [Восточный Туркестан 1988, 256-260]. Следующий этап китайского проникновения в Западный край связан с деятельностью танского императора Тайцзуна (627-649). При нем, в 640 г., танская армия, состоявшая из ханьцев и инкорпорированных в танскую военную систему тюрков и огузов, завоевала небольшое княжество Гаочан в Турфанской области, распространив танское влияние на территорию Восточного Туркестана. На территории включенного

в состав Танской империи Гаочана было произведено административное районирование: созданы округ Сичжоу и наместничество Аньси. В ходе последующих завоевательных кампаний в Восточном Туркестане всего было учреждено шесть наместничеств, самым западным из которых стало Аньси, перенесенное в 758 г. из Турфана в Кучу [Малявкин 1981, 177]. Так к середине VIII в. Танская империя владела ситуацией в значительной части Восточного Туркестана, дислоцировав гарнизоны “в наиболее важных стратегических и торговых пунктах восточного участка Великого Шелкового пути” [Восточный Туркестан 1988, 314].

Почти одновременно с Танской династией экспансию в соседние районы начал осуществлять Тибет. Захватив в 663 г. княжество Тогон (тугунь) в районе оз. Кукунор (совр. Цинхай), тибетцы впервые столкнулись с расположенными поблизости от него танскими гарнизонами. Война Тибета с Танской династией за контроль над Шелковым путем, начавшаяся после этого, продолжалась на протяжении многих лет не только в Хэси, но и в Восточном Туркестане. При этом в борьбе с Танами тибетцы консолидировались с противниками китайцев на западе - арабами и тюркешами. В ходе танско-тибетских войн многие оазисы Восточного Туркестана попадали под влияние то одной, то другой стороны. Тибетцам удалось распространить свое влияние на самые южные оазисы Кашгарии, прежде всего на Хотан [Beckwith 1987, 31-34].

40-е гг. VIII в. ознаменовались активизацией танской экспансии в Западном крае. В 744 г. танские войска вытеснили тюркешей из долины реки Или и района нынешнего Токмака (Кыргызстан), превратив эти области в плацдарм для дальнейшего продвижения вглубь Средней Азии [Cambridge History 1979, 431-432]. Однако их движение на запад было остановлено арабами, разбившими танские армии в битве на р. Талас в 751 г. Это было первым крупным поражением танского оружия на западе, которое все же оказалось не столь решающим для

судьбы танских гарнизонов в Восточном Туркестане. Более серьезными были последствия восстания Ань Лушаня, которое вынудило Танскую династию свернуть действия западных гарнизонов. В самом начале восстания основной контингент танских войск, размещавшихся в Восточном Туркестане, был выведен оттуда и переброшен на борьбу с повстанцами в центральные районы Китая. В результате, в западных наместничествах, формально сохранивших свое существование, резко сократилось число китайских воинов, о чем красноречиво свидетельствует следующее сравнение: если в 730 г. в наместничествах Бэйтин и Аньси насчитывалось по 20 тысяч человек (только в сражении с арабами на Таласе участвовало 30-тысячное танское войско), то в распоряжении бэйтинского губернатора в 789-790 гг. находилось лишь двухтысячное войско.

Уход танских войск из Восточного Туркестана, казалось бы, позволял Тибету без особых усилий занять оставленные ими оазисы. Однако этого не произошло, так как эти оазисы перешли под контроль усилившегося Уйгурского каганата. Укреплению уйгурского влияния в Восточном Туркестане было призвано способствовать принятие уйгурами в качестве государственной религии манихейства, одной из наиболее распространенных среди населения оазисов религий. Содержащиеся в турфанских текстах на уйгурском и среднеперсидском языках историографические известия свидетельствуют о том, что обращение уйгуров в манихейство существенно повлияло на их позиции в Восточном Туркестане. Оно привело к установлению тесной связи между уйгурами и довольно влиятельной местной манихейской общиной, что в свою очередь способствовало укреплению политического господства уйгуров в этом районе. Так, в указанных текстах содержатся многочисленные сообщения о том, что правители одного из восточно-туркестанских оазисов Турфана Кочо считали своим сюзереном уйгурского Бёгю-кагана, причем, эти сообщения содержатся главным образом в текстах манихейского содержания. Например, в од-

ной из манихейских рукописей правитель Кочо Иль-огеси Тюзлук-бек называется “возлюбленным сыном” уйгурского Эльгутмыш Улуг Бильге тенгри-кагана (полный титул Бёгю-кагана) [Кляшторный, Колесников 1988, 35]. Примечательно, что во многих манихейских сочинениях Бёгю-каган именуется божественным посланником Мани [Muller 1912, 209]. В правление Бёгю-кагана (759-779) уйгурское влияние в Восточном Туркестане приобрело форму протектората, который, по словам С.Г.Кляшторного, не исключал “ни китайского присутствия, ни автономии местного самоуправления оазисных государств и кочевых племен” [Кляшторный, Колесников 1988, 35]. Уйгурами были взяты под защиту остатки танских войск в Аньси и Бэйтине, которые поначалу поддерживали связь с танским двором через Хэсийский коридор (Ганьсу), но эта связь надолго была прервана после захвата Хэси тибетцами в 766 г. Лишь в 781 г. посланниками танских губернаторов Аньси и Бэйтина удалось достичь танской столицы через территории Уйгурского каганата по так называемому “уйгурскому пути”.

Обращение уйгуров в манихейство знаменовало собой окончательную культурно-идеологическую ориентацию уйгурского государства на Восточный Туркестан. Оно явилось своего рода идеологическим обоснованием довольно четко обозначившегося в правлении Бёгю-кагана процесса перехода уйгуров от кочевых форм хозяйственной и культурной жизни к оседло-земледельческому, носителями которых в каганате выступали согдийцы. Перемены, происходившие в это время в уйгурском обществе, были замечены и китайскими историографами, которые объясняли их обогащением уйгуров за счет торговли с Китаем. Так, Сыма Гуан сообщает: “Ранее обычаи уйгуров были простыми и искренними, между господином и подчиненным не было большого различия, поэтому стремления народа были едиными, и [уйгуры] были сильны и непобедимы. Когда [уйгуры] оказывали услугу Танам, Таны очень щедро награждали их. Тенгри-каган (Бёгю-каган) впервые загордился,

стал строить дворцы для своих жен, [у которых] имелись пудра, краски для бровей и украшенная вышивками [одежда]. Среднее государство впустую тратилось на них, обычаи иноземцев также разлагались” [ЦЧТЦ, цз. 226, 7282]. Доходы, извлекавшиеся уйгурами из торговли с Тан, а прежде и из походов в Китай, несомненно, служили обогащению уйгуров, особенно аристократии. Однако все же изменения в хозяйственной, социальной и культурной жизни уйгуров происходили под большим влиянием согдийцев.

Согдийские колонии существовали в Монголии задолго до установления здесь политического господства уйгуров. Согдийцы играли большую роль в политической жизни Тюркского каганата, но особенно значительной она стала при уйгурах [Pulleyblank 1952, 317-336]. Согдийское влияние наблюдается практически во всех сферах жизни уйгурского общества. Под влиянием согдийцев значительное развитие в Уйгурском каганате получили земледелие и градостроительство, о чем свидетельствуют археологические памятники уйгурской эпохи [Кызласов 1969, 85]. Впрочем, об участии согдийцев в строительстве уйгурских городов свидетельствует письменный источник: в надписи из Могон Шине Усу сообщается о строительстве согдийцами и китайцами уйгурского города Байбалыка на берегу реки Селенги (около 758 г.) [Малов 1959, 43, стк. 44]. При Бёгю-кагане согдийцы заняли видное политическое положение и в каганской ставке. Каган окружил себя многочисленными советниками-согдийцами, имя одного из которых - министра Цао Мису, сохранилось в “Цэфу юаньгуй”.

Просогдийская политика Бёгю-кагана отразилась и на характере уйгуро-танских отношений, переместившихся в это время полностью в торговую сферу. В период после восстания Ань Лушаня-Ши Чаои уйгурами был навязан Танской династии торговый обмен лошадой на шелк. Как сообщает “Синь Таншу”, “после годов правления Цянь-юань (758-760) [уйгуры] все больше стали опираться на [свои] заслуги [перед династией] и каж-

дый раз за одну преподнесенную лошадь получали сорок кусков шелка. Ежегодно просили обменять несколько десятков тысяч [лошадей]. Посланники прибывали один за другим, оставались в Хунлусы. Лошади были слабые и непригодные, [все же] император щедро награждал [уйгуров]" [СТШ, цз. 217а, 66]. Активное участие в уйгуро-танском торговом обмене принимали согдийские купцы, деятельность которых была взята уйгурами под свою защиту, о чем свидетельствует, в частности, Сыма Гуан: "Во время правления Дайцзуна (762-778) согдийцы (ху девяти фамилий) постоянно прикрывались именем "уйгур", смешанно [с ханьцами] жили в столице, преумножали свои товары, вели себя своевольно и жестоко, вместе с уйгурами создавали беспокойство для общества и частных лиц" [ЦЧТЦ, цз. 226, 7287]. В другом месте у Сыма Гуана говорится: "Ранее уйгуров, остававшихся в столице, постоянно было до тысячи человек, а торговцев-согдийцев (шан ху), которые носили чужую одежду и жили смешанно [с ханьцами] было в два раза больше. Уездные чиновники поставляли им готовую еду и сырые продукты. [Согдийцы] накапливали средства, открывали дома для певиц и торговые ряды, от которых получали большие доходы. С каждым днем они становились все жаднее и своевольнее. Чиновники не осмеливались допрашивать их. Еще [они] носили ханьскую одежду и завлекали и брали жен и наложниц" [ЦЧТЦ, цз. 225, 7265].

Уйгуро-танская торговля, описанная в цитированном тексте "Синь Таншу", осуществлялась примерно в течение десяти лет после восстания Ань Лушаня - Ши Чаои. Однако по мере укрепления центральной власти в Китае и стабилизации внутреннего положения в стране танский двор стал принимать меры для свертывания этой тягостной для Китая торговли. Впервые император ограничил прием уйгурских лошадей в 773 г. Очевидно, с этого времени обмен был прекращен вовсе, поскольку после указанного года в источниках отсутствуют записи об уйгурских торговых миссиях в Китай. Примерно к этому же вре-

мени относится появление в китайских сочинениях сведений о многочисленных фактах насилия уйгуров в Чанъани. В 771 г. уйгурские посланники без разрешения властей вышли из ведомства Хунлусы, занимавшегося иностранными гостями, и устроили грабеж на рынке. Попытки чиновников остановить разъяренных уйгуров оказались тщетными. Триста уйгурских всадников бросились к императорскому городу, все ворота которого пришлось запереть. Уйгуров удалось усмирить с большим трудом. Подобная история повторилась в 772 г., когда они отобрали коня у префекта Чанъани, а “чиновники не осмелились что-либо предпринять”. В 773 г. 140 уйгуров отправились из Чанъани в каганат, увозя с собой тысячу повозок с товаром и дарами. В тот же год прибыл уйгурский посланник Чисинь, которому оплатили 6 тысяч лошадей из 10 тысяч пригнанных. В 775 г. один из уйгурских посланников среди бела дня убил китайца на восточном рынке Чанъани, за что был посажен в тюрьму. Узнав об этом, глава уйгурского торгового посольства Чисинь (возможно, тот же посланник, который прибыл в 773 г.) с подчиненными бросился на выручку. В результате, поранив и убив многих стражников тюрьмы, уйгуры освободили своего соплеменника [ЦТШ, цз. 195, 8а; СТШ, цз. 217а, 6а, в]. Несколько позже, в 778 г., уйгуры совершили набег в Северный Китай. Касаясь этих фактов, К.Макеррас отметил, что поскольку все они приходится на время правления в Китае Дайцзуна, то можно заключить, что они были специально подобраны историографами с целью осудить Дайцзуна, обратившегося за помощью к уйгурам во время восстания Ши Чаои [Maskerras 1972, 35]. На наш взгляд, поведение уйгуров в это время можно рассматривать как естественную их реакцию на ограничение, а затем и прекращение Танской династией торгового обмена с каганатом.

Хотя уйгуро-танская торговля является одной из наиболее изученных аспектов истории взаимоотношений Уйгурского каганата с Танской династией, она еще не рассматривалась в связи с политикой уйгуров в Восточном Туркестане [Maskerras

1969; Ма Цзюньминь 1984]. Нам представляется, что существовала прямая связь между торговой политикой уйгуров в Китае и установлением уйгурского контроля над одним из важнейших участков торгового пути в Восточном Туркестане. По всей вероятности, определенная часть большого количества шелка, поступавшего в Уйгурский каганат из Китая, использовалась уйгурами в транзитной торговле через оазисы Восточного Туркестана.

Обобщая сведения источников о политике Уйгурского каганата в отношении Восточного Туркестана, следует сказать, что северные оазисы этого региона (район Турфан-Куча-Карашар) были вовлечены в политическую жизнь Уйгурского каганата с самых первых лет его существования. Во время войны с племенами басмылов, карлуков и тюргешей (752-754 гг.) уйгурам удалось расширить зону влияния в западном направлении, подчинив своей власти кочевые племена, обитавшие в Восточном Притяньшанье и установив контроль над оазисными государствами этого района. После вывода из западных наместничеств Танской империи Аньси (Куча) и Бэйтина (Бешбалыка) в Китай основного контингента танских войск для участия в подавлении восстания Ань Лушаня-Ши Чаои в 50-е годы VIII в. уйгурское влияние в Восточном Туркестане приобрело форму протектората. Этому в значительной мере способствовало также обращение уйгуров в манихейство, одну из наиболее распространенных среди населения оазисов религию. Обращение уйгуров в манихейство знаменовало собой окончательную культурно-идеологическую ориентацию Уйгурского каганата на согдийский Запад, которая отразилась и на характере уйгуро-танских отношений в период правления Бёгю-кагана (759-779).

3. Переворот Тон бага-таркана в 779 г. и участие уйгуров в восстании хэбэйских губернаторов в Китае

Политика Бёгю-кагана, способствовавшая усилению позиций согдийцев в стране, не могла не вызвать противодействия со стороны кочевой уйгурской аристократии. Результатом этого противодействия стал дворцовый переворот в Ордубалыке в 779 г., положивший конец правлению Бёгю-кагана и приведший к власти политическую оппозицию, которую возглавил близкий родственник кагана, его двоюродный брат Тон бага-таркан.

Некоторые сведения, относящиеся к биографии Тон бага-таркана, могут быть извлечены из китайских и уйгурских источников. Из китайских источников известно, что в момент переворота Тон бага-таркан занимал пост министра. По предположению С.Г.Кляшторного, Тон бага-таркан может быть идентифицирован с главой внутренних буюруков Ынанчу бага-тарканом, называемым первым в перечне девяти великих буюруков Элетмиш Бильге-кагана в Терхинской надписи [Кляшторный 1987, 29]. Если эта идентификация верна, то примерно в 753-756 гг. Тон бага-таркан возглавлял великих буюруков (министров). До сих пор без внимания оставалось очень важное свидетельство “Цзычжи тунцзянь”, имеющее отношение к биографии Тон бага-таркана. В этом сочинении приводится речь танского министра Ли Би, из которой явствует, что Тон бага-таркан сопровождал наследного принца Ябгу в 757 г. в его походе в Китай и в то время он носил титул Улуг Тутука [ЦТЦ, цз. 233]. Из тех же китайских источников известно, что уйгурский Ябгу после возвращения из Китая совершил какое-то преступление и был казнен около 758 г. В “Цзю Таншу” и “Цэфу юаньгуй” имя Тон бага-таркана упоминается в перечне шести внешних министров Бёгю-кагана, прибывших в Китай с войском в 765 г. Во главе этого войска стоял младший брат Бёгю-

кагана, Алп Улуг Тутук Яглакар, третий сын Элетмиш Бильге кагана, ранее известный под титулом Кутлуг чор-тегин.

Из всех должностей Тон бага-таркана самой высокой была должность, которую он занимал в 757 г. - должность Улуг-тутука. Следующей за ней является должность главы внутренних буюруков, а самой низкой из всех перечисленных - должность внешнего министра. Определив соотношение между должностями, устанавливаем, что за период с 753-756 гг. до 757 г. произошел рост Тон бага-таркана в аппарате управления. Однако в 765 г. он оказался на гораздо низшей ступени власти не только в сравнении с постом Улуг Тутука, но и в сравнении с самой ранней из известных его должностей, что свидетельствует о резком понижении его статуса после 757 г. Последнее объясняется связью Тон бага-таркана с наследным принцем Ябгу, который в 758 г. был казнен за участие в мятеже против кагана, а его приближенный и сородич Тон бага-таркан попал в немилость кагана. Хотя он не понес серьезного наказания, но был смещен с поста Улуг-тутука, который занял третий сын кагана Кутлуг Чор-тегин. Впоследствии Тон бага-таркан в значительной мере восстановил свои позиции при дворе и в 765 г. уже занимал должность внешнего министра. Такая трактовка объясняет оппозицию Тон бага-таркана официальному курсу Бёгю-кагана не только его несогласием с его политикой, но и имевшими немаловажное значение личными отношениями между ними.

Основанием для переворота, совершенного группировкой Тон бага-таркана, послужило несогласие с решением Бёгю-кагана о совершении набега в Китай, принятым им по совету согдийцев. О перевороте в Ордубалыке известно из доклада танского посланника к уйгурам Лян Вэньсю, ставшего его свидетелем. Во время переворота были убиты сам Бёгю-каган и около двух тысяч его родичей и сторонников, среди которых было немало согдийцев. Среди убитых были также двое сыновей кагана, родившихся от брака с китайской принцессой Сяо Нинго (Млад-

шая Нинго). Убийство кагана, естественно, привело к военным столкновениям разных группировок. Ситуация, создавшаяся в каганате в результате переворота, достаточно точно охарактеризована в докладе танского военачальника, наместника пограничной с уйгурами провинции: “Собственный род уйгуров немногочисленен. Они сильны только благодаря поддержке согдийцев (ху). Ныне они (т.е. уйгуры и согдийцы) между собой как рыба и мясо (т.е. находятся в противоборстве). Только что на трон взошел Дунь Мохэ (Тон-бага). Сын Идицзяня от наложницы (т.е. сын Бёгю-кагана), а также министры-буюруки (госян-мэйлу) - каждый с несколькими тысячами воинов, напали на него (т.е. Тон бага-таркана). В [их] государстве еще не утвердился порядок” [ЦЧТЦ, цз. 226, 7288].

Переворот Тон бага-таркана по-разному интерпретировался в научной литературе. Д.Позднеев видел в Тон бага-таркане представителя какого-то отличного от Яглакар рода и тем самым рассматривал переворот как результат межплеменной борьбы. Мнение Д.Позднеева получило развитие в трудах других ученых. Л.Н.Гумилев принимал Тон бага-таркана за ставленника шести телеских племен, имевших равное положение с уйгурами, и считал, что переворот упразднил преимущественное положение токуз-огузов, понимая под последним лишь собственно уйгуров [Гумилев 1967, 408, 425]. Между тем, Тон бага-таркан являлся двоюродным братом убитого им Бёгю-кагана и принадлежал к тому же царскому роду Яглакар, что говорит о несостоятельности обеих интерпретаций.

Наиболее достоверная интерпретация переворота была впервые предложена японским исследователем Тадзака Кодо, охарактеризовавшим его как антисогдийский и антиманихейский. Достаточные основания считать его антисогдийским предоставляют китайские источники. Антиманихейскую же направленность переворота Тадзака Кодо обосновывает свидетельствами древнеуйгурских турфанских текстов. По его мнению, Тон бага-таркан идентичен “таркану” одного из уйгурс-

ких текстов, который возглавил группировку, выступившую против принятия манихейства Бёгю-каганом в 763 г. Еще одним доводом может служить, как считает Тадзака, принятый узурпатором титул “Алп Кутлуг бильге каган”, отличающийся от титулов других уйгурских правителей и прежде всего от титула Бёгю-кагана тем, что в нем отсутствуют выражения, характерные для приверженцев манихейства “ай тэнгрида” и “кун тэнгрида” [Тадзака 1940, 223-232; Mackerras 1972, 152, п. 146].

Переворот в Ордубалыке произошел не без участия Танской династии, о чем говорит и присутствие во время переворота танского посла. Танская династия, в отношении которой Бёгю-каган в последние годы своей жизни предпринимал агрессивные действия, была заинтересована в смене власти в каганате. Вступивший на престол в 778 г. император Дэцзун в отличие от своих предшественников с самого начала своего правления избрал жесткую политику в отношении уйгуров. Это в значительной мере объяснялось его личной неприязнью к Бёгю-кагану, нанесшему ему оскорбление в 762 г. во время похода уйгуров в Китай. Унаследовав трон, Дэцзун издал указ, ограничивавший права выходцев из уйгурского каганата - уйгуров и согдийцев, которым было запрещено носить китайскую одежду и вступать в брак с китайками. Затем последовал более резкий шаг - император приказал покинуть Чанъань всем уйгурам и согдийцам из каганата, численность которых доходила до тысячи. В середине 780 г. из Чанъани вышел в путь большой караван, возглавляемый Тудуном, дядей нового уйгурского правителя Тон бага-таркана. Прибыв в пограничное воеводство Чжэнь, караван задержался несколько месяцев из-за междоусобных войн в каганате. Тем временем согдийцы, возвращавшиеся вместе с уйгурами в каганат, узнав о печальной участи своих этнических сородичей, попытались бежать обратно в Китай, но им воспрепятствовал Тудун. Тогда они предложили китайцам перебить уйгуров. Китайский наместник Чжан Чжэнь, желавший поскорее избавиться от уйгуров и согдийцев,

приносивших убытки местной казне своим пребыванием в его округе, воспользовался возникшим между ними раздором, чтобы расправиться с ними. Он приказал пригласить их на пиршество, напоить и убить.

Устроенная танскими властями резня уйгуров и согдийцев в приграничной области вызвала негодование уйгурского двора и, когда тела четырех высокопоставленных уйгуров были доставлены в Ордубалык, танский посланник, сопровождавший убитых, едва не поплатился жизнью. Он был задержан уйгурами и был продержан в заточении в течение почти пятидесяти дней. Мнения относительно ответных действий уйгуров разделились, большая часть уйгурских вельмож выступала за то, чтобы предать смерти танского посла. Однако каган решил “не смывать кровь кровью” и приказал отпустить его, но при этом потребовал выплатить стоимость уйгурских лошадей, оценив долг Танской династии уйгурам в 1 миллион 800 тысяч кусков шелка. В 782 г. Дэцзун выплатил уйгурскому посланнику Кан Чисиню 100 тысяч кусков шелка и 100 тысяч ляннов серебра и золота и объявил о разрыве отношений с каганатом [ЦЧТЦ, цз. 227, 7330].

К.Макеррас, присоединяясь к оценке переворота, данной К.Тадзака, добавил, что он носил также прокитайский характер [MacKerras 1972, 38]. На первый взгляд, танские источники действительно дают основание для такого определения: Тон бага-таркан выступил против решения Бёгю-кагана совершить поход в Китай, довольно миролюбиво отреагировал на пограничный инцидент, при котором погиб его дядя, а в последующем, в 787-788 гг., ратовал за восстановление дружественных отношений с Танами и заключение династийного брака. Вместе с тем интерпретация событий китайскими историографами не всегда заслуживает доверия. Так, слова Тон бага-таркана о величии танского государства, как справедливо отметил К.Макеррас, могли быть просто приписаны ему историографами с целью прославления Танской империи. На наш взгляд, реак-

ция Тон бага-таркана на инцидент в условиях, когда в стране еще не утихли междоусобные войны, была совершенно разумной. Что касается танско-уйгурского договора 788 г., то он заключался в иной политической обстановке и не может служить подтверждением тезиса о прокитайском характере политики Тон бага-таркана. Серьезным аргументом в пользу неправомерности указанного тезиса может служить позиция уйгуров в восстании в Хэбэе (781-786 гг.).

Восстание хэбэйских губернаторов явилось следствием внутренних реформ, проводившихся императором Дэцзуном на начальном этапе его правления, особенно тех мероприятий, которые были направлены на ограничение власти губернаторов северо-восточных провинций Китая. Северо-восточные провинции, являвшиеся базовой территорией восстания Ань Лушаня, после его подавления приобрели довольно большую самостоятельность, которая, в частности, проявлялась в том, что должность губернатора практически превратилась в наследственную: император лишь утверждал преемника того или губернатора после того, как тот уже занимал наследованную им должность. Дэцзун впервые попытался покончить с этой практикой и распространить на Хэбэй реальную власть двора. В 781 г. он отказался утвердить в должности главы провинции сына одного из губернаторов, что было расценено губернаторами Хэбэя как вызов и покушение на их самостоятельность и побудило их взяться за оружие. Восстание поначалу вспыхнуло в трех провинциях - Чэндэ, Вэйбо и Пиньлу, вскоре оно перекинулось на весь Хэбэй и даже охватило некоторые районы Центрального Китая. Чжу Цы, брат мятежного генерала Чжу Тао, в 783 г. поднял восстание в Чанъане, вынудив императора бежать из столицы.

Во время восстания хэбэйских губернаторов уйгуры и тибетцы заняли позиции, совершенно противоположные тем, которые они занимали во время предыдущего восстания. На этот раз в роли союзников танской династии выступили тибетцы.

Прервав отношения с Уйгурским каганатом, Дэцзун ориентировал внешнюю политику Танской династии на сближение с Тибетом. Еще в 780 г. он предложил Тибету заключить мирный договор, который после долгих переговоров был достигнут в 783 г. Согласно этому договору, Китай уступил Тибету часть своей территории, которая была уже занята им, а также между двумя государствами проводилась пограничная линия. На территориальные уступки Дэцзун был вынужден пойти из-за начавшегося в Хэбэе восстания. Кроме того, ему пришлось обратиться к тибетцам за помощью в борьбе с повстанцами, пообещав им за нее передать западные наместничества в Восточном Туркестане [ЦЧТЦ, цз. 231, 7442].

Тем временем уйгуры, находившиеся в конфронтации с Танской династией, оказали поддержку восставшим. Участие уйгуров в Хэбэйском восстании длительное время оставалось вне поля зрения исследователей, так как главный источник сведений об уйгурах, “Повествование об уйгурах” танских династийных историй, не содержит об этом никакой информации. Сведения об участии уйгуров в восстании историографы поместили в жизнеописаниях хэбэйских губернаторов Чжу Тао, Ван Уцзюня и Чжу Цы. Впервые на них обратила внимание И.Эче-ди [Eczedy 1964, 88], после которой несколько подробнее их изложил К.Македдас во втором издании своей книги, однако, предложенная им интерпретация событий не может быть принята полностью [Mackerras, 1972, 39-41].

Участие уйгуров в антитанском мятеже хэбэйских губернаторов (781-786 гг.) стало вторым в истории Уйгурского каганата случаем вовлечения уйгуров во внутренние войны в Китае после восстания Ань Лушаня. Хэбэйские губернаторы обратились за помощью к уйгурам в 783 г., после того, как предводитель взбунтовавшихся войск в столице Чжу Цы объявил о создании им новой династии Хань. Обстоятельства заключения военного союза повстанцев с уйгурами так описываются в “Синь Таншу”, в “Биографии Чжу Тао”: “Ранее уйгуры выдали

девушку замуж за правителя [племени] си. В конце эры правления Дали [766-779] среди си была смута, [во время которой] был убит их правитель. Жена [правителя] бежала и по пути домой остановилась в Пиньлу. [Узнав об этом], Чжу Тао разложил на ее пути парчу и вышитые ткани. Когда она прибыла, он попросил ее выйти за него замуж. Женщина обрадовалась и дала согласие. Тогда [Чжу] Тао направил посла к уйгурам, чтобы предоставить [им] подарки от зятя. Уйгуры обрадовались и в ответ подарили [ему] знаменитых лошадей и драгоценные предметы. Когда [Чжу Тао] узурпировал титул вана, он вместе с [Ван] Уцзюнем, [Тянь] Юэ и [Ли] На предподнес уйгурам четыре золотых замка с такими словами: “Четыре [наши] владения хотят повиноваться приказу кагана. Почтительно подносим золотые замки, чтобы открывая и закрывая их, [каган мог] давать и принимать то, что им будет повелено. А сейчас [мы] просим дать [нам] войско”. Две тысячи всадников уйгуров последовали [за ними]” [СТШ, цз. 212]. Две тысячи всадников, следовавшие к повстанцам на помощь, видимо, составляли лишь первый уйгурский контингент, появившийся в Хэбэе во время этого восстания. В том же источнике, несколько ниже приведенного текста, упоминается трехтысячное уйгурское войско. О трехтысячном войске уйгуров сообщает также Сыма Гуан в своем труде: “Уйгурский таркан во главе тысячи уйгуров и двух тысяч других инородцев прибыл на северные рубежи округа Ючжоу. Чжу Тао тогда объяснил ему, что он хочет вместе с ним отправиться в Ханань и захватить восточную столицу [Лоян], соединиться с [войсками] Чжу Цы. Он обещал отдать ему в качестве добычи юношей и девушек Хэнани. Тао взял уйгурку в жены второго ранга. Уйгуры называли его “зять Чжу”. [Они] согласились иметь [с ним] свою долю пленных и добычи” [ЦЧТЦ, цз. 220, 7365-7366].

Сообщения о конкретных боевых действиях уйгурской конницы фрагментарны и не позволяют составить целостного представления о всех ее передвижениях и сражениях, в кото-

рых она принимала участие. Известно, например, о факте их грабежа в местности Гуаньтао в первом месяце 784 г. [ЦЧТЦ, цз. 229, 7395]. Известно также, что войска Чжу Тао с уйгурами так и не дошли до Лояна и не смогли соединиться с армией Чжу Цы, изгнанной в скором времени из Чанъани правительственными силами с помощью тибетцев. Помощь уйгуров не повлияла на исход хэбэйского мятежа, который был окончательно подавлен в 786 г.

Последнее упоминание об уйгурах во внутренних войнах в Китае в указанный период относится к 5-му месяцу 784 г. Под этой датой Сыма Гуан помещает в своей хронике подробное описание сражения в округе Бэйчжоу, закончившегося сокрушительным поражением войск Чжу Тао и уйгуров [ЦЧТЦ, цз. 231, 7431-7432]. В “Цзю Таншу” указывается, что в этом бою триста уйгуров попали в плен (ЦТШ, цз. 146). В последующие годы уйгурские правители сохраняли враждебность в отношении Китая. Это видно из следующего заявления одного из танских военачальников Ли Шэна в 785 г.: “Сейчас на западе тибетцы, на севере уйгуры, на юге [мятежники в] Хуайси - все ждут нашего ослабления” [ЦЧТЦ, цз. 231, 7453].

Анализируя события, связанные с участием уйгуров в восстании в Хэбэе, К.Макеррас обратил внимание на то, что прямая конфронтация каганата с Танской династией плохо увязывается с весьма дружественным отношением к ней Алп Кутлуг Бильге-кагана до и после этой конфронтации. Исходя из своей гипотезы о прокитайском характере переворота в Ордубалыке, он объясняет это противоречие следующим образом: помощь повстанцам оказала какая-то группа (или племя) уйгуров, желая отомстить танскому двору за своих родственников, перебитых китайцами во время пограничного инцидента в 780 г. О том, что поход уйгуров в Хэбэй являлся незначительным событием, к которому не имел отношения каган, по его мнению, свидетельствовал, в частности, титул уйгурского военачальника “таркан”. В отличие от предыдущих походов в Китай, возглав-

лявшихся непременно представителем каганского рода, на этот раз уйгурами командовало лицо, имевшее невысокий ранг [Mackerras 1972, 41]. Между тем, из цитированного нами текста видно, что экспедиция уйгуров в Хэбэй санкционировалась непосредственно каганом, который, однако, отнесся к ней довольно осторожно. Во-первых, командующим войском был назначен один из ординарных военачальников; во-вторых, само войско было сформировано в большей степени из инородцев - по Сыма Гуану, уйгуры составляли лишь 1/3 часть от общей численности воинов, остальная же состояла из "смешанных инородцев". Заслуживает внимания и тот факт, что за повстанческого руководителя Чжу Тао была выдана замуж женщина, не принадлежавшая к царскому роду (иначе она бы не стала женой второго ранга). Все эти предосторожности оправдали себя в ходе последующих событий, когда возникла необходимость в восстановлении мира с китайской империей. Заинтересованный в союзе с каганатом танский двор "закрыв глаза" на враждебные действия уйгуров во время хэбэйского восстания.

Используя широко применявшийся еще со времен Конфуция способ сокрытия отдельных фактов [Historians 1961, 51-52], составители династийных историй поместили сведения об участии уйгуров в выступлении хэбэйских правителей не в специальном повествовании об уйгурах, а в биографии предводителей мятежа Чжу Тао, Чжу Цы, Ван Уцзюня. Последнее обстоятельство послужило причиной того, что союз уйгуров с хэбэйскими губернаторами в их борьбе с Танской династией длительное время оставался вне поля зрения исследователей.

Для объяснения мотивов оказания Уйгурским каганатом помощи мятежникам представляется важным факт совпадения во времени пребывания уйгурского контингента на территории Китая с танско-тибетским союзом в 784-786 гг. По всей вероятности, поддержка уйгурами повстанцев явилась реакцией на заключенный в 783 г. китайско-тибетский мирный договор. Поддержка уйгурами восстания против танской династии яв-

лялась логичной в условиях конфронтации между Уйгурским каганатом и Китаем. Она продемонстрировала гибкость уйгурской политики в отношении Танов, характер которой зависел от собственных интересов уйгуров.

Восстание в Хэбэе вынудило императора Дэцзуна пересмотреть отношение к статусу северо-восточных провинций: по образному выражению Э.Пуллиблэнка, Дэцзун потревожил “осиное гнездо” и был вынужден вернуться к политике своего отца, вернув северо-востоку автономию в управлении местными делами [СТШ, цз. 212, 1606]. Наряду с внутренними реформами не оправдала себя и внешняя политика Дэцзуна. Война с повстанцами показала, что тибетцы, на которых ориентировался Дэцзун во внешней политике, являются ненадежными союзниками. После многих инцидентов танско-тибетский союз окончательно распался в 784 г. Одной из главных причин распада союза был отказ Танской династии передать Тибету западные наместничества за оказанную им помощь. Значение танско-тибетского договора, заключенного в 783 г., несколько преувеличивается А.Г.Малявкиным, который считает, что после его подписания “взаимоотношения между двумя суверенными государствами носили в основном мирный характер” и что “военные действия на восточных границах Тибетского государства прекратились. Тибетцы активизировали борьбу за обладание Кашгарией” [Малявкин 1983, 20]. Как видно, А.Г.Малявкин проводит прямую связь между танско-тибетским союзом и активизацией тибетцев в Восточном Туркестане, между тем как возобновлению борьбы тибетцев за Кашгарию способствовало не заключение этого союза, а разрыв отношений.

Изменение военно-политической обстановки в связи с войной Танской династии с Тибетом заставило Дэцзуна восстановить дружественные отношения с Уйгурским каганатом. Восстановление отношений с уйгурами связано с именем танского министра Ли Би (722-789), одного из главных противников передачи западных наместничеств Тибету (в 784 г). Став

министром в 787 г., Ли Би предложил императору создать анти-тибетскую коалицию, заключив союз с уйгурами, Индией, среднеазиатскими государствами (даши) и государством Наньжао и тем самым окружить Тибет враждебными странами. План Ли Би в целом получил одобрение императора, который, однако, выступил против союза с Уйгурским каганатом. Министру пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы мир с уйгурами был заключен. Симпатии, проявленные Ли Би к уйгурам, И.Эче-ди объясняет тем, что он имел личные интересы в восстановлении дружественных связей с Уйгурским каганатом, ведая поступлением налогов из западных наместничеств, осуществлявшимися через территорию каганата [Eczedy 1964, 88]. Вместе с тем заключение союза с уйгурами диктовалось объективной необходимостью: отказавшись передать формально подчиненные Танской династии западные наместничества Тибету и в то же время не имея возможности защитить их, Китай был вынужден пойти на союз с Уйгурским каганатом, фактически контролировавшим положение в Восточном Туркестане.

В союзе с Танской династией были заинтересованы и уйгуры, однако союз им был выгоден не столько в военно-политическом плане, сколько в экономическом. Кроме имевшего для уйгуров несомненное политическое значение династийного брака с Танским домом танско-уйгурский союз 788 года не давал уйгурам никаких других военно-политических прерогатив, но он предоставлял уйгурам возможность торговать с Китаем. Положения договора, зафиксированные с китайских источников, сводились главным образом к регулированию торговых отношений между двумя государствами, точнее определению тех условий, на основе которых Танская династия соглашалась вести торговлю с уйгурами. Условия были следующие: 1) уйгурский каган признавал себя вассалом (чэнь) танского императора, 2) число уйгурских посланников в Китай не должно было превышать 200 человек (под "посланниками" имелись в виду торговые посредники), 3) количество лошадей, пригоняемых

уйгурами, не должно было превышать одной тысячи голов, 4) уйгуры не должны угонять к себе китайцев и торговцев-согдийцев (шан ху) [ЦЧТЦ, цз. 233, 7504-7505]. Е.Т.Тюнь, изучавшая танско-уйгурский договор, допустила ошибку, указав неверную дату его заключения - 783 г. [Тюнь 1987, 154-158]. Эта неточность, восходящая к переводам Н.Я.Бичурина и ставшая переходящей ошибкой в научной литературе, вызвала неверную реконструкцию международной обстановки, в которой заключался договор [Бичурин 1950, 326].

После подписания договора с Уйгурским каганатом для Танской династии отпала необходимость заключения предполагавшихся союзов с другими государствами, поскольку главная роль в борьбе с Тибетом в планах Ли Би отводилась именно уйгурам. Впрочем, несколько позже Танской династии удалось привлечь на свою сторону южного соседа - государство Наньжао. Антитибетский союз уйгуров с Китаем был реализован во время начавшейся вскоре после его заключения уйгуро-тибетской войны в Восточном Туркестане.

4. Уйгуро-тибетская война в Восточном Туркестане (790-792 гг.)

Начальный этап уйгуро-тибетской войны в Восточном Туркестане получил довольно подробное освещение в танских источниках благодаря тому, что на этом этапе в ней приняли участие остатки гарнизонов в бывших танских западных наместничествах - Аньси и Бэйтине. Источники сообщают, что уйгуры подвергали жестокому насилию и грабежу племена, которые обитали в районе Бэйтина (Бешбалыка) и находились в их подчинении. Восстание этих племен против уйгуров в 789 г. было поддержано тибетцами, которые не замедлили воспользоваться ситуацией для вторжения в Восточный Туркестан. Среди племен, вступивших в союз с тибетцами против уйгуров, называются западнотюркское племя шато, карлуки и тюр-

ки в белой одежде: “более 6000 аилов шато были тесно связаны с Бэйтином и также находились в подчинении уйгуров. Уйгуры произвольно грабили их, и народ выражал недовольство. Карлуки и тюрки в белой одежде жили в согласии с уйгурами, но также жаловались на их грабежи. Тибетцы с помощью дорогих подарков подкупили и завлекли их, и они присоединились [к тибетцам]. И тогда тибетцы, возглавив карлуков и [тюрков] в белой одежде, в предшествующем году (790 г.) вторглись в [район] Бэйтина” [ЦТШ, цз. 1966, цит по: Малявкин 1983, 138].

В приведенном сообщении требует пояснения выражение “тюрки в белой одежде” (бай фу туцзюэ). Дж.Р.Гамильтон и И.Эчеди считают, что оно употреблено китайскими историографами в отношении тех западнотюркских племен, которые помогали правителю Хорасана Абу Муслиму в борьбе с аббасидами и в 780-783 гг. приняли участие в восстании его приверженцев в Бухаре, а после поражения восстания бежали в Восточный Туркестан [Hamilton 1955, 50; Eczedy 1964, 97, п. 14]. Вместе с тем И.Эчеди отмечает, что белый цвет являлся священным у манихеев. На самом деле, более предпочтительным кажется рассматривать этих тюрков как приверженцев религии Мани.

Исходя из цитированного сообщения, И.Эчеди относит к сторонникам тибетцев и племя шато. Однако из других сообщений танских источников известно, что шато были насильственно подчинены тибетцами и позже переселены из Бэйтина в район Хэси. Во время войны с уйгурами в начале IX в. тибетцы, опасаясь, что шато перейдут на сторону противника, попытались вновь переселить их, но на этот раз шато бежали от них в пределы танского государства. Поэтому, очевидно, что шато не поддерживали тибетцев, союзниками же тибетцев были карлуки и тюрки. Именно при поддержке последних тибетцы вторглись в район Бешбалыка в 790 г. Отбив подоспевшие на помощь Бэйтину уйгурские войска во главе с Иль Угаси (Сеюй-цзясы), они окружили город, оборону которого вел небольшой

контингент танских войск губернатора Ян Сигу. Силы оказались слишком неравные и город был взят тибетцами. При этом “Цзю Таншу” обращает внимание на то, что жители Бэйтина предпочли сдаться тибетцам, чем находиться под властью уйгуров: “Жители Бэйтина страдали от уйгуров и в этом году всем городом сдались тибетцам” [ЦТШ, 1966, 10а].

После падения Бешбалыка Ян Сигу с двухтысячным войском бежал в Сичжоу (Турфан), располагавшийся юго-восточнее Бешбалыка. Осенью 790 г. он присоединился к Иль Угаси, который прибыл из Ордубалыка во главе войска, состоявшего примерно из 50-60 тысяч человек. Совместный поход в Бешбалык оказался безуспешным: на этот раз тибетцы и карлуки нанесли серьезные поражения Ян Сигу и Иль Угаси, и из двух тысяч танских воинов в живых остались только 160. Вместе с этими воинами Ян Сигу по совету уйгурского военачальника, обещавшего переправить его в Чанъань, отправился в ханскую ставку. Там он был задержан уйгурами и убит.

Захватив Бешбалык, тибетцы напали на Сичжоу, который, несмотря на упорное сопротивление жителей, также был занят ими. Тем временем карлуки заняли долину реки Футу (Будды), вытеснив оттуда уйгуров. Местоположение этой реки точно не указывается в источниках. Такео Абэ локализовал ее в районе бывшего танского округа Тин-чжоу в уезде Пулэй, т.е. в районе озера Баркуль в Восточном Туркестане [Абэ 1955, 166]. Мнение Абэ является небезосновательным, так как, судя по контексту сообщения, река Футу находилась недалеко от Сичжоу: когда карлуки захватили долину, “уйгуры перепугались и полностью переселили племена, овец и лошадей из Сичжоу в район к югу от ставки кагана для того, чтобы укрыть их” [ЦТШ, цз. 1966, 10а].

С разгромом войска Ян Сигу и других мелких танских подразделений окончательно было ликвидировано танское присутствие в Восточном Туркестане. В последующем войну с тибетцами вели только уйгуры, об успехах которых танский двор мог

судить лишь по информации, поступавшей через уйгурских посланников в Чанъане. О дальнейшем ходе уйгуро-тибетской войны “Цзю Таншу” сообщает следующее: “В 8 луну 7 года (эры правления Чжэньюань, 3.09.-2.10.791) уйгуры прислали послов, которые представили [императору] пленников и скот, захваченные у разбитых ими в Бэйтине тибетцев и карлуков. Ранее тибетцы вторглись в Линьу, где потерпели поражение от уйгуров, которые ночью атаковали их огнями, испугали и заставили отступить. В 12 луну (30.12.791-57.1.792) уйгуры прислали генерала Ша-чжи, который представил [императору] пленного - старшего вождя тибетцев [Шан] Цзесина” [ЦТШ, цз. 195, 10а]. Из этого сообщения уйгурских посланников видно, что через несколько месяцев после поражения Иль Угаси уйгуры предприняли широкое контрнаступление в Восточном Туркестане и даже пришли на помощь танской армии в Шофане, в северном округе танского государства. На этот раз им удалось разбить тибетцев и карлуков под Бешбалыком.

Танские источники не содержат сведений о дальнейшем развитии уйгуро-тибетской войны. Исходя из приведенных выше свидетельств, можно считать, что война была выиграна уйгурами. Однако некоторыми исследователями ставится под сомнение достоверность сообщений уйгурских послов о победе уйгуров в Бэйтине. Так, японские ученые О.Тадзака и Х.Са-то считали, что эти сообщения были лишь победными реляциями уйгуров, пытавшихся скрыть свои неудачи в войне перед танским двором. К их мнению присоединилась И.Эчеди, которая сделала вывод, что в результате войны территории Бэйтина и Аньси “попали в руки тибетцев и уйгуры, несмотря на временные успехи, не смогли изгнать тибетцев. Они сумели это сделать лишь спустя несколько десятилетий после бегства от кыргызских войск (ок. 840 г.)” [Eczedy 1964, 83]. Между тем утверждения о недостоверности сведений “Цзю Таншу” не обосновываются сколько-либо существенными доводами, а тем более никакими письменными свидетельствами.

Значительно более обоснованным является заключение о том, что уйгуро-тибетская война завершилась в пользу уйгуров, изгнавших тибетцев из временно занятых ими районов. Сторонниками такой точки зрения были японские ученые Ханеда Тору и Такео Абэ. Такео Абэ, в отличие от Ханеда Тору, доказывал ее не только китайскими материалами (в том числе Карабалгасунской надписью), но и не зависящими от них турфанскими текстами на уйгурском и среднеперсидском языках. Следует заметить, что в последующем учеными было обнаружено в письменных источниках немало других сведений, подтверждающих правомерность вывода Т.Абэ об исходе уйгуро-тибетской войны. Подробный анализ дополнительных сведений по данному вопросу принадлежит другому японскому исследователю Т.Мориясу, который убедительно доказал ошибочность выводов О.Тадзака, Х.Сато и И.Эчеди. Некоторые положения статьи Т.Мориясу воспроизвел в своей книге А.Г.Малявкин, который, тем не менее, не присоединился к нему и повторил выводы его оппонентов [Малявкин 1983, 139-143].

Вопрос об исходе войны в Восточном Туркестане имеет принципиальное значение, поэтому необходимо подробнее воспроизвести основные аргументы в пользу вывода о победе Уйгурского каганата в этой войне. Прежде всего такое заключение следует из Карабалгасунской надписи, в которой содержится подробное описание уйгуро-тибетской войны в Восточном Туркестане. В китайской версии повествование об этой войне начинается с сообщения о столкновениях уйгуров с тибетцами и карлуками в Юньхэчу, местоположение которой еще не установлено: “Еще карлуки вместе с тибетцами неоднократно вторгались с грабежом. [Тогда] фланговые войска... в Юньхэчу оказали сопротивление противнику”. Далее сообщается о войне за Бэйтин: “[Бэй]тин наполовину был захвачен, наполовину окружен. Тогда небесный каган лично возглавил всю армию, пошел походом и уничтожил главного злодея, возвратил города, земли

кормления, простой народ, живность” [Ханеда 1957]. Как видно, его сообщение подтверждает достоверность донесений уйгуров в Чанъань о победе уйгуров над тибетцами и карлуками в конце 791 г. - начале 792 г., зафиксированных танскими источниками.

Китайская версия надписи содержит также дополнительные сведения о военных действиях уйгуров. К ним относятся сообщения о сражении под Кучой: “Затем вся армия тибетцев напала и окружила Кучу. Небесный каган с войсками пришел на помощь. Тибетцы бежали в Юй-шу. [Там] были с четырех сторон окружены и разом разбиты” [Ханеда, 1957а]. Фраза “тибетцы бежали в Юй-шу” была переведена В.П.Васильевым “туфаньцы, побежав, попали в засаду” [Васильев 1897, 36, 15, стк. XVI]. Разрушенный в тексте надписи иероглиф “юй” был правильно восстановлен Э.Шаванном - П.Пельо и Ханеда Тору. Ханеда Тору ссылается на текст “Тун цжи”, в котором дается локализация гарнизона Юй-шу. В аналогичном, но более подробном тексте “Синь Таншу” говорится: “От Яньци (Карашара) на запад через 50 ли минуют заставу Темынь (Железные ворота), еще через 20 ли достигают сторожевого гарнизона Юй-шу” [СТШ, цз. 436, 17а; цит. по: Малявкин 1989, 314, пр. 911]. Тем самым гарнизон Юй-шу находился в 70 ли (около 35 км) западнее Карашара. Определив местоположение Юй-шу, можно установить, что войска уйгурского небесного кагана нанесли поражение тибетцам под Кучой, затем преследовали их в восточном направлении, миновав Карашар, настигли и разгромили их у крепости Юй-шу.

Чрезвычайно интересная информация, касающаяся положения в Восточном Туркестане после уйгуро-тибетской войны, была извлечена Т. Мориясу из послесловия буддийской сутры-дхарани (заклинания) на китайском языке, обнаруженной в Дуньхуане и хранящейся ныне в китайском фонде Пельо под номером 3913. В послесловии сутры дается краткая история ее создания. Сутра была переведена на китайский язык с санскрита в Аньси (Куче) монахом по имени Лю Тяньцзянь в 753 г., а

послесловие к ней написано через сорок лет., в 793 г. Поначалу сутра получила распространение в Хотане и Куче, впоследствии с ней познакомился китаец Ли Фусюй, занимавший высокий пост в Сичжоу (Турфане). Ли Фусюй, которому очень понравилось содержание сутры, пожертвовал средства буддийскому монастырю для сооружения камня с вырезанным на нем текстом сутры. Текст сутры на камне вырезал некий Чжао Яньбин, до монашества занимавший высокий пост в Бэйтине. Далее сообщается, что в 792 г. Сичжоу пал, однако при этом не указывается, кем же он был захвачен. После этого Чжао Яньбин и Ли Фусюй оказались в Ганьчжоу (совр. Ганьсу), занятом тогда тибетцами. Покидая Сичжоу, в панике Чжао Яньбин не захватил китайскую рукопись сутры и потому, попав в Ганьчжоу, не сумел сразу воспроизвести и записать ее. Но вскоре в Дуньхуане появился монах, который знал эту сутру наизусть. С его слов и была записана сутра в 15-й день 10-го месяца 793 года. Чжао Яньбину не удалось сверить записанную сутру с текстом оригинала, оставшимся в Сичжоу из-за того, что в это время отсутствовала связь между Ганьчжоу и Сичжоу.

Японский ученый У. Дайсюн, которому принадлежит первая публикация сутры, высказал мнение о том, что в послесловии к ней речь идет о захвате тибетцами Сичжоу (Турфана) в 792 г. Подробный анализ приведенных выше сведений позволил Т.Мориясу сделать другой вывод: в 792 г. Сичжоу был захвачен не тибетцами, а уйгурами. Задавшись вопросом, что заставило двух бывших танских чиновников покинуть Сичжоу и перебраться в Ганьчжоу, который находился в руках тибетцев, Т.Мориясу указал на два возможных ответа, а именно: 1) в 792 г. Сичжоу был занят тибетцами, которые насильственно переселили этих людей в Ганьчжоу; 2) сначала Сичжоу был занят тибетцами, но затем его атаковали уйгуры, которые и заняли его в 792 г. При этом чиновники были переселены тибетцами насильственно, либо переселились сами, чтобы не оказаться жертвами уйгуро-тибетских сражений под Сичжоу. Из двух от-

ветов Т. Мориясу предпочел второй и основанием для этого послужил тот факт, что Чжао Яньбин, находясь в Ганьчжоу под властью тибетцев, не смог получить оригинал сутры из Сичжоу (Турфана), что, по его мнению, свидетельствует об отсутствии в указанное время связи между этими двумя пунктами, а это было возможно лишь в том случае, если Сичжоу находился в руках противников тибетцев - уйгуров [Мориясу 1973, 77-80; Moriyasu 1981, 199).

Сопоставив полученные из послесловия сутры-дхарани сведения с показаниями танских источников, Т.Мориясу предлагает следующую реконструкцию хода уйгуро-тибетской войны. Тибетцы с союзными племенами захватили Бэйтин (Бешбалык) в 790 г. Танский военачальник Ян Сигу бежал из Бэйтина в Сичжоу, который еще не подвергся нападению тибетцев. Последнее свидетельствует, что тибетцы попали в район Бэйтина не со стороны Хэсийского коридора - в этом случае они сначала захватили бы Сичжоу, лежавший на пути из Хэси в Бэйтин, а через пустыню, расположенную между оз. Лобнор и Карашаром. Захватив Бэйтин, тибетцы двинулись на юго-восток и заняли Ичжоу (Хами) и Гуачжоу. Поскольку Сичжоу находился между Бэйтином и Ичжоу, то он также подвергся нападению тибетцев, которые захватили его примерно в 790-791 гг. В конце 791 г. - начале 792 г., по данным танских источников, уйгуры изгнали тибетцев из Бэйтина. После этого в 792 г. ими был возвращен Сичжоу.

Т. Мориясу справедливо замечает, что исход уйгуро-тибетской войны не решался в каком-то одном сражении. Сообщения танских источников говорят о том, что сражения за Бэйтин длились несколько месяцев (осень 791 г. - зима 792 г.). При этом, по его мнению, первое уйгурское посольство, прибывшее в Чанъань в 8-м месяце 791 г., доставило лишь сведения о самых первых успехах уйгуров.

Логично было бы ожидать, что после поражения от уйгуров в 792 г. тибетцы предпримут ответное наступление и попы-

таются взять реванш, однако, никаких сведений об этом в источниках нет. Впрочем, отсутствие подобных сведений ни о чем еще не говорит, так как после разгрома танских войск на западе уйгуро-танские отношения пошли на свертывание и окончательно были прекращены в 795 г. Все же Т.Мориясу дает вполне убедительное объяснение отсутствию сведений о наступлении тибетцев после 792 г. Тибетцы не могли возобновить войну с уйгурами в Восточном Туркестане по той причине, что именно в это время танские войска проводили успешные операции против них на юго-западных границах империи. Положение тибетцев в Восточном Туркестане значительно осложнилось также из-за перехода в 794 г. на танскую сторону их бывшего союзника, государства Наньжао, начавшего активные военные действия против Тибета [Мориясу 1981, 79-83].

Сведения о восстановлении уйгурского протектората в Восточном Туркестане в конце VIII - начале IX вв. содержатся в турфанских текстах. Так, в одном из уйгурских текстов имеется такая запись: “Божественный уйгурский хан Бугут, прибыв в Кочо, в год Овцы для утверждения трех махистаков (манихейских монахов - *А.К.*) провел беседу с *можжаком* (иерархом - *А.К.*)” (Le Coq, 1912. S. 147). Упомянутого в этом тексте уйгурского хана А. фон Лекок, В.Банг и А. фон Габен идентифицировали с уйгурским Бёто-каганом (759-779) [Le Coq 1912, 149; Bang, Gabain 1929, 413]. Соответственно они принимали год Овцы за 763 год. Такая датировка была отвергнута Такео Абэ, который считал, что год Овцы не может быть 763 годом, потому что только в начале 763 г. манихейство было провозглашено государственной религией Уйгурского каганата и посещение каганом с религиозной миссией Кочо в том же году является сомнительным. Т.Абэ предложил считать годом Овцы текста 803 год. Такая датировка основывалась на идентификации Бугухана с уйгурским Кутлуг-каганом из племени эдиз, правившим в 795-805 гг. Если верна интерпретация Абэ, то в 803 г. Кочо, согласно указанному тексту, входил в состав Уйгурс-

кого каганата [Абэ 1955, 207-210].

Если приведенный текст оставляет возможность для иной интерпретации, то следующий фрагмент манихейской рукописи содержит почти однозначную информацию: “Затем святой монах Будда направился в небесное государство. Впоследствии, через 552 г., в год Свиньи, глава учения, находящийся в Отоюкене, имел совершенную добродетель; снова сказал Бильге бегтенгри мар нив мани махистака, эти два ...” [Le Coq 1911, 12]. При датировке этой записи Т.Мориясу исходит из сообщения о том, что год Свиньи наступил через 552 года после какого-то события. Поскольку в манихейской литературе не сохранилось точной даты рождения Мани, а известен лишь примерный отрезок времени, к которому относится его смерть, то за точку отсчета скорее всего следует брать этот отрезок: 273-276 гг. Временной отрезок, наступивший спустя 552 года после смерти Мани, соответственно дает 795-798 гг., из которых годом Свиньи был 795-й год. Из этого Т.Мориясу делает вывод, что в 795 г. глава манихейского учения находился в центре Уйгурского каганата - Отоюкене, а район Турфана, где обнаружен документ, входил в сферу влияния уйгурского манихейства, а значит и уйгурского государства.

О господстве уйгуров в Восточном Туркестане в начале IX в. свидетельствуют записи арабского путешественника Тамима ибн Бахра, посетившего уйгурскую столицу в 820-821 гг. Тамим ибн Бахр сообщает, что путь от Барсхана (на берегу Иссык-куля) до Ордубалыка он проехал на коне за сорок дней - 20 дней ехал по степным районам, затем 20 дней - по земледельческим, при этом сменял на почтовых станциях лошадей, “которые ему присылал каган” токуз-огузов (уйгуров) [Minorsky 1948, 283]. Токуз-огузский каган мог присылать ему лошадей лишь в том случае, если районы, через которые пролегал его путь, находились под влиянием уйгуров. Свидетельство Тамима перекликается с сообщением согдийской версии Карабалгасунской надписи об учреждении небесным каганом “постоя-

лых дворов” (стк. 20, перевод В.А.Лившица). Заслуживает внимания также показание Тамима о том, что население сел и городов, через которые он проезжал, состояло из тюрков, исповедавших главным образом манихейство. Сведения подобного характера могут быть извлечены также из манихейского сборника гимнов на среднеперсидском языке из Турфана “Махрнамаг”, точнее из колофона этого сочинения, датируемого 820-821 гг., правлением уйгурского Баои-кагана. В нем указывается, что в Кочо и Карашаре правили ближайшие родичи уйгурского кагана, являвшиеся приверженцами манихейства. Одного из них, правителя Кочо авторы сочинения именуют Яглакар Иналом [Henning 1938, pt. 3, 566-567].

После войны с Тибетом Уйгурский каганат не только восстановил свои позиции в Восточном Туркестане, но даже расширил зону своего влияния в западном направлении, о чем свидетельствуют Карабалгасунская надпись и арабские источники. В финальной части Карабалгасунской надписи сообщается о походе уйгурского небесного кагана, именуемого Бильге-каганом, в Среднюю Азию - в Фергану и на Сырдарью: “[Бильге-каган] напал на карлуков и тибетцев, захватил их флаги и обезглавил [их]. Когда [они] бежали на север, [он] достиг на западе государства Бахэна (Фергана), захватил его население, скот и имущество. Ябгу [карлуков], не приняв его приказа, покинул свою землю... Бильге-каган девяти фамилий [уйгуров] вновь покорил карлуков, назначил [их] правителем мудрого и благоклонного Чжэньжу-еху (Йинчи-ябгу). К тому же [племена] десяти стрел, три [тюргеша]...” [Ханеда 1957а, 324]. Из цитированного текста китайской версии надписи явствует, что в ходе похода в Среднюю Азию уйгурами была подчинена западная часть карлуков, поддерживавших тибетцев в их войне с уйгурами. Во время создания памятника эти карлуки обитали на территории Тюргешского каганата, центром которого являлись области Семиречья.

Датировка упоминаемых в памятнике походов уйгуров в

Среднюю Азию, к сожалению, затруднена из-за фрагментарности сведений. Существующие датировки основываются на идентификации личности возглавлявшего их “небесного кагана”. Некоторые исследователи отождествляют “небесного кагана” с уйгурским Хуайсинь-каганом (Кутлугом, 795-805) из племени Эдиз. Сторонниками этой версии были В.В.Радлов, Тадзака Кодо, Такео Абэ [Radloff 1895, 285; Тадзака 1940, 223]. По другой версии, “небесным каганом” следует считать Баоикагана (808-821), в честь которого и сооружен Карабалгасунский памятник. Этой точки зрения придерживались Э.Шаванн, П.Пельо, Ямада Нобуо, Ханеда Тору [Chavannes 1913, 179; Ханеда 1957а, 317-324]. Из названных ученых проблему западного похода уйгуров специально рассматривал лишь Такео Абэ, который связывал его с “западным проектом” династии Эдизов. По его мнению, эдизы, придя к власти в 795 г., предприняли экспансию на Запад и распространили власть Уйгурского каганата до Сырдарьи [Такео 1955, 169-199]. Трактровка Т.Абэ была отвергнута А.Г.Маялкиным, который, однако, свел ее критику лишь к отрицанию достоверности сведений Карабалгасунской надписи. Описанный в ней поход рассматривается им всего лишь как “проникновение телесцев на запад от каганата”, происходившее независимо от каганата [Маялкин 1983, 180]. Между тем достоверность сведений надписи подтверждается сообщениями официальных танских источников. Так, в повествовании о западных тюрках в “Синь Таншу” говорится, что после захвата карлуками Суяба (в Семиречье) часть тюргешей попала в зависимость от них, а “остатки племени [Ашина] Хусело присоединились к уйгурам” [СТШ, цз. 125, 11а]. Ашина Хусело был правителем западнотюркских племен в 685-689 гг., т.е. после падения Западнотюркского каганата. В последующем он бежал в Китай, а его соплеменники признали власть основателя тюргешской династии Уч-элиг-кагана (кагана трех элей) [Маялкин 1984, 140-141]. Сообщение “Синь Таншу” о подчинении тюргешей уйгурам датируется временем более по-

здним, чем середина VIII в. и может быть соотнесено с сообщением согдийской версии Карабалгасунской надписи о том, что уйгурский каган был “государем над девятью родами трех тюргешей” [стк. 20, перевод В.А.Лившица]. Тем самым, нет никаких оснований рассматривать поход уйгуров в Среднюю Азию как проникновение “телесгих племен”, не сопровождавшимся установлением контроля со стороны Уйгурского каганата.

Как справедливо отметил Ямада Нобуо, дата уйгурского похода в Среднюю Азию не может быть установлена путем идентификации “небесного кагана”, так как сведения о деяниях “небесного кагана” относятся частично к Хуайсинь-кагану, частично к Баои-кагану [Ямада 1950, 96]. Определение даты похода возможно путем привлечения сведений арабских исторических сочинений. Арабские источники фиксируют появление уйгуров (токуз-огузов) в Средней Азии в связи с восстанием Рафи ибн-Лейса (806-810 гг.) и восстанием в Нишапуре (821 г.). Согласно Йакуби, в 806-810 гг. в Самарканде произошло восстание против аббасидского халифа, которое возглавил Рафи ибн-Лейс. В критический момент восстания последний обратился за помощью к тюркам, карлукам, токуз-огузам и тибетцам, которые направили к нему вспомогательные войска [Бартольд 1963, 258-259]. Следующее появление уйгуров (токуз-огузов) в Средней Азии относится к восстанию в Нишапуре Абд ар-Рахмана Нишапури ал-Матаввии в 821 г. Арабский историк Табари сообщает, что в этот год уйгуры вторглись в Усрушану, район между Самаркандом и Сырдарьей [Minorsky 1948, 302]. В.В.Бартольд, исходя из своей трактовки этнонима “токуз-огузы”, которая оказалась ошибочной, считал, что токуз-огузы, прибывшие в Усрушану, являлись не уйгурами, а сырдарьинскими гузами [Бартольд 1963, 259]. Однако возможность распространения уйгурского влияния вплоть до Средней Азии в период каганата фактически была признана им в “Двенадцати лекциях по истории турецких народов”, где, касаясь этимологии топонима Барсхан (в районе озера Иссык-Куль), писал:

“Махмуд Кашгарский приводит два других объяснения: по одному, так назывался сын Афрасиаба, по другому - погонщик коней уйгурского царя. Последнее объяснение интереснее, так как из него можно заключить, что уйгуры некогда доходили на западе до Иссык-Куля и что об этом сохранилась память в XI в.” [Бартольд 1968, 84].

Отрицая возможность вторжения уйгуров в Усрушану, А.Г. Малявкин, вслед за В.В.Бартольдом, ссылается на слабость Уйгурского каганата, испытывавшего период упадка и внутренних неурядиц, в условиях которых невозможно было совершенные уйгурами столь далеких походов [Малявкин 1983, 20]. Между тем период упадка и междоусобиц в каганате начался лишь в 830-х гг. (первое насильственное смещение правителя этого периода относится к 832 г.), а начало IX в., наоборот, ознаменовалось новым военно-политическим подъемом уйгурского государства. Об этом свидетельствуют события, связанные с уйгуро-тибетскими и уйгуро-танскими отношениями. В 808 г. уйгурскими войсками был атакован занятый тибетцами город Лянчжоу в Хэсийском коридоре. Тибетцы, опасаясь, что к уйгурам могут переметнуться их бывшие подчиненные племена тюрков-шато, переселенные сюда ими ранее при отступлении из Бешбалыка (после 792 г.), решили в очередной раз переселить их в более отдаленные от уйгуров земли. В результате, шато бежали от тибетцев и подчинились Танскому Китаю. В этой связи обращают на себя внимание слова одного из приближенных тибетского правителя, которые приводятся в “Цзычжи тунцзянь каои”: “Шато первоначально являлись соплеменниками уйгуров. Ныне слышал, что уйгуры усилились. [Шато] непременно переметнутся к ним” [ЦЧТЦ, цз.237].

В китайских источниках также получила отражение активизация боевых действий уйгурских войск в начале IX в. в Восточном Туркестане. В них сообщается о нанесении уйгурами поражения тибетцам в долине Люгу (Ивовой долине) в 813 г.: “В 8-й год (эры правления Юаньхэ, 813 г.) уйгуры перешли пу-

стыню, двинулись на юг и захватили долину Люгу в Западном крае” [СТШ, цз. 218, 2б]. Это свидетельство “Синь Таншу” уточняется Сыма Гуаном: “Зимой, в 1-й месяц, уйгуры двинули войска, перешли пустыню на юге, направились с запада в долину Люгу, ударили по тибетцам” [ЦЧТЦ, цз. 239, 7701]. В тот же год уйгурами был совершен набег на Северный Китай и захвачена танская крепость Западный Шоусян [СТШ, цз. 218, 2а]. Появление же трехтысячной уйгурской конницы во главе с каганом в местечке Пити на севере от большой излучины Хуанхэ, вызвало переполох в северных пограничных районах. Недружественные акции уйгуров в отношении Китая были связаны с отказом императора Сяньцзуна в их просьбе о заключении династийного брака. Необходимость союза с уйгурами была подробно обоснована главой Министерства церемоний Ли Цзяном в его докладе императору в 814 г., который начинался со слов “Уйгуры очень сильны, а северные границы [нашего государства] опустошены. Если они еще раз причинят нам беспокойство, наши слабые воины не смогут противостоять им, и не будет никого, кто охранял бы изолированные города” [СТШ, цз. 217, 9в]. Ли Цзян выражал большую озабоченность возможностью объединения уйгуров и тибетцев: “Уйгуры и тибетцы всегда воюют друг с другом... сейчас уйгуры даже не продают нам лошадей. Если уйгуры заключат договор с тибетцами и ослабят вражду [к ним], тогда наши генералы и их люди закроют свои стены и будут уклоняться от войны [с ними], в то время как население пограничных районов должно будет взять оружие [в руки] и терпеть бедствия” [ЦТШ, цз. 196б; Малявкин 1983, 413]. Доклад Ли Цзяна не был поддержан Сяньцзуном, который отказался от династийного брака с уйгурами, ссылаясь на то, что он очень дорого обойдется казне.

Серьезная попытка вернуть свои позиции в Восточном Туркестане была предпринята Тибетом в 816 г. Об этом мы узнаем из беседы тибетского военачальника и министра Шан Цисира с танским послом, прибывшим в 822 г. в Китай для

заклочения мирного договора. Он сообщал: “Мы в год биншэнь (816 г.) прошли пустыню, атаковали и гнали [уйгуров] до их города в течение 200 дней, громили и уничтожали их. В это время узнали о трауре в нашей стране и вернулись” [ЦТШ, цз. 1966; Малявкин 1983, 413]. Это сообщение анализировалось многими исследователями. Мнения О.Тадзака и Х.Сато, считавших, что речь идет о походе тибетцев в Ордубалык, столицу уйгуров, через западную половину пустыни Гоби, были отвергнуты Т.Мориясу. Им убедительно было доказано, что тибетцы совершили поход в Восточный Туркестан, прошли через пустыню, находящуюся между оз. Лобнор и Карашаром. При этом уйгурским городом, до которого они гнали противника, скорее всего был Бешбалык. Указание о том, что тибетцы преследовали уйгуров 200 дней, является ошибочным, так как в дворцовом издании танских династийных историй, относящемся ко второй половине XVIII в., вместо “200 дней” указаны “два дня” в “Цзю Таншу”, “три дня” в “Синь Таншу” [Мориясу 1973, 76, 86, прим. 46]. Аргументы Т.Мориясу были расценены как “серьезные” А.Г.Малявкиным, который в связи с этим отечает: “Таким образом, во время борьбы за Бешбалык района Турфанского оазиса и Карашара не был захвачен тибетцами” [Малявкин 1983, 143]. Тем не менее он не допускает возможности того, что этот район входил в состав Уйгурского каганата, ссылаясь опять-таки на априорный тезис о переживаемом каганатом в это время периоде упадка. Хотя в цитированном источнике прямо говорится, что тибетцы “атаковали и гнали” уйгуров, А.Г. Малявкин все же делает вывод, что цель тибетского рейда 816 года “заклучалась не в попытке изгнать уйгуров, а ликвидировать их усилившееся влияние и установить тибетский контроль” [Малявкин 1983, 144]. В изданной в 1992 г. книге “Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию” он безоговорочно представляет тибетцев как единственных гегемонов в Восточном Туркестане после уйгуро-тибетской войны [Малявкин 1992, 226]. Между тем письменные источники свидетель-

ствуют о том, что в 816 г. Турфанский оазис принадлежал Уйгурскому каганату и целью тибетского похода было изгнание уйгуров из этого района. О распространении уйгурской власти не только на Турфанский район, но и на район Кучи свидетельствуют сообщения танских источников, относящиеся к заключению мирного договора между Танской династией и Уйгурским каганатом в 821 г. При заключении династийного брака с Танами уйгуры направили большое войско для встречи танской принцессы Тайхэ и защиты ее от возможного нападения тибетцев. В то же время десятитысячное войско уйгуров отправилось в Бешбалык, другое десятитысячное войско - в Кучу на случай открытия тибетцами военных действий в этом районе.

Длительное противоборство Уйгурского каганата и Тибета за господство в Восточном Туркестане закончилось заключением уйгуро-тибетского мирного договора в 822-823 гг., единственная запись о заключении которого сохранилась в тибетском сочинении, написанном в 1167 г. и подробно проанализированном Дж.Сербом [Scerb 1983, 375-387].

Хотя к вопросу об уйгуро-тибетской войне обращались многие исследователи, однако в научной литературе еще не предпринималась попытка определить причины временной потери уйгурами контроля над северными оазисами Восточного Туркестана в 789-790 гг. На наш взгляд, немаловажную роль в этом сыграла антисогдийская и антимианхейская политика Тон бага-таркана (Алп Кутлуг бильге-кагана), которая привела к нарушению установленных Бёгю-каганом близких связей уйгуров с восточнотуркестанской манихейской общиной, что, в свою очередь, создало благоприятную почву для консолидации антиуйгурских сил в этом районе. Столь серьезные последствия политики Тон бага-таркана убедили его преемников в том, что господство уйгуров в Восточном Туркестане может быть в значительной мере обеспечено поддержанием конфессионального единства уйгуров и населения оазисов. Восстановление позиций Уйгурского каганата на Шелковом пути в конце VIII в.,

наряду с упоминанием о военных факторах, объясняется возвращением уйгурских каганов к политике, ориентированной на согдийский запад. Не случайно письменные источники отмечают расцвет манихейства в Уйгурском каганате в начале IX в. О возросшем влиянии манихеев на политику Уйгурского каганата свидетельствует непереносимое сопровождение манихеями уйгурских посольств в Китай. Сообщая о подобном посольстве, прибывшем в 807 г., “Синь Таншу” отмечает: “Впервые их [уйгуров] сопровождали манихеи. Законы последних предписывают есть только вечером, пить воду, употреблять сырые овощи и воздерживаться от кумыса. Каган постоянно допускал их к государственным делам. Манихеи прибывали в столицу и уезжали каждый год. Торговцы западного рынка вели с ними незаконные дела” [СТШ, цз. 217а, 96]. По просьбе манихеев в 807 г. танская администрация построила манихейские храмы в Хэнань и Тайюани [ЦТШ, цз. 14; ЦФЮГ, цз. 999. 11724; Chavannes 1913, 264-275, 276]. В 813 г. император Сюаньцзун принял восьмерых уйгурских манихеев, прибывших с предложением заключить династийный брак между уйгурской и Танской династиями [ТХЯ, цз. 49, 864]. Позже, в 822 г., при заключении этого брака прибыло уйгурское посольство, в составе которого особо отмечаются манихеи. Э.Шефер в своей книге “Золотые персики Самарканда” рассказывает о китайском манихее Цзя Дане, жившем в конце VIII в. и принявшем манихейскую религию от уйгуров, с которыми ему приходилось часто сталкиваться [Шефер 1981, 46]. Уйгуры не только активно проповедовали манихейство за пределами своей страны, но и защищали своих единомыслителей в других государствах. Арабский автор ан-Надим в сочинении “Фихрист аль-улум” (“Оглавление науки”, X в.) зафиксировал случай, когда уйгурский каган выступил в защиту пятиста манихеев, подвергшимся гонениям в Самарканде. Под защитой уйгуров находились также манихейские общины в Китае, которые стали подвергаться гонениям после падения Уйгурского каганата.

Таким образом, северные оазисы Восточного Туркестана находились в сфере влияния Уйгурского каганата с самого его основания до его падения в середине IX в. Лишь в 790-791 гг. уйгурские владения в этом районе временно попали под контроль тибетцев, которые, однако, не сумели удержать их. Уйгуро-тибетская война в 790-792 гг. закончилась восстановлением уйгурского господства. Победа над тибетцами способствовала в дальнейшем распространению уйгурского господства практически на всю территорию Восточного Туркестана.

ГЛАВА V. УЙГУРО-КЫРГЫЗСКИЕ ВОЙНЫ И ПАДЕНИЕ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА

В период упадка Уйгурский каганат вступил после 20-х годов IX в. Ослабление военной мощи уйгуров прежде всего отразилось в начавшейся в 820-х гг. войне с енисейскими кыргызами.

Енисейские кыргызы являлись противниками уйгуров в течение всего периода существования Уйгурского каганата и история уйгуро-кыргызских взаимоотношений представляет собой по сути историю уйгуро-кыргызских войн. На начальном этапе Уйгурского каганата кыргызы приняли активное участие в борьбе против уйгурского господства, присоединившись к антиуйгурской коалиции карлуков, басмылов и тюргешей. Уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану удалось в 758 г. разбить кыргызов и подчинить их своей власти. Однако, в отличие от других племен, кыргызы не вошли в состав уйгурского государства, а лишь попали в зависимость от него. В последующем они сохраняли известную самостоятельность и даже поддерживали близкие связи с противниками уйгуров - карлуками и тибетцами и со среднеазиатскими мусульманскими странами.

Очередное выступление кыргызов против уйгурского господства зафиксировано в Карабалгасунской надписи, которая в числе подвигов уйгурского "небесного кагана" называет его победу над кыргызами: "Ранее, на севере страна кыргызов натянула более 14 тысяч (или: 400 тысяч - А.К.) тетив. Тот [наш] каган с детства был храбрым, смелым, мудрым и отважным, обладал могучей силой. С первой стрелы попадал в цель. Кыргызский каган, встретив его стрелу, погиб. Коров и лошадей [захвачено] огромное количество, оружие громоздилось горой. [Их] государство было уничтожено, [их] земли лишились населения" [Ханеда 1957а, 308-309]. Достоверность сообщения Карабалгасунской надписи о победе уйгуров над кыргызами в

свое время была поставлена под сомнение В.В.Бартольдом, который, датировав это сообщение временем составления надписи, т.е. 820-821 гг. [Бартольд 1968а, 57-58] и сопоставив его со свидетельством китайских источников о неудачном походе уйгуров против кыргызов в 820-х гг., сделал вывод о тенденциозности авторов уйгурского памятника. Однако в надписи и в китайских источниках речь идет о походах, состоявшихся в разные периоды истории каганата. Попытка пересмотра традиционной датировки сообщения Карабалгасунской надписи об уйгуро-кыргызской войне, восходящей к мнению В.В.Бартольда, была предпринята Ю.С.Худяковым. Исходя из идентификации “небесного кагана”, возглавлявшего поход, с Кутлугом (Хуайсином, 795-805), он датировал этот поход 795-м годом [Худяков 1978, 130-137]. Ю.С.Худяков совершенно прав, отождествляя “небесного кагана” данного текста с Кутлугом. Это, однако, вовсе не означает, что все сведения о Кутлуге относятся ко времени после его восшествия на престол (795 г). Так, описанная в надписи война уйгуров с тибетцами происходила несколько раньше, в 790-792 гг. Тем самым в Карабалгасунской надписи получили отражение подвиги Кутлуга, совершенные им во время правления предыдущих уйгурских каганов, при которых он занимал должность министра и был известен под титулом Иль Угаси. Что касается сведений о походе уйгуров против кыргызов, то они приводятся в перечне заслуг “небесного кагана” первыми и непосредственно предшествуют сообщению об уйгуро-тибетской войне в Бэйтине (790-792 гг.). Из этого можно заключить, что названный поход имел место ранее 790 г. или в 790-792 гг. Такое, казалось бы, небольшое уточнение датировки похода тем не менее имеет существенное значение, поскольку позволяет говорить об участии кыргызов в уйгуро-тибетской войне в Восточном Туркестане: кыргызы, поддерживавшие тесные контакты с тибетцами и карлуками, во время войны выступили на их стороне. Очевидно, выступление кыргызов против уйгуров явилось одной из причин первоначальных не-

удач уйгурской армии в Восточном Туркестане. Только разгромив кыргызов, уйгуры сумели начать широкое контрнаступление в Восточном Туркестане, приведшее к восстановлению уйгурского контроля в Таримском бассейне.

Следующий период подчинения кыргызов Уйгурскому каганату длился до 820-х гг., когда их предводитель Ажэ, провозгласив себя каганом, начал войну против своего сюзерена. На этот раз уйгурам уже не удалось подавить выступление кыргызов. Танские источники сообщают, что уйгурское войско потерпело поражение от кыргызов, война с которыми в последующем длилась около двадцати лет и закончилась падением Уйгурского каганата.

Неудачи уйгуров в северной войне сопровождались ослаблением каганской власти и обострением борьбы за престол, впервые проявившимися в дворцовом перевороте в Ордубалыке в 832 г. В этот год был убит правивший Чжаоли-каган (824-832), а его место занял его племянник Ху-тегин, известный также под китайским титулом Чжаньсинь-каган (832-839).

Междоусобная борьба особенно обострилась в последние годы существования Уйгурского каганата. Согласно “Цзю Таншу”, в начало эры правления Кайчэн (около 839 г.) в уйгурской столице была предпринята попытка свержения Чжаньсинь-кагана. Заговор, однако, был раскрыт, а его участники - министр Ань Юньхэ (судя по фамилии, согдиец) и принц Чай Цао преданы смерти. На этом противники Чжаньсинь-кагана не прекратили борьбу. Их предводитель министр Цзюэлоу (Курабир) обратился за помощью к бывшим подданным уйгуров тюркам - шато, жившим в это время в Ордосе. По свидетельству источников, подарив их вождю триста “отличных лошадей”, он заручился его поддержкой и в 839 г. вместе с войском шато напал на каганскую ставку. В ходе столкновения Чжаньсинь-каган был убит, а Цзюэлоу возвел на престол Хэса (иероглифы, входящие в это имя, отличаются от иероглифов в имени Хэса-тегина, правившего в 824-832 гг.).

Танские источники расходятся в показаниях о личности и имени последнего Уйгурского кагана, занимавшего престол в 839-840 гг. Весьма оригинальной является версия “Тан хуэйяо”, согласно которой министр Цзюэлоу и Хэса-каган - одно и то же лицо [ТХЯ, цз. 98, 1749]. Эту версию признавал достоверной Ханеда Тору [Ханеда 1957а, 288-289]. Однако известно, что в сообщениях о последних десятилетиях истории каганата “Тан хуэйяо” допускает немало неточностей, поэтому едва ли его версия может считаться надежной.

Свержение Чжаньсинь-кагана (Ху-тегина) в 839 г. министром Цзюэлоу, имя которого совпадает с наименованием одного из десяти уйгурских родов - Курабир, Такео Абэ рассматривал как реставрацию династии Яглакаров, правившую в каганате до 795 г. Такое мнение, казалось бы, подтверждается кыргызским памятником из Суджи, называющим последнего уйгурского кагана “Яглакар-ханом” [Кляшторный 1959, 163]. Вместе с тем именование кагана “Яглакаром” еще не указывает на то, что он происходил из этого рода, так как уйгурские правители конца VIII - начала IX вв., независимо от их родо-племенной принадлежности, относили себя к царскому роду Яглакаров - только принадлежность к нему давала право на обладание верховной властью. Так, например, Яглакаром считал себя уйгурский каган Кутлуг, несмотря на то, что происходил из токуз-огузского племени Эдиз [СТШ, цз. 217а, 9б]. Под знаменем Яглакаров правили, очевидно, и преемники Кутлуга. Во всяком случае об этом можно судить по слову “яглакар”, сохранившемуся в начальных строках китайской и согдийской версий Карабалгасунской надписи и относящемуся скорее всего к Баои-кагану, в честь которого создана надпись, а также по имени сородича Баои-кагана, правившего в Кочо в 820-821 гг. - Яглакар Инала, уже упоминавшегося выше.

В правление последнего кагана Хэса на уйгурские кочевья обрушились стихийные бедствия, которые в одном из китайских сочинений описываются следующим образом: “Уйгуры

попали в полосу бедствий. Из года в год был неурожай. Произошел падеж скота. Поселения опустели. Бездомные люди бежали в пустыни. Умиравшие в пути устлали пустынные районы” [цит. по: Малявкин 1983, 153]. Другие источники также сообщают об обильных снегопадах и “свирепствовании болезней” в уйгурских кочевьях. В этих условиях сокрушительным оказался удар, нанесенный кыргызами по Уйгурскому каганату. В 840 г. глава одной из противоборствующих группировок Кюлюг Бага, бежавший ранее к кыргызам, привел сотысячное кыргызское войско, которое разгромило уйгуров. Под ударами кыргызов уйгурские племена бежали из Монголии в разных направлениях. Так закончилось свое существование уйгурское государство в Монголии.

Сведения китайских источников о судьбе уйгуров после падения Уйгурского каганата изучались А.Г.Малявкиным, Цзай Вэньшэнем, Т.Мориясу, Т.Абэ. А.Г.Малявкин выделил пять главных направлений миграции уйгуров после 840 г.: “1) северо-восточное - в районы Забайкалья к народу большие шивэй; 2) восточное - в районы киданей; 3) южное, которое подразделяется на два, а именно: а) к границам Китая - в район большой излучины реки Хуанхэ и немного восточнее этого района - к Великой китайской стене; б) Прилашанье (восточная часть современной Ганьсу) и Принаньшанье - в долину реки Эдзингол; все эти территории входили в состав тибетского государства; 4) юго-западное - в Турфанский оазис и в район Кучи... 5) западное - в Джунгарию и Семиречье - район, контролируемый карлуками” [Малявкин 1974, 7]. Из этих направлений основными были три: к Великой китайской стене, в Принаньшанье и Восточный Туркестан [Малявкин 1983, 30].

Миграция уйгуров из Северной Монголии после падения уйгурского государства рассматривается А.Г.Малявкиным как стихийное бегство, явившееся следствием распада каганата “на ряд самостоятельных частей по родо-племенному признаку” [Малявкин, 25]. Такой вывод, однако, не подтверждается дан-

ными источников, которые свидетельствуют об обратном: распад каганата произошел не по родо-племенному признаку, а по политическому. Об этом, в частности, говорит тот факт, что представители одного и того же племени пугу после падения каганата оказались как в южной группе беженцев, так и в восточно-туркестанской. Различие политической ориентации разных групп беженцев обнаруживается при изучении генеалогических связей последних уйгурских каганов с предводителями беженцев.

Южную группу уйгуров возглавил поначалу Уцзе-тегин, провозглашенный позже каганом, а затем его младший брат Энянь-каган. По мнению А.Г.Малявкина, Уцзе-каган принадлежал к роду Яглакар, восстановившему свою власть в 839 г. Он также считает, что в 795-839 гг. в каганате правила династия Эдизов, к которой, в частности, относился Ху-тегин, правивший в 832-839 гг. [Малявкин 1983, 22, 120]. Между тем, А.Г. Малявкин не учел сообщение "Тан хуэйяо", свидетельствующее, что Уцзе-каган являлся младшим братом Чжаоли-кагана (824-832) и дядей Ху-тегина (Чжаньсинь-кагана) (832-839). После смерти Уцзе-кагана южную группу уйгуров возглавил его младший брат Энянь-каган (848-849). Источники именуют жену Эняня "Тэлу", т.е. "карлук", из чего явствует существование родственных отношений возглавляемого этим каганом клана с карлукскими племенами.

Как видно из вышесказанного, предводители южной группы уйгуров принадлежали к той династии, последний представитель которой Чжаньсинь-каган был свергнут с престола в 839 г. Генеалогия уйгурских правителей первой половины IX в. восстанавливается следующим образом:

1. Чундэ-каган (821-824 гг.).
2. Чжаоли-каган (Хэса-каган, 824-832 гг.) - младший брат Чундэ-кагана (ЦТШ, ЦТЦ), младший двоюродный брат Чундэ-кагана (ЦФЮГ, ТХЯ).
3. Чжаньсинь-каган (Ху-тегин, 832-839 гг.) - племянник

Чжаоли-кагана.

4. Уцзе-каган (840-848 гг.) - младший брат Чундэ-кагана и дядя Чжаоли-кагана.
5. Энянь-каган (848-849 гг.) - младший брат Уцзе-кагана.

Если следовать гипотезе о смене династий в каганате, как это делает А.Г.Малявкин, то следует признать Уцзе, равно как и его ближайших родственников Чжаоли и Ху-тегина, представителем Эдизов, а не Яглакаров. Касаясь вопросов об Эдизах, обратим внимание еще на одно ошибочное утверждение А.Г. Малявкина: “Эдизы и другие поддерживавшие их племена теле (токуз-огузов), входивших в состав конфедерации, в 866 г. заняли район Бешбалыка и Турфанский оазис. Их нельзя рассматривать как беженцев, так как сведений об изгнании их с родных кочевий нет” [Малявкин 1983, 30]. Не вызывает возражений тезис о том, что токуз-огузские племена, занявшие Турфанский оазис, не были беженцами с территории Уйгурского каганата, о чем будет сказано позже, но в источниках не содержатся никаких сведений о том, что в составе этих племен были Эдизы. Вместе с тем нельзя утверждать, что в источниках нет сведений об изгнании эдизов с родных кочевий, так как “Цзю Таншу” прямо указывает, что в 843-844 гг. танской власти подчинилось племя “министра Чжу-ло-у Аде (Эдиза)” [ЦТШ, цз. 195, 146]. Очевидно, что эдизы и поддерживавшие их племена в результате крушения каганата бежали на юг, к Великой Китайской стене.

Группа уйгуров, бежавшая в Ганьсу, находилась в близких отношениях с восточнотуркестанской группой и возглавлялась, как и последняя, представителями Яглакаров. Созданный этими уйгурами Ганьжоуский каганат просуществовал до начала XI в. и его история достаточно хорошо исследована в специальной литературе [Кычанов 1962, 146-153; Hamilton 1955; Pinks 1968].

Наиболее многочисленной являлась группа уйгуров, создав-

шая княжества в Восточном Туркестане. Первоначально ее возглавлял Пан-тегин, ставка которого находилась сначала в Карашаре (Яньци), где он объявил себя ябгу, а затем принял титул кагана. Позже резиденция Пан-тегина была перенесена из Карашара в Кучу. Объединение уйгуров вокруг Пан-тегина рассматривается учеными как образование Кучарского княжества. Это княжество в 866 г. было завоевано бешбалыкскими уйгурами, включившими его в состав Уйгурского Турфанского государства [Gabain 1973].

В “Цзю Таншу” имеется сообщение, позволяющее определить родственные связи Пан-тегина с правителями Уйгурского каганата. В ней говорится, что после падения каганата “уйгурский министр Са-чжи с племянником (кагана) по женской линии Пан-тегином и пятью братьями - Наньлу, Эфенем и др., с 15-ю племенами бежал на запад к карлукам” [ЦТШ, цз. 195, 14а]. Это сообщение анализировалось А.Г.Малявкиным, который высказал мнение, что китайские историографы именовали Пан-тегина племянником танского императора, поскольку уйгурский двор находился в родственных связях с Танской династией и для Танской династии представители уйгурского двора были “племянниками по женской линии” [Малявкин 1974, 97, пр. 16]. Такая трактовка сообщения возможна, но лишь при наличии определенного контекста. Контекст же данного сообщения не позволяет принять ее. Более убедительным представляется мнение Дж.Гамильтона, по которому Пан-тегин являлся племянником последнего уйгурского кагана Хэса (839-840 гг.) [Hamilton 1955, 142]. Это мнение вполне соответствует реальной исторической ситуации, сложившейся после 840 г., когда родичи и сторонники Чжаньсинь-кагана (Ху-тегина) во главе с Уцзе бежали на юг, а родственники и сторонники его противника Хэса-кагана, возглавляемые Пан-тегином обосновались в другом районе - в Восточном Туркестане. Военачальник Кюлюг Бага, бежавший к кыргызам, очевидно, не принадлежал ни к одной из названных группировок, а представлял отдельную,

находившуюся во вражде с обеими, группу уйгурской знати, а его сторонники и соплеменники после крушения каганата остались на прежних кочевьях в Монголии [Кляшторный 1959, 165].

Таким образом, междоусобная борьба, явившаяся одной из причин падения Уйгурского каганата, велась в последние годы существования каганата главным образом между тремя политическими группировками уйгуров, две из которых возглавлялись соответственно династиями Эдизов и Яглакаров. В результате крушения каганата эдизская группа бежала на юг и впоследствии подчинилась Танам, более многочисленная группа уйгуров, возглавляемая Яглакарами, откочевала в западном направлении, причем часть этой группы возвратилась на древнюю этническую территорию уйгуров - в Ганьсу, а другая часть обосновалась в северных оазисах Восточного Туркестана. В отличие от других групп уйгуров, восточно-туркестанскую группу нельзя рассматривать как беженцев с территории Уйгурского каганата, так как она переселилась на территорию, находившуюся в составе каганата. Образование уйгурского государства в середине IX в. - Уйгурского Турфанского идыкутства - означало перемещение уйгурской государственности из центральной части бывшего Уйгурского каганата (Северной Монголии) на его западную периферию - в Восточный Туркестан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические коллизии в истории Центральной Азии в течение нескольких столетий (середина VI в. - середина VIII в.) определялись борьбой токуз-огузских (уйгурских) племен с тюрками во главе с династией Ашина за господство в степи. Началом политического соперничества тюрков и токуз-огузов была победа тюрков над телескими племенами в 548-551 гг. Дальнейшая история отношений между тюрками и токуз-огузами была историей политического союза, сменявшегося периодами политической и военной конфронтации. Основными этапами тюрко-уйгурской борьбы были: а) победа токуз-огузов в 630-647 гг. над тюрками и сирами и образование в Северной Монголии Первого Уйгурского каганата (647-689 гг.), б) победа тюрков над токуз-огузами в 681-689 гг. и возрождение Восточно-тюркского каганата (689-744 гг.), в) серия восстаний токуз-огузов, находившихся в подчинении тюрков (716-725 гг.), образование антитюркской коалиции уйгуров, басмылов и карлуков в 742-754 гг., разгром силами этой коалиции Второго Восточно-тюркского каганата, г) распад антитюркской коалиции, разгром басмылов, династийно связанных с Ашина и миграция карлуков на запад; формирование Второго Уйгурского каганата и безраздельное господство уйгуров в степи. Если до середины VIII в. в выигрыше были преимущест50

венно тюрки, в немалой степени зависевшие от военного контингента токуз-огузов, в конечном счете победителями стали все же токуз-огузы, возглавившиеся уйгурами. Однако крах политического союза между тюрками и уйгурами, ознаменовавший собой образование Второго Уйгурского каганата, стал вместе с тем началом конца господства обоих - тюркского и токуз-огузского - союзов во Внутренней Азии.

Победа уйгуров во главе с династией Яглакаров во внешних

войнах не предопределила единства токуз-огузского племенного союза, внутри которого началась борьба за власть, приведшая к серии внутренних войн в первое десятилетие существования Уйгурского каганата.

Анализ китайских и древнеуйгурских источников позволил выделить три восстания огузов, отказавшихся признать право Яглакаров на власть. Первым и самым крупным из них было восстание восьми огузских племен (секиз-огузов), которое возглавил Тай Бильге-тутук (747-749 гг.). От него как по масштабу, так и по характеру отличались два остальных восстания, охвативших лишь часть огузских племен и обусловленные воздействием внешнего фактора, а именно: восстание под предводительством Абуз-ябгу (752-753 гг.) и восстание, имевшее место в 757-759 гг. Оба этих восстания были вызваны возвращением на территорию Уйгурского каганата тюрок и огузов, подчинившихся Китаю в период крушения Тюркского каганата. Восстание Абуз-ябгу было для уйгуров грозным предупреждением о возможности обратной миграции тюрок из Китая и возобновлении ими борьбы за реставрацию тюркской государственности. Чрезвычайно опасной для Яглакаров была поддержка Абуза огузскими племенами. Внутренние войны в Уйгурском каганате завершились утверждением власти Яглакаров и главенства уйгуров среди токуз-огузских племен. Само название господствующего племени уйгуров распространилось на весь токуз-огузский племенной союз, который стал называться уйгурским.

Внешняя политика Уйгурского каганата в первое десятилетие его существования определялась двумя главными факторами: в) необходимостью формирования и защиты основной территории государства, с этой целью уйгурами была предпринята серия северных и западных походов, приведших к значительному расширению сферы влияния уйгурских каганов (включение в состав каганата территории Тувы, подчинение кыргызов и северных оазисов Восточного Туркестана); б) вовлечен-

ностью Уйгурского каганата во внутреннюю политическую жизнь Танской империи во время восстания Ань Лушаня-Ши Чаои (755-762 гг.). Военно-политическое вмешательство уйгуров в события, происходившие в Китае, было реализовано в ходе четырех разных по масштабу походов, оказавших едва ли не решающее воздействие на победу танских правительственных сил над мятежниками. Актуальным в тот момент стало совпадение интересов двух династий - уйгурской династии Яглакаров и Танской династии. Повстанцы Ань Лушаня громили танские армии с помощью тюрков, продолжавших создавать угрозу и южным рубежам Уйгурского каганата. Единство интересов Яглакаров и Танов особенно ярко проявилось во время уйгурского похода в Ордос (756 г.), целью которого была ликвидация угрозы вторжения сосредоточившихся на границе Уйгурского каганата войск тюрка из рода Ашина - Ашина Цунли. Ашина Цунли был одинаково враждебен и Танской династии, и Яглакарам, поэтому его войска были уничтожены совместными усилиями танских правительственных сил и уйгуров. В ходе уйгуро-танского взаимодействия и противодействия повстанческим армиям Ань Лушаня и его преемников произошло резкое размежевание по племенному признаку и политической ориентации тех тюркских и уйгурских(огузских) племен, которые составляли значительный контингент пограничных войск Танской империи. В то время, как бежавшие в Китай и служившие Танской династии тюрки целиком перешли на сторону повстанцев, уйгурские (огузские) племена, включая те, которые вначале примкнули к повстанцам, консолидировались под воздействием уйгуров в императорском лагере, что в значительной степени способствовало успеху танских войск в войне с мятежниками.

В период становления Уйгурского каганата сложилась и структура власти. Анализ источников позволил выявить трехступенчатый характер структуры власти в Уйгурском каганате, основными составными частями которой были каганский род, великие буюруки и тутуки (главы племен). Великие буюруки, именуемые в китайских источниках цзайсянами (министрами),

представляли центральную власть. В государстве было девять великих буюруков (трое “внутренних” и шесть “внешних”). Первенство среди них принадлежало “внутренним” буюрукам. В отличие от великих буюруков, тутуки - главы девяти огузских племен, а также карлуков и басмылов, были наделены властью на местах. Деятельность как великих буюруков, так и тутуков находилась под контролем царского дома. По крайней мере один из великих буюруков был из Яглакаров. Скорее всего Яглакарам удавалось нейтрализовать сепаратизм тутуков и их чрезмерное политическое влияние в ходе подавления восстания токуз-огузских племен. Во главе тутуков был поставлен родич кагана с титулом “Улуг-тутук”. Исторически иначе сложились отношения с великими буюруками. Несмотря на усилия Яглакаров, направленные на ограничение их власти, в руках буюруков концентрировалась огромная реальная власть, что нашло отражение в китайских источниках, свидетельствующих о чрезвычайном росте влияния буюруков на политику уйгурского двора. Именно великими буюруками была смещена с престола династия Яглакаров в 795 г. и заменена одним из великих буюруков - представителем племени эдизов. До сих пор, к сожалению, остается неясным соотношение власти кагана и великих буюруков с властью тутуков. Очевидно, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Структура власти в Уйгурском каганате в основных чертах совпадала со структурами, существовавшими в тюркскую эпоху (каган - члены каганского рода - родо-племенная аристократия - служилая знать - свободные общинники-воины). Вместе с тем эта структура отмечена совершенно иным соотношением каганской власти и влияния верхушки уйгурской аристократии, представленной великими буюруками, а также родо-племенными вождями. Очевидно, проявилось постепенное снижение реальной политической значимости как самих каганов, так и их рода и заметное усиление великих буюруков.

С первых лет существования Уйгурского каганата значительное место в экономической и политической жизни уйгуров заняли северные оазисы Восточного Туркестана (район Куча -

Карашар - Турфан), борьба за обладание которыми стала важнейшим направлением политики уйгурских правителей.

Со времени основания Уйгурского каганата и вплоть до его крушения северные оазисы Восточного Туркестана находились в сфере уйгурского влияния, причем, формы этого влияния были различными в разные периоды истории каганата. Позиции уйгуров в этом районе менялись после таких крупных событий, как восстание Ань Лушаня в Китае и уйгуро-тибетская война в Восточном Туркестане (790-792 гг.). С середины 750-х гг. уйгуры осуществляли контроль над кочевыми племенами Восточного Притяньшанья, а также оазисными государствами Таримского бассейна совместно с танскими гарнизонами, находившимися в Западном крае. Однако уже в самый начальный период восстания Ань Лушаня основной контингент танских войск, размещенных в наместничестве Аньси (Куча) и Бэйтин (Бешбалык), был переброшен в центральные области Китая для борьбы с повстанцами. С этого времени уйгуры стали главной политической силой в северной части Восточного Туркестана и Джунгарии, и их влияние здесь приобрело форму протектората. Непосредственную связь с военно-политическими и экономическими интересами уйгуров в Восточном Туркестане имело их обращение в манихейство (762 г.). Провозглашение манихейства государственной религией Уйгурского каганата было призвано обеспечить уйгурам поддержку местной манихейской общины и соответственно укрепить их позиции в Восточном Туркестане.

Контроль над северными оазисами Восточного Туркестана был утрачен уйгурами ненадолго во время уйгуро-тибетской войны в 790-792 гг. Однако исход войны разрешился в пользу уйгуров, одержавших победу над объединенными силами тибетцев и их союзников - карлуков и западных тюрков. В результате, тибетцы покинули занятые ими районы, в которых восстановилось уйгурское влияние. В ходе войны оказались уничтоженными остатки танских войск в Восточном Туркестане, дававшие основание танскому двору считать Аньси и Бэйтин подвластными ему территориями. Поэтому восстановление уйгур-

ского влияния в Таримских оазисах означало включение их в состав Уйгурского каганата не только де-факто, но и де-юре; с конца VIII в. северные оазисы Восточного Туркестана стали западной оседлой периферией Уйгурского государства.

В 840 г. Уйгурский каганат прекратил свое существование. Под ударами енисейских кыргызов уйгурские племена бежали с территории Монголии в нескольких направлениях. Одна часть уйгуров бежала на юг к Великой Китайской стене и впоследствии подчинилась Танской династии. Две другие группы уйгуров возвратились на свою древнюю этническую территорию - одна в Ганьсу, где основала Уйгурский Ганьжоуский каганат, другая, самая крупная, обосновалась в северных оазисах Восточного Туркестана, создав здесь впоследствии Уйгурское Турфанское княжество (IX-XIV вв.). Во время существования Турфанского княжества уйгуры окончательно восприняли оседло-земледельческие формы хозяйственной, социальной и культурной жизни.

Создание государства в Таримских оазисах Восточного Туркестана представляло собой возрождение уйгурской государственности в западной оседло-земледельческой части Уйгурского каганата и означало перемещение центра уйгурской государственности из бассейна Орхона и Селенги на юго-западную окраину Уйгурской империи - Таримский бассейн и Джунгарию.

Таким образом, в течение всего периода существования Уйгурского каганата происходил длительный процесс приспособления уйгурской военно-политической организации к социальной и политической жизни оазисов Восточного Туркестана. Этот процесс подготовил основу для дальнейшего развития и расцвета средневековой уйгурской государственности в Восточном Туркестане.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

КАРАБАЛГАСУНСКАЯ НАДПИСЬ.

Китайская версия

Перевод выполнен А.К.Камаловым с реконструкции Ханеда Тору, см. *Тодай кайкоцу си но кэнкю* (Исследование уйгуров в танскую эпоху). В книге: Сборник трудов Профессора Ханеда Тору. Т. 1. Исторические работы. Киото, 1957, С. 305-310.

Внутренний министр Эль Угаси Яг[лакар] ... [Ба]га таркан ... [Э]ль [Угаси]и ...

[1] Предисловие памятника премудрого в гражданском [управлении], одухотворенного в военных [делах] кагана уйгуров девяти фамилий Ай тэнгрида кут болмыш алп бильге... Алп Инанчу Бага таркан сочинил.

[2] ... Бага таркан Эль Угаси... Эль Угаси

[3] Слышали, что, когда Земля и Небо разделились, солнце и луна, светя, приближались [друг к другу], правитель, получивший мандат Неба, светом охватил всю Поднебесную. Преобразуя добродетелью, [он] освещал все. Четыре стороны [света] были объединены, наказания стали строгими и с восьми сторон [света] [все] возвращались к исполнению обязанностей ... когда были умиротворены внешние и внутренние [земли], среди гор и рек была построена столица. В самом начале отец Гули Пэйло, Ху-шу,

[4] воспринял государство в северных краях, построил столицу на равнине [реки] Орхон (Ухунь). Просветленно и мудро управлял государством. По истечении многих лет, [его] сын Гули-каган наследовал престол. По небесным качествам [он] был храбрым и решительным. Весь народ подчинился [ему] ... каган находился на престоле, умиротворял и возвращал простой народ подобно тому, как высидживают куриные яйца. Через несколько лет после того, как ... басмылский каган

[5] Ашина сменил мандат [Неба] (т.е. совершил переворот), вновь получил наше старое государство. В это время уйгуры девяти фамилий, басмылы 40 фамилий, карлуки 3 фамилий, различные фамилии, - все сказали: "Когда в прежнюю эпоху было процветание, каганы все получали ... прибыли к Гао-цзу". После того как Кюль Бильге каган ... скончался., [его] сын Тенгрида

[6] болмыш элетмиш бильге каган наследовал престол. [Он] был храбрым, мудрым, смелым и отважным. Всем государствам показывал [свою] непреклонность. [Ему] преемствовал [его] сын Тенгрида кут болмыш элтутмыш алп кюлюг бильге каган. [Он] смелостью, величием и храбростью

особо отличался от [всех] остальных. Все государства вселенной выразили [ему] покорность. Когда император Сюаньцзун Великой (династии) Тан покryлся пылью (т.е. бежал - А.К.), сын Ши Сымина, Чаои,

[7] богатыми подношениями и сладкими речами просил войска, [чтобы] объединив силы, уничтожить Танскую династию [досл.: алтари Тан]. Каган разгневался, что он, забыв милость, воровски играет святыми предметами. [Он] лично выставил сильных и храбрых героев. С правительственными войсками составил рог, объединенными силами устремился вперед. Возвратил столицу Ло[ян]. [Танский] император заключил с уйгурами соглашение навсегда быть государствами старшего и младшего братьев, навеки быть государствами дяди и племянника. Тогда каган расположил войска в восточной столице (Лояне). Тогда [он] увидел, что нравы и обычаи разрушены, народ отвергает наставников.

[8] Жуй-си и других - всего четырех монахов, [он] привез в [свое] государство. [Они] распространяли две кумирни, проникали в три предела. Наставники закона [Ма]ни сокровенно достигли светлых ворот, овладели семью разделами. [Их] таланты превосходили моря и горы. [Их] красноречие было подобно падающей [с небес] реке. Поэтому [они] смогли открыть уйгурам праведное учение. [Они] отвергли мясную пищу, молочные продукты ввели в правило. [Этим они] установили большие заслуги. Тогда [им] сказали: "Вы соединили всю возможную благодать". В это время тутуки, чигпи, внутренние и внешние министры, сыма - все доложили:

[9] "Ныне раскаиваемся в [своих] прежних грехах. Почтительно служим праведному учению. Принимаем указ и объявляем [его]. Как можно получить и удержать неуловимость и сокровенность этого закона! Еще трижды раскаиваемся, что прежде не знали [его], демона называли буддой. Ныне уже исправили заблуждения, нельзя возвращаться к проступкам. Особо надеемся ..." ... Поскольку имели искренние устремления, отправились и получили подношения. Все имевшиеся вырезанные и нарисованные изображения бесов приказал сжечь. Отвергли моления духам и поклонение демонам

[10] и приняли учение света. [Страна], в которой [существовали] варварские обычаи [вдыхать] испарения крови, преобразовалась в страну, где едят постную еду. Государство, в котором убивали, превратилось в государство, где поощряется добро. Поэтому чиновники совершенномудрых людей наверху действовали, внизу приказывали [или: сверху личным примером, снизу приказом?]. Когда правитель закона услышал о том, что [они] приняли праведную религию, глубоко одобрил искренние устремления... Пожелал увести всех монахов и монахинь в [свое] государство, чтобы распространить собственный путь. Приказал ревностных последователей рассылать на восток и запад.

[11] Тон бага каган наследовал престол. [Он] был храбрым и талантливым, отважным и решительным. Внутри и за пределами [страны] распро-

странял свет. [Его] сын Тенгрида болмыш кюлог бильге каган наследовал трон. [Он] упорядочил и изменил нравы государства, установил во всем порядок. [Его] сын Кутлуг бильге каган наследовал трон. По небесным качествам [он] был жизнерадостным. После того, как он скончался, ему преемствовал Тенгрида улуг болмыш алп кутлуг улуг бильге каган.

[12] Алп бильге каган был драконом в пучине [т.е. был правителем], среди всех правителей [он] был самым старшим. Тутуки, чигши, внутренние и внешние министры, [сыма] и другие чиновники - все сказали: "Поскольку Небесному кагану ниспослан драгоценный трон, должно получить [ему] помощников. Ныне Алп каган обладает талантом в управлении государством, который соизмерим с морем и горой, равносильен размеру государства. Законы и указы должны быть просветленными. Особо надеемся, что небесная милость будет такой, какую просят все подданные, и

[13] когда каган будет взвешивать на весах, [чтобы] отличался от всех советников". В момент, когда он родился, благие знамения были особыми. С детства до [того момента, когда он стал] взрослым, он был храбрым, мудрым и могущественным. Определял жребий под сенью шатров, решал победу далее чем на тысячу лет. Добротой, мягкостью, благосклонностью и преобразованием успокаивал и взращивал простой народ. Тем самым для поколений стал образцом. Ради государства объезжал военные лагеря, [его] расчеты никто не мог предугадать. Ранее государство кыргызов на севере натянуло около 400 тысяч тетив. Их каган с детства

[14] был храбрым, смелым, мудрым и отважным, воинственным, обладающим могучей силой. С первой стрелы попадал в цель. Каган кыргызов встретил стрелу и погиб. Коров и лошадей было (взято) огромное количество. Оружие громоздилось горой. [Их] государство было уничтожено. [Их земли] лишились населения. Еще карлуки вместе с тибетцами неоднократно вторгались с грабежом. [Тогда] фланговые войска эдизов в Юнь-хэ-ху оказали сопротивление противнику. Мудрые замыслы [распространились] на огромные дали...

[15] ... [Бэй]тин наполовину был захвачен, наполовину окружен. Тогда Небесный каган возглавил лично всю армию, пошел походом на ... и уничтожил главного злодея, возвратил город, земли кормления, простой народ, живность. Тех, кто были чисты и добры, успокаивал и взращивал. Тех, кто нарушал порядок, изгонял. Затем сладкими речами успокоил путников в пустыне У-мэй, а также успокоил простой народ. [После того, как он скончался, трон наследовал Тенгрида алп кюлог бильге каган].

[16] ... оставил. Затем вся армия тибетцев напала и окружила Кучу. Небесный каган с войсками пришел на помощь. Тибетцы в заброшенных [землях] бежали в Юйшу. С четырех сторон окружили [их] и разом уничтожили. Трупы и кости зловонили так, что люди не могли перенести. Затем [для них] создали общие могилы. Все, что осталось, было утоплено и

сожжено. [После того, как каган скончался, ему наследовал Тенгрида кут болмыш алп бильге каган] ...

[17] ... народ последовал бешеным грабежам, был недостаток в поступлении подати. Небесный каган сам управлял войсками, разгромил злодейские войска. [Они] убежали и дошли до реки Жемчужины [Чжэньжухэ], пленили население в огромном количестве, верблюдов, лошадей, скот, повозки [взяли] в неисчислимом количестве, остатки народа подчинились ...

[18] ... сами осознавая преступления, со слезами просили и молили. Небесный каган, учитывая их искреннюю верность, простил их преступления. Затем с их правителем (ваном) приказал народу возвратиться к делам. С этого времени [они] подчинились. Правитель (ван) сам прибыл на аудиенцию, представил местные продукты, вместе с левым и правым флангами [племени] ташлык... [После того как скончался, преемствовал [ему] Тенгрида улуг болмыш алп кучлуг бильге каган].

[19] ... армия, пожалованных чиновников всех приблизил. Достиг границ злодеев, стремительным маршем вышел наперерез. Сам во главе нескольких всадников, издав клич, распространил приказ: "Непременно одержать над ними победу!". Сильный враг действительно был разбит. Преследуя бежавших, следовали на север. Догнав, разгромили. Убили около 10 тысяч человек.

[20] ... напал на карлуков, тибетцев. Выхватил знамена, обезглавил и отрезал уши, преследуя бежавших, следовал на север. На западе достиг государства Фергана (Бэхана), захватил [его] население, а также скот и имущества. Ябгу не принял его приказа, покинул свои земли.

[21] ... Бильге каган девяти фамилий вновь принял верность карлуков ... назначил правителем мудрого и благосклонного Йенчу (Чжэньжу)... одна стрела (Ханеда предполагает: 10 стрел - А. К.), три [тюргешей] ...

[22] во вселенной монахи распространили высочайший слух о спокойствии [о земле спокойствия?]. С того времени, как открылся закон ... еще подчинились

[23] ... имели ... на земле ... внешние государства ... вручили ...

[24] ... прекратил [или: умиротворил] бедствия ...

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2
УЙГУРСКИЕ ПРАВИТЕЛИ

1. Эркин Тэйцзянь (Од-кенч), 618-626?
2. Пуса (Бодисатва), 627-?
3. Тумиду-каган (Улуг эльтебер), ? - 648.
4. Пожунь, 648-661.
5. Бисуду (Бису, Били), 661-680.
6. Дуцзечжи, 680-695.
7. Баз-каган, ?-688/689.
8. Фудифу, 695-719.
9. Чэнцзун, 719-727.
10. Фудинань, 727-?
11. Хушу, 727-?
12. Кутлуг Бильге кюль-каган (Хуайжэнь-каган), 744-747; дотронное имя: Гули Пэйло (Куллыг бойла), другие титулы до восшествия на престол: Ябгу-эльтебер, Ибяоби (кит.).
13. Тэнгрида болмиш Элетмиш бильге каган (кит.Инью-каган), 747-759; другие титулы: Карлыг-каган (кит.Гэлэ-кэхань), Кюль Бильге-каган, Турьян; дотронное имя: Баян-чор (кит.Мо-янь-чжо).
14. Бёгю-каган (кит.Инги-каган), 759-779; другие титулы: Тэнгри-каган, Тэнгрида эльтутмыш алп кюлюг каган, Тэнгрида кут болмыш эль тутмыш алп кюлюг бильге каган; дотронное имя: Иди кенч (кит.Идицзянь).
15. Алп Кутлуг Бильге каган (кит.Тяньцин-каган), 779-789; другой титул: Кутлуг Чаншоу Тяньцин бильге каган; дотронный титул: Тон бага таркан.
16. Ай тэнгрида болмыш кюлюг бильге аган (кит.Чжунчжэнь-каган), 789-790; дотронное имя: Талас (кит.Долосы), принц Паньгуань.
17. узурпатор, младший брат Таласа, 790.
18. Кутлуг бильге-каган (кит.Фэнчэнь-каган), 790-795; дотронное имя: А-чжо (Эр-чор?).
19. Тэнгрида улуг болмыш алп кутлуг улуг бильге каган (Хуайсинь-каган), 795-805; дотронный титул: Кутлуг сенгун, Эль Угаси (из племени Эдиз).
20. Ай тэнгрида кут болмыш кюлюг бильге каган, 805-808.
21. Ай тэнгрида кут болмыш алп бильге каган (кит.Баои-каган), 808-

821.

22. Кун тэнгрида улуг болмыш кучлуг бильге каган (кит. Чундэ-каган), 821-824.

23. Ай тэнгрида кут болмыш алп бильге каган (кит. Чжаоли-каган), 824-832; дотронное имя: Хазар-тегин (Хэса).

24. Ай тэнгрида кут болмыш алп кюллог бильге каган (кит. Чжаньсинь-каган), 832-839; дотронное имя: Ху-тегин.

25. Хэса-каган, 839-840.

26. Уге-каган (Уцзе), 841-846.

27. Энянь-каган (Нев-каган), 846-848.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВСТК - Вэньсянь тункао (Сводное обозрение письменных источников) /Сост. Ма Дуаньлин. Пекин, 1958.

ВШ - Вэй шу (История династии Вэй) /Сост. Вэй Шоу. Сер. "Сыбу цункань". Шанхай, 1936.

СТШ - Синь Таншу (Новая история династии Тан) /Сост. Оу Янсю.- Сер. "Сыбу цункань". Шанхай, 1936.

СШ - Суй шу (История династии Суй) /Сост. Вэй Чжэнь. Сер. "Сыбу цункань". Шанхай, 1936.

ТХЯ - Тан хуэйяо (Свод важнейших событий династии Тан) /Сост. Ван Пу. Пекин, 1955.

ТД - Тун дэнь (Всеобщее обозрение) /Сост. Ду Ю. Шанхай, 1935

ЦЧТЦ - Цзычжи тунцзянь (Всеобщее зеркало, помогающее управлению) /Сост. Сыма Гуан. Пекин, 1956.

ЦТШ - Цзю Таншу (Старая история династии Тан) /Сост. Лю Сюй.- Сер. "Сыбу цункань". Шанхай, 1936.

ЦФЮГ - Цэфу юаньгуй (Сокровищница древней мудрости) /Сост. Ваг. Циньжо. Пекин, 1936.

ЧШ - Чжоу шу (История династии Чжоу) /Сост. Линху Дэфэнь. Сер. "Сыбу цункань". Шанхай, 1936.

ЯЛГВЦ - Янь Лу гун вэнь цзи (Собрание сочинений Янь Чжэньцина) /Сост. Янь Чжэньцин. Пекин, 1956.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алмас 1993 - Алмас Т. Уйгуры. Алматы, 1993.

Аманжолов 1974 - Аманжолов А.С. Две енисейские рунические надписи //XIX научные записки. Сер. историческая. Абакан, 1974. С. 137-141.

Бартольд 1963 - Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия //Сочинения. Т.1. М.: Наука, 1963. С. 45-594.

Бартольд 1968а - Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии //Сочинения. Т. V М.: Наука, 1968. С. 17-192.

Бартольд 1968б - Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов //Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 193-229.

Бартольд 1968в - Бартольд В.В. Тугузгузы //Сочинения. Т.V. М.: Наука, 1968. С. 568-569.

Бартольд 1973 - Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи "Зайн ал-ахбар" //Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973.

Бернштам 1946 - Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI-VIII вв. Восточнотюркский каганат и кыргызы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Бернштам 1950 - Бернштам А.Н. Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" //Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. V-LV.

Бичурин 1828 - Бичурин Н.Я. (Иакинф). Записки о Монголии. Т. I. СПб., 1828.

Бичурин 1950 - Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1953.

Вайнштейн 1971 - Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажин //Советская этнография. 1971. № 6. С. 103-114.

Васильев 1897 - Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне //Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. III. СПб., 1897.

Вельгус 1987 - Вельгус В.А. Средневековый Китай. Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М.: Наука, 1987.

Восточный Туркестан 1988 - Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории (под ред. академиков С.Л.Тихвинского,

Б.А.Литвинского). М.: Наука, 1988.

Восточный Туркестан 1992 - Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии (под ред. Академика Б.А.Литвинского). М.: Наука, 1992.

Грум-Гржимайло 1926 - Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.

Гумилев 1961а - Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров //Материалы по этнографии Всесоюзного Географического общества. № 1. Л., 1961. С. 15-26.

Гумилев 1961б - Гумилев Л.Н. Григорий Ефимович Грум-Гржимайло как историк Центральной Азии //Материалы по этнографии Всесоюзного Географического общества. Вып. 1. Л., 1961. С. 49-58.

Гумилев 1967 - Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

ДТС - Древнетюркский словарь (под ред. В.М.Наделяева, Д.М.Насилова, Э.Р.Тенишева, А.М.Щербака). Л.: Наука, 1969.

Думан 1977 - Думан Л.И. О труде Н.Я.Бичурина "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" //Н.Я.Бичурин и его вклад в русское китаеведение. Ч. II. М.: Наука, 1977. С. 3-23.

Зуев 1960 - Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (перевод сочинения VIII-X вв. Тан хуэйяо. Т. III из. 72. С. 1305-1308) //Труды Института истории и этнографии АН КазССР. Т. VIII. А-Ата, 1960. С. 93-140.

Зуев 1981 - Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) //Казахстан в эпоху феодализма. Проблемы этнополитической истории. Алма - Ата: Наука, 1981. С. 63-78.

Иностранцев 1926 - Иностранцев К. Хунну и гунны. Разбор теории о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов. Л., 1926.

Кадырбаев 1993 - Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и киритов. Алматы: Рауан, 1993.

Казембек 1841 - Казембек А. Исследования об уйгурах //Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 31. СПб. 1841.

Кляшторный 1959 - Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи //Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162-169.

Кляшторный 1964 - Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические па-

мятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кляшторный 1980 - Кляшторный С.Г. Терхинская надпись. Предварительная публикация //Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82-95.

Кляшторный 1986а - Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках //Turcologica - 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л.: Наука, 1986, С. 153-164.

Кляшторный 1986а - Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии XI-X вв //Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. М.: Наука, 1986. С.217-228.

Кляшторный 1986в - Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. - I тысячелетие н.э) //Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 312-339.

Кляшторный 1987 - Кляшторный С.Г. Надпись уйгурского Бегто-кагана в Северо-Западной Монголии //Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С.19-37.

Кляшторный 1990 - Кляшторный С.Г. Древнеуйгурская и древнетюркская культура в древнейших тюркских текстах //Маловские чтения. Алма-Ата, 1990. С.188-124.

Кляшторный 1991 - Кляшторный С.Г. Суджинская надпись - уникальный памятник эпохи "кыргызского великодержавия" // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С. 57-59.

Кляшторный 1988 - Кляшторный С.Г., Колесников А.Г. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Наука, 1988.

Кляшторный, Колесников, Басханов 1991 - Кляшторный С.Г., Колесников А.Г., Басханов М.К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата, 1991.

Кляшторный, Лившиц 1971 - Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Сэврэйский камень //Советская тюркология. 1971. № 3. С. 106-112.

Кляшторный, Лившиц 1978 - Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии //Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 37-60.

Кляшторный, Султанов 1992 - Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.

Краткая ист. уйгуров 1991 - Краткая история уйгуров. Алма-Ата: Гылым, 1991.

Кумекоев 1972 - Кумекоев Б.Е. Государство кимаков в IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.

Кумекоев 1987 - Кумекоев Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII-XIV вв. Научно-аналитический обзор. Алма-Ата: Наука, 1987.

Кызласов 1959 - Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы. - Советская археология. 1959. № 3. С.66-80.

Кызласов 1969 - Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969.

Кызласов 1979а - Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М.: МГУ, 1979.

Кызласов 1979б - Кызласов И.Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX в. - Советская этнография. 1979. № 3. С. 280-290.

Кычанов 1962 - Кычанов Е.И. Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в. - Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.15. Алма-Ата: Наука КазССР, 1962. С. 146-153.

Кычанов 1968 - Кычанов Е.И. Очерки истории тангутского государства. М.: Наука, 1968.

Кычанов 1987 - Кычанов Е.И. Государство жуань-жуаней. - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч.1. М.: Наука, 1987. С. 109-115.

Кюннер 1961 - Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961.

Малов 1951 - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Малов 1959 - Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Малявкин 1962 - Малявкин А.Г. Уйгурское Турфанское княжество в XIII в. - Труды Института истории, археологии и этнографии им.Ч.Валиханова АН КазССР. Т.15. Алма-Ата: Наука КазССР, 1962. С. 61-67.

Малявкин 1972а - Малявкин А.Г. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата. - Известия Сибирского Отделения АН СССР. Сер.общест.наук. Вып.1. Новосибирск: Наука, 1972. С. 29-35.

Малявкин 1972б - Малявкин А.Г. Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во второй половине IX в. - Центральная Азия и Тибет. Материалы конференции. Новосибирск: Наука, 1972. С. 78-83.

Малявкин 1974 - Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. Новосибирск: Наука, 1974.

Малявкин 1975а - Малявкин А.Г. Реальное значение термина "гун" в сообщениях китайских источников, касающихся сношений уйгуров с Китаем в X в. - Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 53-58.

Малявкин 1975б - Малявкин А.Г. Уйгуры и Китай в 840-848 гг. - Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 65-83.

Малявкин 1980 - Малявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 109-126.

Малявкин 1981 - Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск: Наука, 1981.

Малявкин 1983 - Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск: Наука, 1983.

Малявкин 1984 - Малявкин А.Г. Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 138-155.

Малявкин 1984 - Малявкин А.Г. Вожди древних уйгуров // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск: Наука, 1984. С. 25-38.

Малявкин 1989 - Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989.

Малявкин 1992 - Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: Наука, 1992.

Мартынов 1972 - Мартынов А.С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. № 5. С. 73-82.

Мартынов 1978 - Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978.

Мартынов 1981 - Мартынов А.С. О различных подходах к проблеме взаимоотношений императорского Китая с внешним миром // Общество и

государство в Китае. Двенадцатая научная конференция. М.: Наука, 1981. С. 3-12.

Мелиоранский 1899 - Мелиоранский П.И. Памятник в честь Кюльтегина // Записки Восточного Отделения Русского археологического общества. Вып. II-III. СПб., 1899. С. 1-114.

Меньшиков 1988 - Меньшиков Л.Н. Рукописная книга в Китае 1 тысячелетия н.э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга вторая. М.: Наука, 1988. С. 103-222.

Позднеев 1899 - Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб, 1899.

Радлов 1890 - Радлов В.В. Титулы и имена уйгурских ханов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т.5. СПб., 1891. С. 265-270.

Радлов 1893 - Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Их предисловия к изданию Кутадгу-Билика В.В.Радлова. Приложение к 72 т. Записок АН. № 2. СПб., 1893.

Рамстедт 1914 - Рамстедт Г.И. Как был найден "Селенгинский камень". Перевод надписи "Селенгинского камня" // Труды Троицко-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества. Т.XV. Вып. 1. СПб, 1914.

Савинов 1984 - Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Самолин 1987 - Самолин Г.Я. Источниковедение древней истории Китая. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

Супруненко 1975 - Супруненко Г.П. Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими кыргызами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С.59-64.

Таскин 1968 - Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М.: Наука, 1968.

Таскин 1984 - Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.

Тихонов 1966 - Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X-XIV вв. М.: Наука, 1966.

Тихонов 1978 - Тихонов Д.И. О культуре уйгуров в период каганата (744-840 гг.) // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алмата: Наука, 1978. С. 49-58.

Турсун 1997 - Турсун Н. Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии. Бишкек, 1997.

Тюнь 1987 - Тюнь Е.Т. Танско-уйгурский договор 783 г. //Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М.: Наука, 1987. С.154-158.

Флуг 1959 - Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X-XIII вв. М.-Л.: Наука, 1959.

Худяков 1977 - Худяков Ю.С. Кыргызско-уйгурская война IX в. //Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1977. С.128-129.

Худяков 1978 - Худяков Ю.С. Баои или Кутлут? //Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1978. С.130-137.

Худяков 1986 - Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.

Худяков 1987 - Худяков Ю.С. Уйгуры в Монголии //V Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сент. 1987). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1987. С.147-156.

Худяков 1989 - Худяков Ю.С. Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья //Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С.27-34.

Худяков 1990 - Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии //Центральная Азия и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1990. С.84-89.

Худяков 1982 - Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д Курамика Орду-Балька //Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982.

Шефер 1981 - Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диких виках в империи Тан. М.: Наука, 1981.

Якубовский 1947 - Арабские и персидские источники об Уйгурском Турфанском княжестве в IX-XX вв. //Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т.4. Л., 1947. С. 423-443.

Литература на китайском, японском, уйгурском языках

Абэ 1955 - Абэ Такео. Ниси уйгуру кокусино кэнкю (Исследование по истории западных уйгуров). Киото, 1955.

Ван Живэй 1935 - Ван Живэй. Цунлин си хуйху као (Уйгуры к западу от Памира)// Юйгун. Т.4. № 5. 1935. С.1-9.

Ван Живэй 1936 - Ван Живэй. Тан хоу хуйху као (Уйгуры после династии Тан) //Шисюэ цзикань. №1. Пекин, 1936. С. 19-69.

Исиев 1995 - Исиев Д.А. Уйгур тарихи. Алмута: Жазушы, 1995.

Кайцабуру 1956 - Кайцабуру Хино. Тодай но кайкоцу сен (Уйгурские деньги в танскую эпоху) // Тохо гакухо. Токио, 1956. С. 38-49.

Кувада 1928 - Кувада Рокуро. Уйгуру суйбо ко (Исследование истории упадка и гибели уйгуров) // Тоё гакухо. Т.28. Токио, 1928. С. 111-136.

Ма Цзюньминь 1984 - Ма Цзюньминь. Тай юй хуйхэ ды цзюаньма маои. Тандай мацзюань синьтань. (Торговый обмен шелка на лошадех между Тан и уйгурами. Новое исследование стоимости лошадей в переводе на шелк в эпоху Тан) //Чжунго ши яньцзю. № 1. Пекин, 1984. С. 67-76.

Мори 1967 - Мори Масао. Кодай торуко миндзоку си кэнкю (Исследование по истории древних тюрков). Т.1. Токио, 1967.

Мориясу 1972 - Мориясу Такао. К.Макеррас. Ретосё ери мита уйгуру тэйкоку (рец.на книгу К.Макерраса, 1972) //Тоё гакухо. Т.55, №3. Токио, 1972. С.123-134.

Мориясу 1973 - Мориясу Такао. Уйгуру до Тибето но хокутай содансэн оеби соно ага но Сэйики дзе сэй ни цунтэ (Война уйгуров с Тибетом за бэйтин и последующее положение в Западном крае) //Тоё гакухо. Т.55, № 4. Токио, 1973. С.60-87.

Мориясу 1977 - Мориясу Такао. Уйгуру но сэйсэн ни цунтэ (К вопросу о переселении уйгуров на запад) // Тоё гакухо. Т.59, № 1-2. Токио, 1977. С.105-130.

Тадзака 1940 - Тадзака Кодо. Кайкоцу ни окэру Манике хакугай ундо (Антиманихейский переворот у уйгуров) //Тохо гакухо. №11. Токио, 1940. С.223-232.

Фэнь Баолян 1987 - Фань Баолян. Хуйху юй Туфань цзи Сися цзай цылю шан ды гуаньси (Отношения уйгуров с тибетцами и государством Сися на Шелковом пути) // Миньцзю яньцзю. № 4. Пекин, 1987. С.63-69.

Фэн Цзяшэн и др. 1956 - Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэй-уэрцзю лиши вэньци вэньти (К вопросу о перидизации истории уйгуров) // Чжунго миньцзю вэньти яньцзю цзикань. Пекин, 1956. С. 29-59.

Фэн Цзяшэн и др. 1981 - Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр-цзю лиши шилияо цзяньбянь (Краткий свод материалов по истории уйгуров).

Т. 1-2. Пекин, 1981.

Ханеда 1957a - Ханеда Тору. Тодай кайкоцу син но кэнкю (Исследование уйгуров в танскую эпоху) // Ханеда хакасэ сигаку ромбун сю. 1. Рэкиси хан (Собрание трудов проф. Ханеда Тору. Т. 1. Исторические работы). Киото, 1957. С. 157-324.

Ханеда 1957b - Ханеда Тору. Кюсай кайкоцу то токуз-огуз но кансэй рондзу (К вопросу о связи между уйгурами и токуз-огузами) // Ханеда хакасэ сигаку ромбун сю. 1. Рэкиси хан (Собрание трудов проф. Ханеда Тору. Т. 1. Исторические работы). Киото, 1957. С. 325-394.

Цинь Вэйсин 1987a - Цинь Вэйсин. Лунь мобэй хуйху ханьго ды цзяньли (Образование уйгурского ханства на севере пустыни Гоби). Нанкин, 1987.

Цинь Вэйсин 1987b - Цинь Вэйсин. Гуаньюй Моничзю цзай мобэй хуйху чжунды чуаньбо (О распространении манихейства среди уйгуров на севере пустыни) // Наньцзин дасюэ яньцзюшэн сюэбао. Чжисюэ шихуй кэсюэ. № 2. Нанкин, 1987. С. 47-51.

Цэнь Чжунмянь 1958a - Цэнь Чжунмянь. Туцзюэ шицзи (Собрание материалов по истории тюрков). Т. 1-2. Пекин, 1958.

Цэнь Чжунмянь 1958b - Цэнь Чжунмянь. Суй Тан ши (История династий Суй и Тан). Пекин, 1958.

Ямада 1950 - Ямада Нобуо. Кюсэй кайкоцу кахан но кейфу (Об идентификации кагана уйгуров девяти фамилий) // Тоё гакухо. Т. 33, № 3-4. Токио, 1950. С. 90-113.

Литература на западноевропейских языках

Bacot 1956 - Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinq envoyés ouïgours au VIII-e siècle // Journal Asiatique. Vol. 254, 2. 1956. P. 137-153.

Bang-Gabain 1929 - Bang W., Gabain A. von, Türkische Turfan-Texte. II. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. XXII. 1929, S. 411-430.

Bazin, 1982 - Bazin L. Notes de toponimie turque ancienne // Acta Orientalia Hungaricae. XXXVI (1-3). Budapest, 1982. P. 57-60.

Beckwith 1987 - Beckwith Ch. The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton, New Jersey, 1987.

Beckwith 1991 - Beckwith Ch. The Impact of the horse and silk trade on the economies of T'ang China and the Uighur Empire // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. XXXIV. 1991. P.183-198.

Bretschneider 1876 - Bretschneider E. Notices of the medieval geography and history of the Central and Western Asia. Drawn from chinese and mongol writings, and compared with the observations of western authors in the middle ages. London, 1876.

Bretschneider 1910 - Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic sources: Fragments towards the knowledge of the geography and History of Central and Western Asia from the 13th to 17th century. Vol.I London, 1910.

Cambridge 1979 - The Cambridge history of China. General editors D.Twitchett and J.K.Fairbank. Vol. III (Sui and T'ang China). Cambridge - London - New-York - Melbourne, 1979.

Chavannes 1903 - Chavannes E. Documents sur Les tou-kiue (Turks) occidentaux. Сборник трудов орхонской экспедиции. Вып. VI. СПб, 1903.

Chavannes 1905 - Chavannes E. Notes additionales sur les tou-kiue (turcs) occidentaux // *T'oung Pao*. Vol. 5. 1905. P.1-100.

Chavannes-Pelliot 1913 - Chavannes E., Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine // *Journal Asiatique*. - 10-e ser. 18/-1911. - P. 499-617; - 11-e ser.1. - 1913. - P. 99-199, P.261-394.

Ching Lung-chen 1981 - Ching Lung-chen. Trading activities of the turks in China// *Central Asiatic Journal*, vol. XXV, 1-2. Wiesbaden, 1981. P. 38-53.

Czegledy 1962 - Czegledy K. Cogay-quzi, Gara-qum, Kök-öng // *Acta Orientalia Hungaricae*. Vol. XV, fasc. 1-3. Budapest, 1962. P.55-69.

Czegledy 1972 - Czegledy K. On the numerical composition of the ancient turkish tribal confederation // *Acta Orientalia Hungaricae*. N. XXV. Budapest, 1972. P.275-281.

Czegledy 1973 - Czegledy K. Gardizi on the History of Central Asia (746-780 A.D.) // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXVII, fasc. 3. Budapest, 1973. P. 257-267.

Czegledy 1982 - Czegledy K. Zur Stammesorganisation der türkischen völker // *Acta Orientalia Hungaricae*. T.XXXVI. Budapest, 1982. P. 89-93.

Dankoff 1982 - Dankoff R. Makhmud al-Kashgari. Compendium of the turkic dialects. Edited and translated with introduction and indexes by R.Dankoff in collaboration with James Kelly. (Harvard University Sources of Oriental

Languages and literature. Turkish Sources, VII). 1982.

Deguines 1756 - Deguines J. Histoire général des Huns, des Turks, de mongols et des autres Tartares occidentaux. Vol.2. Paris, 1756.

Drompp 1987 - Drompp M.R. The Hsiung-nu Topos' in T'ang Response to the Collapse of the Uighur steppe Empire // Central and Asian Studies.1. 1987. P. 1-46.

Drompp 1988 - Drompp M.R. A T'ang Adventurer in Inner Asia // T'ang Studies. 6. 1988. P. 1-23.

Ecsedy 1964 - Ecsedy H. Uighurs and Tibetans in Pei-t'ing (790-791 A.D.) // Acta Orientalia Hungaricae. N. XVII. Budapest, 1964. P.83-104.

Ecsedy 1965 - Ecsedy H. Old turkic titles of Chinese origin // Acta Orientalia Hungaricae. N. XVIII. Budapest, 1965. P.83-91.

Ecsedy 1968 - Ecsedy H. Trade-and-war relations between the Turcs and China in the records of the 6-th century // Asta Orientalia Hungaricae. N. XXI. Budapest, 1968. P.131-180.

Ecsedy 1980 - Ecsedy H. A contribution to the History of Karluks in the T'ang period // Acta Orientalia Hungaricae. T.XXXIV. Budapest, 1980. P. 23-37.

Franke 1936 - Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. Bd.II. Berlin Leipzig, 1936.

Gabain 1952 - Gabain A. von. Die Frühgeschichte der Uiguren 607-745// Nachrichten des Gesellschaft für Natur-und-Völkerkunde Ostasiens. 72. Hamburg, 1952. S.18-32.

Gabain 1973 - Gabain A. von. Das Leben im uigurischen Königreich von Qoco (850-1250). Textband. Wiesbaden, 1973.

Gardiner 1973 - Gardiner K.H.J. Standard Histories, Han to Sui // Essays on the sources for Chinese history. Canberra, Australian National University Press, 1973. P.42-52.

Geng Shimin 1983 - Geng Shimin. On the fusion of nationalities in the Tarim basin and the formation of the modern Uighur Nationality // Materialia Turcica. B.7/8. Bochum, 1983. P.168-190.

Györffy 1960 - Györffy G. Die Rolle des buirug in der altturkischen Gesellschaft // Acta Orientalia Hungaricae. N. XI. Budapest, 1960. S. 169-179.

Hamilton 1955 - Hamilton J.R. Les Ouigours á l'époque des Cinq dynasties d' apres les documents chinoise. Paris, 1955.

Hamilton 1962 - Hamilton J.R. Toquz-oquz et on-uigur // Journal Asiatique. N. 250. Paris, 1962. P.23-64.

Hansen 1930 - Hansen O. Zur sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karadalgasun // *Journal de la Société Finno-ougrienne*. Vol. 44, pt.3. Helsingfors, 1930, S. 3-39.

Henning 1944 - Henning W.B. Argi and the "Tokharians" // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. Vol. IX, pt.3. 1948. P. 545-571.

Jagchid 1989 - Jagchid S. The Horses "of the T'ang Dynasty" // *Gedanke und Wirkung: Festschrift zum 90 Geburtstag von N.Poppe. Asiatische forshungen*. Bd. 18. Wiesbaden, 1989. P.175-188.

Julien 1847 - Julien S. Les Ouigours. I. Kaotchang-hing-ki on relation d'un voyage (officionale) dans le pays des Ouigours (de 981 6 983) par Wang Yen-te// *Journal Asiatique*. Paris, 1847. P.50-66.

Julien 1864 - Julien S. Documents historiques sur Les Tou-kioue (Turcs). Extraits du Pien-i-tien, tradurits du chinoise // *Journal Asiatique*. 6 sér. Vol. III. Paris, 1864. P. 325-367, P.490-549; vol.IV. Paris, 1864. P.200-242, P.391-430, P.453-477.

Klyashtorny 1983 - Klyashtorny S.G. The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXXVI. Fasc. 1-3. Budapest, 1983. P. 335-366.

Klyashtorny 1985 - Klyashtorny S.G. The Tes Inscription of the Uighur Bogu Qagan // *Acta Orientalia Hungaricae*. T.XXXIX, fasc.1. Budapest, 1985, P.137-156.

Klyashtorny 1988 - Klyashtorny S.G. East Turkestan and the kaghans of Ordubaliq (The interpetation of the fourteens line of the Terkh inscriptions)// *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XLII (2-3). Budapest, 1988. P.277-280.

Klyashtorny, Livsic 1972 - Klyashtorny S.G., Livsic V.A. The Sogdian inscription of Bugut revised // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXI, fasc.1. Budapest, 1972. P. 69-102.

Le Coq 1911 - Le Coq A. von. *Turkische Manichaica aus Chotscho*. Abhandlungen der Preissische Academie der Wissenschaften. Bb.I, 6. Berlin, 1911.

Le Coq 1912 - Le Coq A von. Ein manichäisches Buchfragment aus Chotscho // *Festschrift für V.Thomsen*. Leipzig, 1912.S. 145-154.

Levy 1960 - Levy H.S. *Biography of An Lushan*. Translated and annotated by H.S. Levy. Berkley and Los Angeles, University of California Press, 1960.

Li Fangkuei 1956 - Li Fangkuei. A problem in the sino-tibetan treaty inscription // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXXI. Fas.1-3. Budapest, 1980. P.121-124.

Li Fangkuei 1980 - Li Fangkuei. The Inscription of the Sino-Tibetan Treaty

of 821-822 // T'oung Pao. V. 44. 1956. P.1-99.

Liu Mau-tsai 1958 - Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur geschichte der Ost-turken (T'u-kue). Göttingen Asiatische Forschungen. Wiesbaden, Bd. 1-2, 1958.

Mackerras 1968 - Mackerras C. The Uighur Empire (744-840) according to the T'ang Dynastic Histories. Canberra, 1968.

Mackerras 1969 - Mackerras C. Sino-Uighur diplomatic and trade contacts (744 to 840) // Central Asiatic Journal. Vol. VIII, 1. Wiesbaden, 1969. P. 215-240.

Mackerras 1972 - Mackerras C. The Uighur Empire according to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744-840. Canberra, 1972.

Moriyasu 1980 - Moriyasu T. La nouvelle interpretation des mote Hor et Ho-yo-hor dans le Manuscrit Pelliot tibetain 1283 // Acta Orientalia Hungaricae. T.XXXIV. Budapest, 1980. P. 171-184.

Moriyasu 1981 - Moriyasu T. Qui des Otiğours ou des Tibétains ont gagné en 789-792 á Besh-Baliq? // Journal Asiatique. T.269. Paris, 1981. P.193-205

Moses 1976 - Moses L.W. T'ang tribute relations with the Inner Asian barbarians // Essays on T'ang society. Ed.by J.Curtis. Perry and Bardwell L. Smith. Leiden, E.J.Brill, 1976. P.61-89.

Minorsky 1937 - Minorsky V.F. Hudud al-alam. "The regions of the word". A persian geography 372 A.H. - 982 A.D.London, 1937.

Minorsky 1948 - Minorsky V.F. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uighurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. XII, 2. London, 1948. P. 275-305.

Minorsky 1955 - Minorsky V.F. Addenda to the Hudud al 'Alem // Bulletin of the School of Oriental Studies. XVII, 2, London, 1955. P. 250-270.

Müller 1912a - Müller F.W.K. Der Hofstaat eines uiguren königs // Festschrift für V.Thomsen. Leipzig, 1912. S.207-213.

Müller 1912b - Müller F.W.K. Ein Doppelbatt aus einem manichaischen Hymnenbuch (Mahrnamag). Abhandlungen der Preussische Academie der Wissenschaften. V. Berlin, 1912.

Nagrodka-Majcsrzyk, 1978 Nagrodka-Majcsrzyk T. Genesa miast u dawnych Ludow tureckich (VII-XII w.). Wroslaw-Warcsawa-Krakow-Gdansk, 1978.

Orkun 1986 - Orkun H.N. Eski turk yazitlari. - Ankara Türk Tarih Basimevi, 1986.

Pelliot 1929 - Pelliot P. Neuf notes sur Les questions d'Asie Centrall. T'oung

Pao. Vol.XXVI. Paris-Leydes, 1929. P. 202-263.

Perspectives 1973 - Perspectives on the T'ang. Ed. By Arthur F. Wright and Denis Twitchett. New Haven-London, Yale University Press, 1973.

Pinks 1968 - Pinks E. Die Uiguren von Kanchou in den frühen Sung-zeit (960-1028). Asiatische forschungen. Bb. XXIV. Wiesbaden, 1968.

Pritsak 1988 - Pritsak O. The distinctive features of the pax nomadics // Popoli delle steppe: Unni, avari, ungari. Spoleto, 1988. P. 749-780.

Pulleyblank 1950 - Pulleyblank E.G. The Tzujih Tongjian Kaoyi and the sources for the history of the period 730-763 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. N.XIII. London, 1950. P. 448-473.

Pulleyblank 1952 - Pulleyblank E.G. A sogdian colonies in Inner Mongolia // T'oung Pao. 41. Paris-Leydes, 1952. P.317-356.

Pulleyblank 1955 - Pulleyblank E.G. The Background of the An Lu-shan rebellion. London-New-York-Toronto, 1955

Pulleyblank 1956 - Pulleyblank E.G. Some remarks on the Toquz-oquz problem // Ural-Altäische Jahrbücher. Bb. XXVIII, 1-2. Wiesbaden, 1956. S. 35-42

Pulleyblank 1961 - Pulleyblank E.Q. Chinese historical criticism: Liu Chih-chi und Ssu-ma Kuang // Historians of China and Japan. Ed. By W.Q.Beasley and E.Q.Pulleyblank. London.. New-York-Toronto, 1961. P.135-166

Pulleyblank 1990 - Pulleyblank E.Q. The "High carts": a turkish-speaking people before the Turks // Asia Major. III ser, Vol. II Part I. London-Leipzig, 1990. P.21-26.

Radloff 1895 - Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Leief.3. St.Ptb., 1895. S.175-460.

Ramstedt 1930 - Ramstedt G.I. Zwei uigurische runeninschriften in der Nord Mongolei // Journal de la Societe Finno-ougrienne. 30. Helsinki, 1930.

Rotours 1947-1948 - Rotours R. Des. Traite des fonctionnaires et traite de l'armée, traduits de nouvelle Histoire des T'ang. I-II vol. Leide, 1947-1948.

Rotours 1962 - Rotours R. Des. Histoire de Ngan-Lou-chan. Paris, 1962.

Schlegel 1896 - Schlegel G. Die chinesische Inschriften auf dem uigurischen Denkmal in Karabalgasun // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. IX. Helsingfors, 1896.

Sung 1978 - A Sung Bibliography. Ed. By E. Balazs, Ives Hervoet. Hong Kong, The Chinese University Press, 1978.

Szerb 1983 - Szerb J. A note on the tibetan-uighur treaty of 822-823 A.D. //

Contributions on tibetan Language, History and Culture. Ed. By E.Steikellner and H.Tauscher (Proceedings of the Csoma de körös symposium held at Velm-Vienna, Austria. Vol.I. Wien. 1983). Arbeitskreis fur tibetische und buddistische Studien Universitat Wien. Heft 10. Wien, 1983. P. 375-387.

Tsai Wenshen 1967 - Tsai Wenshen. Li Te-yunun mektuplarina gore Uygurlar (840-900). Doctora Calismasi. Taipei, 1967.

Uray 1979 - Uray G. The Old tibetan sources of the history of Central Asia up to 751 A.D.: A Survey // Prolegomena to the sources on the history of pre-islamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 275-304.

Visdelou 1799 - Visdelou C. de. Histoire abrégée de la Tartarie. "Biblitheque Orientale". Vol.4. Le Haye, 1799.

Wang Gungwu 1973 - Wang Gungwu. Some comments on the later standard histories // Essay on the sources for Chinese history. Canberra, Australian National University Press, 1973. P.53-63.

Wittfogel - Feng Chia-sheng 1949 - Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History of Chinese society Liao (907-1125). The American philosophical society. Philadelphia, 1949.

Yang Lien-sheng 1961 - Yang Lien-sheng. The organization of Chinese official Historiography: principles and methods of the standard histories from the T'ang through the Ming dynasty // Histories of China and Japan. Ed. By W.Q. Beasley and E.Q. Pulleyblank. London. (Oxford University Press), New-York, Toronto, 1961. P. 44-59.

Yoshida 1988 - Yoshida Yutaka. Some new readings of the Sogdian version of the Karabalgasun inscription // Documents et archives de L' Asie Central. Paris, 1988. P.117-123.

Zieme 1973 - Zieme P. Die Uiguren und ihre Beziehungen zu China // Central Asiatic Journal. Vol.17, 2-4. Wiesbaden, 1973. S. 282-293.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КАМАЛОВ АБЛЕТ КАЮМОВИЧ родился 27 октября 1961 в г.Кульдже Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В 1979-1984 гг. обучался на китайском отделении Восточного факультета Ташкентского государственного университета. В 1989 г. закончил очную аспирантуру в Ленинградском Отделении Института востоковедения Академии наук СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). Кандидат исторических наук.

Работал научным сотрудником в Институте уйгуроведения им. Г. С. Садвакасова Академии наук Республики Казахстан, заведующим Отделом истории Центра уйгуроведения при Институте востоковедения МН - АН РК, доцентом Казахского государственного национального университета им. Аль-Фараби.

Выступал научным экспертом Фонда Сорос-Казахстан. Участник Летних Университетов по истории Центральной Азии, политологии и праву, организованных Фондом Сорос-Казахстан в Алматы (1997) и Будапеште (2001).

В 1998-1999 гг. проходил научную стажировку по программе Фулбрайта в Вашингтонском Университете в г. Сиэтл, США, во время которой исследовал материалы архива Государственного Департамента США по истории Восточно-Туркестанской Республики (1944-1949 гг.).

Участник востоковедных (тюркологических, уйгуроведческих, китаеведческих) конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Алматы, Бишкеке, Анкаре, Торонто, Сиэтле. Автор большого числа научных статей по истории уйгуров и Центральной Азии, Восточного Туркестана, Танского Китая, по проблемам историографии и средневекового источниковедения Центральной Азии и Китая.

Научное издание

Камалов Аблет Каюмович

Древние уйгуры. VII-IX вв.

Технический редактор М. Жамиев
ИБ № 01

Сдано в набор 7.03.2001. Подписано в печать 29.07.2001.

Формат 60x84 Бумага тип. № 1. Усл п. л. 13,5.

Гарнитура литературная.

Тираж 1000 экз.

2-й завод 500 экз.

Издательский дом «Наш Мир», 480100,
г. Алматы, Джамбула, 25